

ISSN 2074-9848

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2011

4 (10)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2011

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2011

4 (10)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2011.
144 с.

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2011

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии, ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель, *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., проректор по организации работы ученых советов, зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ — сопредседатель, *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН, *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН, *К. Веллман*, д-р, исполняющий обязанности директора Отдела по вопросам исследований мира и конфликтов Института социальных наук Университета Христиана-Альбрехта, г. Киль (Германия), *А. В. Кортунов*, канд. ист. наук, президент АНО «ИНО-Центр», *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия), *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, *А. Ю. Мельвил*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета — Высшая школа экономики, *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН, *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., генеральный директор фонда «Бюро экономического анализа», профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Редакционная коллегия

Н. В. Каледин, канд. геогр. наук, доц., зав. кафедрой региональной политики и политической географии, проректор по учебно-методической работе СПбГУ — сопредседатель, *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики, проректор по научной работе БФУ им. И. Канта — сопредседатель, *Н. Г. Бабенко*, д-р филол. наук, доц., директор Института русского языка и культуры БФУ им. И. Канта, *С. И. Богданов*, д-р филол. наук, проф. кафедры общего языкознания, декан факультета филологии и искусств СПбГУ, *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, доц., директор НОЦ «Институт Балтийского региона» БФУ им. И. Канта, *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, *Э. Кнаппе*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия), *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН, *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений Северо-Западной академии государственной службы, *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ, *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., директор Института географии, зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша), *Н. Г. Скворцов*, д-р социол. наук, проф., декан факультета социологии, проректор по научной работе СПбГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакционного совета</i>	5
Международные отношения	
<i>Ланко Д. А. Историческая память в эпоху глобализации: пример российско-эстонских отношений</i>	6
<i>Смирнов В. А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980 — 1990-х годов: роль «политиков морали»</i>	18
<i>Баторшина И. А., Воловой В. Современная внешняя политика Литвы: корректировки традиционного курса</i>	32
<i>Федоров Г. М., Городков М. А., Жуковский И. И. Роль Калининградской области в развитии российско-германских связей</i>	41
Экономические аспекты международного сотрудничества	
<i>Пылаева Т. Влияет ли коррупция на устойчивость экономического роста?</i>	49
<i>Вовенда А. В., Плотников В. А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях</i>	60
<i>Линецкий А. Ф. Вступление России во Всемирную торговую организацию как важнейший фактор ее интеграции в мировую экономику</i>	69
<i>Ивченко В. В., Борониллов А. Б. О концепции нормативной оценки экономической эффективности использования ГЛОНАСС в приморских регионах</i>	79
<i>Кретинин Г. В. Особенности энергетической стратегии ЕС в Балтийском регионе</i>	86
<i>Рябиченко А. В. Освещение современных российских инноваций в СМИ Дании</i>	97
<i>Питыка В. В. Протокол как инструмент международных экономических отношений</i>	106
Международные отношения: исторический ракурс	
<i>Вдовин М. С. Особенности выбора институционального пути развития в Восточной Европе XVI—XVII веков: Московское государство и Речь Посполитая</i>	111
<i>Чернышев Е. Ю. Европейская идея в Центральной Европе и Скандинавии как часть политики безопасности и мирного сосуществования в рамках послевоенного планирования</i>	123
Этнокультурная дифференциация территории	
<i>Манаков А. Г., Андреев А. А. Культурно-ландшафтное районирование Северо-Запада России</i>	134

CONTENTS

Introduction.....	5
International relations	
<i>Lanko D.A.</i> Historical memory in the age of globalisation: the case of Russian-Estonian relations	6
<i>Smirnov V.A.</i> The formation of political elite in Lithuania at the turn of the 1980s—1990s: the role of «moral politicians»	18
<i>Batorshina I.A., Volovoy V.</i> Modern Lithuanian foreign policy: traditional policy adjustment	32
<i>Fedorov G.M., Gorodkov M.A., Zhukovsky I.I.</i> The role of the Kaliningrad region in the development of Russian-German relations	41
Economic aspects of international cooperation	
<i>Polajeva T.</i> Does corruption influence the sustainability of economic growth?..	49
<i>Vovenda A.V., Plotnikov V.A.</i> Euroregions as a factor of successful international integration in modern conditions	60
<i>Linetsky A.F.</i> Russian accession to the WTO as an important factor of the country's integration into the world economy	69
<i>Ivchenko V.V., Boronilov A.B.</i> On the concept of normative evaluation of cost-effectiveness of GLONASS application in coastal regions	79
<i>Kretinin G.V.</i> The features of EU energy strategy in the Baltic region	86
<i>Ryabichenko A.V.</i> The image of modern Russian innovations in Danish mass media.....	97
<i>Pshtyka V.V.</i> Diplomatic protocol as a form of international economic relations.....	106
International relations: historical aspects	
<i>Vdovin M.S.</i> The features of choosing an institutional development trajectory in Eastern Europe in the 16 th -17 th centuries: Moscow and Rzeczpospolita.....	111
<i>Chernyshev E. Yu.</i> The European idea in Central Europe and Scandinavia as a part of the security and peaceful co-existence policy in the framework of postwar planning.....	123
Ethnocultural differentiation	
<i>Manakov G.A., Andreev A.A.</i> Historical and cultural zoning in North-Western Russia.....	134

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

С начала 1990-х гг. в Балтийском регионе активно развивается международное политическое, экономическое и культурное сотрудничество: многостороннее — через различные международные и региональные организации (важнейшими из которых являются ЕС и СГБМ), двустороннее — между отдельными странами и субнациональное — между регионами, городами, неправительственными организациями различных государств. Именно благодаря этому сотрудничеству Балтийский регион преодолел раскол, существовавший в годы «холодной войны», и превратился в один из важнейших международных регионов современного мира. Поэтому в четвертом номере журнала «Балтийский регион» 2011 г. анализируются прежде всего различные аспекты международного сотрудничества.

Первый раздел номера посвящен международным отношениям. В статьях этого раздела рассматриваются такие вопросы, как историческая память в эпоху глобализации на примере российско-эстонских отношений (Д. А. Ланко), формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980-х и 1990-х гг. (В. А. Смирнов), современная внешняя политика Литвы (И. А. Баторшина, В. Воловой), роль Калининградской области в развитии российско-германских связей (Г. М. Федоров, М. А. Городков, И. И. Жуковский).

Во втором разделе «Международное экономическое сотрудничество» представлены работы о влиянии коррупции на устойчивость экономического роста (Т. Пылаева), о роли еврорегионов в успешной международной интеграции (А. В. Вовенда, В. А. Плотников), вступлении России в ВТО как важнейшего фактора ее интеграции в мировую экономику (А. Ф. Линецкий), концепции нормативной оценки экономической эффективности использования ГЛОНАСС в приморских регионах (В. В. Ивченко, А. Б. Борониллов), особенностях энергетической стратегии ЕС в Балтийском регионе (Г. В. Кретинин), образе современных российских инноваций в СМД Дании (А. В. Рябиченко), роли протокола как инструмента международных экономических отношений (В. В. Пштыка).

Тема третьего раздела журнала — исторический ракурс международных экономических отношений: особенностей выбора институционального пути развития Московского государства и Речи Посполитой в XVI—XVII вв. (М. С. Вдовин), формирования идеи европейского единства в Центральной Европе и Скандинавии как инструмента коллективной безопасности и межгосударственного сотрудничества (Е. Ю. Чернышев).

Завершает номер раздел «Этнокультурная дифференциация территории», в который входит статья А. Г. Манакова и А. А. Андреева о культурно-ландшафтном районировании Северо-Запада России.

Ряд опубликованных статей имеют дискуссионный характер, и мнение их авторов не всегда совпадает с мнением редакционного совета и редколлегии журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.57

Д. А. Ланко

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРИМЕР РОССИЙСКО- ЭСТОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Раскрываются некоторые результаты исследования, проведенного в рамках международного проекта «На пути к общему прошлому», реализуемого совместно учеными из университетов России, Балтийских и Северных стран. Цель статьи — соотнести категории глобализации и исторической памяти. Благодаря выявленной взаимосвязи между этими двумя категориями получает развитие и научная дискуссия о глобализации, и дискуссия об исторической памяти. Используя дискурсный анализ для исследования академических дискурсов о глобализации и об исторической памяти, автор приходит к следующим выводам. С одной стороны, историческая память служит аргументом для сторонников глобализации: утверждается, что она имеет длительную историю, а потому является необратимым процессом. С другой стороны, благодаря глобализации международное значение приобретают исторические события, ранее обладавшие исключительно локальным значением. Последний вывод подтверждается на основе сопоставления российского и эстонского дискурсов о взаимосвязи событий сентября 1944 и апреля 2007 г. в Таллине. Демонстрация различий между двумя национальными дискурсами может способствовать пониманию российскими исследователями причин политических решений, принятых эстонским руководством в апреле 2007 г. Это обуславливает практическую значимость исследования, поскольку важнейшая задача науки международных отношений — не объяснить, какое решение руководству той или иной страны было бы правильно принять в данном случае, но помочь понять, почему принято именно такое решение. Автор выражает благодарность своим коллегам из Санкт-Петербургского государственного университета, Балтийского федерального университета им. И. Канта, а также университетов Лунда (Швеция), Тампере (Финляндия) и Тарту (Эстония) за их комментарии к более ранним версиям данной статьи; при этом автор один несет ответственность за выводы, содержащиеся в работе.

Ключевые слова: глобализация, историческая память, историческая политика, российско-эстонские отношения, памятники истории.

Авторы значительного числа научных работ по глобализационной отмечают, что глобализация, несмотря на то что эта категория вошла в научный оборот лишь в 1990-е гг., имела место еще за 100 лет до этого — в конце XIX в. Например, К. Уолц не только указывает, что в тот период для международных отношений были характерны процессы, которые сегодня известны как глобализация, но и утверждает, что глобализация международных отношений начала XX в. была глубже, чем в конце XX в. [21]. В этом заключается один из важнейших аргументов сторонников глобализации среди интеллектуальной элиты: глобализация имеет длительную историю, поэтому ее следует воспринимать как объективно существующий процесс, а значит, бессмысленно ставить вопрос, нужно ли тому либо иному государству принимать участие в процессах глобализации, — необходимо переходить к практической дискуссии о конкретных шагах в данном направлении.

В основе этого логического заключения лежит превратно понимаемый принцип исторического детерминизма: если тот или иной феномен существует на протяжении длительного периода, следовательно, его существование предопределено самим «ходом исторического развития». Данный аргумент широко используется сторонниками консервативного подхода к различным проблемам, хотя в истории консервативной мысли можно найти немало примеров критики и упомянутого аргумента, и принципа исторического детерминизма как такового. Исторический детерминизм неразрывно связан с именем Г. Гегеля. В его работе «Философия истории», во-первых, излагается принцип диалектики применительно к историческому развитию, в соответствии с которым конфликт является движущей силой истории, а во-вторых, высказывается предположение о том, что появление новой политической системы исторически детерминировано конфликтами, которые существуют внутри политической системы, предшествовавшей ей [4].

Позаимствованные у Г. Гегеля идеи об историческом детерминизме легли в основу марксистских представлений об истории. Как было показано выше, они и сегодня сохраняют актуальность, позволяя приверженцам глобализационных теорий с левых позиций формировать целостные представления о современных международных отношениях и месте глобализации в них. Однако с этими представлениями категорически не соглашаются сторонники консервативных представлений о ходе исторического развития. Так, Э. Бёрк рассматривал историческое развитие не как объективное и предопределенное некой внешней силой движение, но предполагал, что оно зависит от особенностей представлений и поведения конкретных людей [17, с. 40]. На этом предположении основывается и то внимание, которое американские историки уделяют в своих работах отдельным историческим личностям. На нем основывается и важнейший тезис консерватизма, который мы находим в риторике российских консерваторов начала XXI в., — тезис о «человеческом факторе».

В самом деле, понятие консерватизма присутствовало в риторике лидеров российской политической партии «Единая Россия» с момента ее

образования в конце 2001 г. В том же году будущий председатель Высшего совета партии Б. В. Грызлов защитил диссертацию, в которой, в частности, были определены предпосылки формирования консервативной составляющей российского политического спектра [6]. В 2002 г., когда Б. В. Грызлов был избран председателем Высшего совета партии, упоминания о консерватизме в контексте идеологической основы «Единой России» стали постоянными. Консервативные цели продолжают активно использоваться и почти десятилетие спустя [5]. Одновременно с появлением в риторике лидеров «Единой России» тезиса о консерватизме ими стал применяться и тезис о «человеческом факторе». Однако значение этого понятия в трактовке российских консерваторов начала XXI в. оказалось иным, чем то, которое вкладывал в него Э. Бёрк.

В самом деле, тезис о «человеческом факторе» в современной России используется главным образом для объяснения тех негативных явлений, которые имеют место в стране, что преследует одновременно две цели. С одной стороны, помогает преодолению безответственности, характерной для российской политики предшествовавшего периода, когда все негативные явления списывали на объективные причины, а если таковых не находилось — то на переходный период в целом. С другой стороны, способствует и легитимации существующего политического режима: создается впечатление, что в стране преобладают положительные явления, а если есть отдельные отрицательные, то их причиной и становится «человеческий фактор». Это несколько расходится с трактовкой понятия «человеческий фактор» в трудах Э. Бёрка, который предполагал, что он обуславливает все явления в истории: как положительные, так и негативные.

Исторический детерминизм неприемлем и для другого консервативного историка — А. де Токвиля. Помимо «человеческого фактора», в его работах значительное место уделяется роли случая в истории. Ниже будет показано, в какой мере представления политических лидеров о роли случая в историческом развитии влияют на их внешнюю политику и как эти представления изменяются от региона к региону. Что же касается исторического детерминизма, то по отношению к нему А. де Токвиль использует понятие «доктрина фатальной неизбежности», которая способна, с его точки зрения, парализовать «активность современного общества» [11, с. 367]. Исторический детерминизм, по мнению де Токвиля, свойственен исключительно историкам «демократических времен»; в качестве примеров здесь он приводит именно американских историков. Действительно, принцип исторического детерминизма мы обнаруживаем в работах американского историка Б. Адамса, увидевших свет на рубеже XIX — XX вв. [14].

Неудивительно, что в ситуации, при которой одновременно существуют как минимум два подхода к истории — исторический детерминизм и так называемый консервативный подход, теоретики исторического знания начинают задаваться вопросами о функциях истории. Одним из первых эту проблему затронул Ф. Ницше в одной из своих ран-

них работ [9], в полной мере отражающей кризис исторического знания, возникший в Европе в середине XIX в. С одной стороны, этот кризис породил вопрос о функции исторического знания, который в иных условиях мог бы и не возникнуть. С другой стороны, данным кризисом вызваны попытки его преодоления путем трансформации истории в науку в соответствии с требованиями позитивистской философии. Собственно, упомянутая работа Ф. Ницше и была написана в контексте критики этих попыток; ведь, по его мнению, сделать историю объективной наукой, как этого требует позитивистская философия, невозможно. Более того, подобные попытки могут принести вред существующему обществу.

Переосмысление рассматриваемой работы Ф. Ницше привело к появлению значительного числа публикаций, в которых содержалась попытка ответить на вопрос о функциях истории; в числе прочих нельзя не назвать книгу «Бытие и время» М. Хайдеггера [13]. В какой-то мере к числу этих публикаций можно отнести и исторические работы Ф. Броделя, где мысль о невозможности объективного постижения истории кладется в основу тезиса о множественности истории: каждая цивилизация создает свою историю, и все эти истории истинные [3]. При этом Ф. Бродель остается в первую очередь преподавателем истории, а не ученым-исследователем и пишет он, соответственно, о той роли, которую выполняет преподавание истории. По его мнению, эта роль может быть как отрицательной, так и положительной: ведь преподавание истории как множества историй, различных для разных цивилизаций, может способствовать диалогу между ними, а преподавание истории в контексте детерминизма, напротив, будет препятствовать ему.

Исторический детерминизм и сегодня продолжает оставаться популярной концепцией — как среди профессиональных историков, пытающихся превратить историю в объективную науку (против чего горячо выступал Ф. Ницше), так и среди тех авторов, которые стремятся использовать историческое знание в целях подтверждения своих теорий, относящихся к проблемному полю других наук, в том числе политической. В качестве примера здесь можно привести концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы [12]. В своих теоретических построениях он отталкивается от исторического факта, согласно которому в начале XIX в. в мире было всего несколько демократических государств, а к концу XX в. их число выросло до нескольких десятков. Соответственно, делает вывод Ф. Фукуяма, демократизация является исторически детерминированным процессом; далее он переходит к анализу возможных последствий демократизации.

Р. Кейган, критикуя Ф. Фукуяму, также обращается к историческому детерминизму для обоснования своих представлений. Как и большинство критиков Ф. Фукуямы, Р. Кейган опирается на первую часть его работы, где постулируется, что мировая история представляет собой главным образом историю войн, а с всеобщей демократизацией войны на земле прекратятся. Вторую часть труда Ф. Фукуямы, благодаря которой в заглавие вошло словосочетание «последний человек»,

он игнорирует. Уже в таком построении работы Р. Кейгана можно увидеть признаки исторического детерминизма. В самом деле, ведь демократизация имеет определенную историю, следовательно (как подсказывает принцип исторического детерминизма), у нее есть и будущее. Другое дело, что будущее демократизации не представляется Р. Кейгану таким светлым, каким его видел Ф. Фукуяма в начале 1990-х гг., поскольку автократическая традиция также «имеет долгую и выдающуюся историю» [7, с. 32].

Вероятно, исторический детерминизм продолжает оставаться популярным из-за того воздействия на общество, в соответствии с которым понятия «предсущий» и «внеположенный» приобретают тождественное значение [10, с. 32]. Иначе говоря, благодаря историческому детерминизму люди верят, что если что-то было раньше, то оно будет существовать и впредь, а если чего-то раньше не существовало, то его можно считать (в лучшем случае) не более чем веянием моды, которое исчезнет в краткосрочной перспективе. Что касается политической науки, то явления или процессы мира политического, историю которых возможно проследить, относят к прочно устоявшимся, в то время как те явления и процессы, историю которых проследить не удастся, можно игнорировать. На этой функции исторического знания основывается большинство случаев использования истории в политических интересах, причем в последнее время социологи отмечают возросшую частоту обращений к истории в политической риторике.

Так, А. Астров пытается найти иные, чем русофобия, причины повышенного внимания, которое правительство современной Эстонии уделяет тому, что оно называет наследием тоталитаризма [2]. В самом деле, на протяжении почти трех веков взаимоотношения между Россией и титульной нацией Эстонии отличались крайне противоречивым характером, а советский эстонский период оценивается большинством титульной нации исключительно конфликтогенно, поэтому неудивительно, что среди значительной части эстонских граждан существуют русофобские настроения. Может сложиться мнение, что эти настроения заставляют правительство маленькой европейской страны ссылаться на наследие тоталитаризма на всех доступных ей международных форумах с целью оказать дипломатическое давление на Россию — правопреемницу крупнейшей тоталитарной державы прошлого. Как считает А. Астров, к которому мы присоединяемся, это мнение ошибочно, а причины обращения к истории в риторике политических лидеров Эстонии следует искать — в полном соответствии с высказываниями Ф. Ницше — не в прошлом, но в настоящем. Сегодня же российско-эстонские отношения нельзя назвать дружественными, они скорее тяготеют к иррациональной враждебности.

В связи с этим представляется, что причину такого пристального внимания Эстонии к проблематике тоталитаризма следует искать не на Востоке — в России, а на Западе. Действительно, после распада Советского Союза целью внешней политики Эстонии стало признание ее Западом в качестве своей части. И эта цель была реализована: ценой

серьезных по меркам меленькой страны с небольшим бюджетом издержек и активной антироссийской компании, которая велась в расчете на «внешнего слушателя», Эстония добилась вступления в НАТО и Европейский союз — важнейшие сообщества стран Запада. Однако в этот период возникли некоторые опасения того, что единый Запад исчезает, на его месте появляются конфликтующие между собой Европа и Америка. Соответственно и перед Эстонией встает непростой выбор — с какой частью Запада остаться? В кругах политической элиты звучит тезис о том, что объединить Запад помогло бы углубление представлений об общем враге, ведь в эпоху «холодной войны», когда Запад противостоял тоталитаризму, он был единым. Отсюда и стремление эстонского правительства поднимать вопрос об осуждении тоталитаризма на всех международных форумах, акцентируя внимание на его «восточных» проявлениях; при этом эстонские лидеры исходят из предположения о том, что упоминания о тоталитаризме «западном», к примеру фашизме, будут способствовать дезинтеграции большого Запада.

Вдали от Эстонии, в Австралии, мы обнаруживаем другой пример опоры политического лидера на политику памяти [18]. Речь идет о политике Дж. Говарда, занимавшего в 1996 — 2007 гг. пост премьер-министра Австралии, на период правления которого пришлось начало «глобальной войны против террора», объявленное президентом США Дж. У. Бушем после террористических актов 11 сентября 2001 г. Перед Австралией тогда встал нелегкий выбор. С одной стороны, она была последовательным союзником США на протяжении всех лет «холодной войны», с другой — присоединение к коалиции во главе с Соединенными Штатами Америки ставило Австралию под удар террористов, как это и случилось несколькими годами позже, когда австралийские граждане погибли в результате террористического акта на острове Бали. Премьер-министр Дж. Говард сделал выбор в пользу участия в коалиции, а для легитимации этого решения среди своих избирателей опирался на политику памяти.

Для политиков исторический детерминизм служит инструментом легитимации их решений. Объясняя какое-либо свое решение, политические лидеры формируют в общественном мнении представление о том, что оно было принято не просто по желанию конкретного лидера, но предопределялось самой историей. Примеры использования этого принципа мы находим и вне процесса принятия государственных решений. Так, к аргументу, основанному на историческом детерминизме, часто прибегают лидеры радикальных националистических движений. В то же время среди ученых продолжается дискуссия о происхождении национализма. Сторонники так называемого примордиального подхода указывают на то, что нации формируются на основе объективных факторов, существующих испокон веков, таких, как общая территория, раса, религия, язык, традиции и обычаи, экономический уклад жизни и т. п. [19]. Им возражают сторонники так называемого модернистского подхода [1]. С их точки зрения, европейские нации сформировались в XVIII — XIX вв. благодаря научно-технической революции, урбаниза-

ции и модернизации, а в последующие годы национализм вместе с той же модернизацией распространился по всему миру.

Радикальные националисты отрицают сам факт существования модернистской теории. Для них нации возникли задолго до начала модернизации в Европе и в разное время; и более высоким статусом обладает та нация, которая сформировалась раньше. Поэтому радикальные националисты используют историческое знание для того, чтобы доказать факт существования своей нации задолго до того, как на прилегающих землях появились нации-соседи, и подчеркнуть свое национальное превосходство перед ними. К этому приему прибегают радикальные националисты разных стран, из-за чего начинается своеобразная «война историй», в ходе которой представители различных наций пытаются любыми способами доказать древность своего происхождения.

Пример использования принципа исторического детерминизма предоставляет и теория демократии. Рост числа демократических государств на планете привел к тому, что в настоящее время демократиями провозглашают себя практически все государства мира (кроме абсолютных монархий Ближнего Востока), в том числе Северная Корея, официально носящая название «народно-демократической республики». В результате возникла необходимость создания классификации демократических режимов, и одним из ее способов стало деление их на «старые» и «молодые» демократии. Считается, что в «старых» демократических режимах демократии ничто не угрожает, в то время как в «молодых» демократия неустойчива и требует защиты или хотя бы присутствия иностранных наблюдателей. Некоторые исследователи даже называют точную дату, когда угроза «молодым» демократиям становится максимальной — это дата вторых парламентских выборов после принятия демократической конституции [15].

Принцип исторического детерминизма не учла американская администрация в период уже упоминавшегося кризиса Запада, который пришелся на середину первого десятилетия XXI в. Тогда часть европейских стран выступила против политики США в мире в целом и на Ближнем Востоке в частности, в то время как другие европейские государства поддерживали Соединенные Штаты. Эту поддержку в первую очередь оказали страны Центральной Европы и Балтии. В отношении этих стран бывший министр обороны США Д. Рамсфелд использовал метафору «новая Европа», имея в виду, что новая — значит прогрессивная [16]. Соответственно, те, кто были против американской политики, объявлены «старой Европой», что подразумевает их неспособность к дальнейшему развитию. Как представляется, здесь Д. Рамсфелд проигнорировал принцип исторического детерминизма, согласно которому «старое» представляется более привлекательным, чем «новое». Риторический прием не принес ожидаемых результатов: «старая» Европа не захотела становиться «новой».

Говоря о сфере международных отношений, нельзя не вспомнить дискуссию, которая ведется среди ученых-международников относи-

тельно перспектив Вестфальской системы международных отношений. Одни исследователи утверждают, что на смену ей в скором будущем придет новая система международных отношений; другие полагают, что альтернативы государствам в современном мире нет, а потому Вестфальская система сохранится на протяжении еще долгих лет. Любопытно, что предрекающие Вестфальской системе скорый распад часто указывают на то, что в 1648 г., от которого официально отсчитывается история этой системы, был сформирован лишь принцип, а международные отношения в Европе начали ему соответствовать не раньше XX в. В свою очередь сторонники Вестфальской системы утверждают, что она начала формироваться в 1648 г., однако отдельные ее элементы появились еще раньше, уже в годы Столетней войны [20].

Аналогичным образом история глобализации дает ее сторонникам дополнительный аргумент в спорах с критиками этого процесса: они утверждают, что поскольку глобализация имеет длительную историю и ее существование предопределено «самим ходом исторического развития», то критика данного явления бесперспективна. В этом, как представляется, заключается влияние исторического знания на дискуссию о глобализации. Одновременно глобализация сказывается и на историческом знании. Благодаря глобализации международная общественность узнает об исторических событиях, которые прежде были значимыми только для отдельных народов или даже локальных сообществ. Более того, трактовка этих событий становится предметом международных конфликтов, благодаря чему «конец истории», предсказанный Ф. Фукуямой, не состоялся, но вопросы истории все чаще поднимаются в международных отношениях.

Ярким примером здесь может служить внутриэстонский конфликт, быстро ставший и российско-эстонским дипломатическим сражением, кульминация которого пришлась на апрель 2007 г. Напомним, что тогда правительство Эстонской Республики во главе с премьер-министром А. Ансипом приняло решение выполнить одно из своих предвыборных обещаний, данных накануне прошедших парламентских выборов, и перенести из центра эстонской столицы Таллина памятник советским воинам-освободителям. Среди русскоязычной общественности Эстонии этот памятник известен как «бронзовый солдат», этнические эстонцы называют его просто «бронзовый человек». Перенос памятника и то, как это было сделано, спровоцировали массовые беспорядки со стороны русскоязычного населения. Автор данной статьи уже высказывал свои аргументы относительно причин того, что русскоязычная молодежь Эстонии избрала именно такую форму политического протеста [8]; здесь же хотелось бы подробнее рассмотреть аргументы эстонского правительства, поскольку они, как представляется, способны проиллюстрировать влияние глобализации на историческое знание, о котором говорилось выше.

За годы, прошедшие после массовых беспорядков в Таллине в апреле 2007 г., были названы многочисленные причины того, почему перенос памятника состоялся в принципе, а также это было сделано именно

тогда. Указывалось на многочисленные коррупционные скандалы в эстонском правительстве, имевшие место в 2003 — 2005 гг.; делались предположения о том, что дорогой земельный участок в центре Таллина, который занимал памятник, «приглянулся» одной из эстонских компаний. Прошедшие годы доказали несостоятельность данной версии, так как после переноса памятника на этом месте так и не было ничего построено. Говорилось о прошлом самого премьер-министра А. Ансипа, который после отставки бывшего эстонского президента А. Рюйтеля остался единственным бывшим коммунистом на высших должностях в стране и был вынужден таким образом доказывать свой «разрыв с коммунистическим прошлым» и лояльность Эстонской Республике.

Любопытную версию о причинах этих событий предложил А. Астров, о чем уже говорилось выше. Еще одну версию представляется возможным сформулировать на основе сопоставления исторических событий, значимых для российской общественности и общественности современной Эстонии, этнических эстонцев и русскоязычного населения. Оно показывает, что, называя «бронзового солдата» памятником истории, общественность двух стран имеет в виду разные события, память о которых он для них символизирует. Для российской общественности принципиальное значение имеют две исторические даты периода Второй мировой войны: 22 июня 1941 г., когда нацистская Германия напала на Советский Союз, и 9 мая 1945 г., когда она была разгромлена. «Бронзовый солдат» в представлениях российской общественности символизирует вторую из этих дат — 9 мая — день Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. И в представлениях российской общественности перенос «бронзового солдата» из центра Таллина символизировал неуважение этнических эстонцев к этой дате.

При этом недостаточное внимание было уделено тому факту, что для каждого локального сообщества существуют и «свои» исторические даты, символизовать которые призваны те или иные объекты материальной культуры, в том числе исторические памятники. Применительно к «бронзовому солдату» для эстонцев такой исторической датой является 22 сентября 1944 г. — день освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков. Ежегодно многочисленные представители русскоязычного населения эстонской столицы приходили к «бронзовому солдату» и возлагали цветы не только 9 мая, но и 22 сентября. И именно демонстрации 22 сентября, а не традиционные демонстрации русскоязычного населения возле «бронзового солдата» 9 мая стали причиной недовольства этнических эстонцев, в ответ на которое правительство страны приняло решение о переносе памятника.

День 22 сентября 1944 г. принес эстонцам не только освобождение от фашистской диктатуры, но и стал началом более чем сорокалетнего периода безуспешных попыток строительства коммунизма. По мнению эстонцев, фашистская оккупация сменилась оккупацией советской. Подчеркиваю: речь идет не о позиции автора статьи, а мнении большинства эстонских граждан титульной национальности. Это несовпа-

дение представлений об исторических датах, которое призван символизировать памятник и акт его переноса, и легло в основу конфликта между российской общественностью и русскоязычным сообществом Эстонии, с одной стороны, и этническими эстонцами — с другой. Российская общественность и русскоязычное сообщество Эстонии рассматривают перенос памятника как демонстрацию неуважения к важной для них исторической дате — 9 мая 1945 г.

В свою очередь этнические эстонцы, многие из которых сами чтут 9 мая как день освобождения Европы от фашизма, считают перенос памятника «забвением» другой исторической даты — 22 сентября.

В условиях, когда этнические эстонцы оказались неспособными донести до эстонского русскоязычного сообщества и до российской общественности важность для них именно этой даты, конфликт оказался неизбежным. Таким образом, новая историческая дата — 22 сентября 1944 г., которая ранее обладала значимостью лишь на локальном уровне (для жителей Таллина), — положила начало международному конфликту и приобрела значимость международного уровня.

Эстонские события — еще один яркий пример того, как в эпоху глобализации значимость на глобальном уровне приобретают исторические события, ранее имевшие исключительно местное значение, и как историческая память об этих событиях становится источником международных конфликтов.

С нашей точки зрения, перенос памятника и могилы советских солдат мог быть вынесен на общественное обсуждение, по результатам которого — с необходимыми воинскими почестями и соблюдением международно-правовых формальностей — можно было произвести известные действия. Это был бы компромисс между двумя моделями исторической памяти, и конфликт не приобрел бы такой масштаб.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. *Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // *Pro et Contra*. 2009. № 3 — 4 (46). С. 109 — 124.
3. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории. М., 1993.
5. *Гончаров В. Э.* Идеологический брендинг «Единой России» // *ПОЛИТЭКС = Политическая экспертиза*. 2010. № 1. С. 68 — 82.
6. *Грызлов Б. В.* Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2001.
7. *Кейган Р.* Конец иллюзиям: история возвращается // *Pro et Contra*. 2007. № 6 (39). С. 20 — 40.
8. *Ланко Д. А.* Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007—2009 гг. // *ПОЛИТЭКС = Политическая экспертиза*. 2009. № 2. С. 209 — 230.
9. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. М., 2008.
10. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Социология знания о прошлом. М., 2005.

11. *Токвиль де А.* Демократия в Америке. Кн. 2. М., 2000.
12. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.
13. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
14. *Adams B.* The New Empire. London, 1902.
15. *Bernhard M., Reenock C., Nordstrom T.* Economic Performance and Survival in New Democracies: Is There a Honeymoon Effect? // *Comparative Political Studies*. 2003. Vol. 36, N 4 (May). P. 404 — 431.
16. *Cornwell R.* Rumsfeld 'Mends Fences' by Lumping Germany with Cuba and Lybia in an Axis of Bad Boys // *The Independent*. 2003. February 8.
17. *Kirk R.* The Conservative Mind: from Burke to Eliot. Washington, 1985.
18. *McDonald M.* "Lest We Forget": The Politics of Memory and Australian Military Intervention // *International Political Sociology*. 2010. Vol. 4, N 3 (September). P. 287 — 302.
19. *Needham R.* Primordial Characters. Charlottesville, 1978.
20. *Ouellet J.* Authority, Trade and Ideas: Using Systems Theory to Understand Borders and Identity // *Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship* / ed. by K. Khudoley, D. Lanko. St. Petersburg, 2004. P. 16 — 37.
21. *Waltz K.* Globalization and Governance: James Madison Lecture // *Political Science and Politics*. 1999. Vol. 32, N 4 (December). P. 693 — 700.

Об авторе

Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: dimppa@hotmail.com

D. A. Lanko

HISTORICAL MEMORY IN THE AGE OF GLOBALISATION: THE CASE OF RUSSIAN-ESTONIAN RELATIONS

This article is a contribution to the discussion within the "Towards the Common Past" international academic network bringing together scholars from Russia, the Baltic States and the Nordic countries. It assesses the relationship between globalization and historical memory, thus contributing the discussion on globalization and the roles and applications of history. On the basis of analysis of academic discourses on globalization and historical memory, the author arrives at two conclusions. On one hand, the proponents of globalization use historical memory as one of their arguments: they claim that the history of globalization in international relations stretches back to the 19th century, thus globalization is an irreversible process. On the other hand, globalisation attaches international significance to historical events that earlier were considered of local importance. The author proves the latter statement through comparing Russian and Estonian discourses on the relationship between events, which took place in Tallinn in September 1944 and April 2007. Highlighting the differences between the two discourses may help Russian scholars understand the reasons behind the political decisions made by Estonian authorities in April 2007. It accounts for the practical significance of the research conducted, since one of the most important objectives of international relations as a discipline is not to explain what decision would have been the most appropriate in the given situation, but to further the understanding reasons behind the actually made decision. The author expresses his gratitude to the colleagues from St. Petersburg State

University and the Immanuel Kant Baltic Federal University, as well as those from the Universities of Lund (Sweden), Tampere (Finland), and Tartu (Estonia) for their comments on earlier versions of this article. At the same time, the author alone bares all responsibility for the conclusions made in the article.

Key words: globalization, history, politics of memory, Russian-Estonian relations, historical monuments.

References

1. *Anderson, B.*, 2001. Voobrazhaemye soobwestva: razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma. M.: Kanon-Press-C.
2. *Astrov, A.*, 2009. Pro et Contra, 2009, №3 — 4 (46), pp. 109 — 124.
3. *Brodel, F.*, 2008. Grammatika civilizacij. M.: Ves mir.
4. *Gegel, G. V. F.*, 1993. Filosofija istorii. M.: Nauka.
5. *Goncharov, V. Je.*, 2010. POLITJeKS = Politicheskaja jekspertiza, №1, pp. 68 — 82.
6. *Gryzlov, B. V.*, 2001. Politicheskie partii i rossijskie transformacii: teorija i politicheskaja praktika. SPb.
7. *Kejgan, R.*, 2007. Pro et Contra, №6 (39), pp. 20 — 40.
8. *Lanko, D. A.*, 2009. POLITJeKS = Politicheskaja jekspertiza, №2, S. 209 — 230.
9. *Nicsh, F.*, 2008. O Pol'ze i vrede istorii dlja zhizni. Sumerki kumirov, ili Kak filosofstvovat' molotom. M.: AST.
10. *Saveleva, I. M., Poletaev, A. V.*, 2005. Sociologija znanija o proshlom. M. Vysshaja shkola jekonomiki.
11. *Tokvil de, A.*, 2000. Demokratija v Amerike. Kniga 2. M.: Ves' mir.
12. *Fukujama, F.*, 2004. Konec istorii i poslednij chelovek. M.: AST.
13. *Hajdegger, M.*, 1997. Bytie i vremja. M.: Ad Marginem.
14. *Adams, B.*, 1902. The New Empire. London: Macmillan.
15. *Bernhard, M., Reenock, C., Nordstrom, T.*, 2003. Comparative Political Studies, Vol. 36, No. 4 (May), P. 404 — 431.
16. *Cornwell, R.*, 2003. The Independent, February 8.
17. *Kirk, R.*, 1985. The Conservative Mind: from Burke to Eliot. Washington: Regnery.
18. *McDonald, M.*, 2010. International Political Sociology, Vol. 4, No. 3 (September), P. 287 — 302.
19. *Needham, R.*, 1978. Primordial Characters. Charlottesville: University Press of Virginia.
20. *Ouellet, J.*, 2004. Authority, Trade and Ideas: Using Systems Theory to Understand Borders and Identity. In: K. Khudoley, D. Lanko, eds. 2004. Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, P. 16 — 37.
21. *Waltz, K.*, 1999. Political Science and Politics. Vol. 32, No. 4 (December), P. 693 — 700.

About author

Dr Dmitry A. Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University.
E-mail: dimppa@hotmail.com

В. А. Смирнов

**ФОРМИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТЫ ЛИТВЫ
НА РУБЕЖЕ 1980 —
1990-х ГОДОВ:
РОЛЬ «ПОЛИТИКОВ
МОРАЛИ»¹**

Рассматривается динамика структурных изменений политической элиты Литовской Республики в постсоветский период через призму изучения роли так называемых «политиков морали» — интеллектуалов, представителей искусства и культуры, сыгравших решающую роль в период демонтажа коммунистической системы и выработки последующего политического курса страны.

Значение политической элиты, понимаемой в соответствии с определением Р. Патнэма и Дж. Хигли, рассматривалось в условиях политической нестабильности и неопределенности, присущих трансформационному процессу. В данном контексте роль ключевых акторов изменений интерпретировалась, исходя из методологической конструкции так называемой «Стэнфордской модели» Г. Алмонда, а также теории конвертации капиталов П. Бурдьё.

Реконструирован ход политических изменений в Литовской Республике на начальном этапе ее независимости, в рамках которого ключевую роль сыграли «политики морали», впоследствии в подавляющем большинстве вышедшие из состава политической элиты. Цель научного исследования — на примере Литовской Республики продемонстрировать продолжающуюся зависимость актуального политического курса стран Балтии от ключевых выборов, осуществленных властными группами на рубеже 1980 — 1990-х гг.

В отечественной политической науке в настоящее время существует недостаток конкретных страноведческих исследований проблем изменения элит в контексте изучения процессов посткоммунистической трансформации. Данная работа уточняет научное понимание содержания механизма появления «новой» политической элиты в посткоммунистических обществах в условиях влияния эндогенных и экзогенных факторов в ходе трансформации. Фиксация процессов элитообразования в Литве, оценка закономерностей, тенденций, определение центров влияния и характера внутриэлитных взаимодействий, а также глубокое понимание функционирования политической системы Литвы в целом позволят России более эффективно выстраивать свою внешнюю политику на балтийском направлении, своевременно реагируя на возникающие вызовы.

Ключевые слова: Литва, трансформация, политическая элита, «политики морали».

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых «Механизмы рекрутации и воспроизводства политических элит в посткоммунистических обществах на примере Республики Польша» МК-3627.2011.6. Случай Литвы рассматривается с целью последующего сопоставления с опытом элитогенеза в Республике Польша, где в переговорах так называемого «круглого стола» особую роль сыграли и «политики морали».

Рассматривая политическую трансформацию в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), последовавшую за прекращением существования коммунистического блока, как переходный, нестабильный политический процесс, переход системы из одного состояния в другое, необходимо подчеркнуть роль политической элиты², выступившей в качестве ключевого агента изменений. Важность той роли, которую политическая элита играет в переходном политическом процессе, может быть объяснена нарушением институционального процесса развития [4]. В стабильное время основой политического процесса служат институты, однако в период радикальных изменений на первый план выдвигаются представители политической элиты, от решений и действий которых во многом зависит достижение политической стабильности. Вильфредо Парето, один из основателей классической теории элит, писал об «эквилибриуме» (социальном равновесии), увязывая его достижение с борьбой внутри политической элиты (циркуляцией «львов» и «лис»), которую он считал главной движущей силой и субъектом политического процесса [16].

Общество, переходя из одного состояния в другое и становясь тем, что Карл Поппер называл «открытое общество», неизменно приобретает при этом одну из своих главных характеристик — именно в открытом, а не в закрытом обществе многие его члены стремятся подняться по социальной лестнице и занять более высокие в иерархическом плане места [30, с. 218]. Политическая элита *per se* представляет собой открытую систему. Потенциальная возможность войти в политическую элиту есть у обладателя любого образовательного, профессионального и имущественного статуса (а в периоды кризисов — в том числе и у выходцев из маргинальных слоев) [24]. Наиболее широко раскрываются двери элиты, чтобы впустить туда «свежую кровь», при смене режимов, во время кризиса развития, характеризующегося высокой динамикой политических изменений. Этот период длится относительно недолго, и как только режим стабилизируется, элита пытается вновь «закрыть двери» [26, с. 92]. Если для Карла Поппера вся история человечества — это история политической власти, интерпретируемая с точки зрения борьбы за открытое общество [31, с. 320], то для Вильфредо Парето история представляет собой «кладбище элит» как финал борьбы конкурирующих за власть групп [17].

Серьезным испытанием эта борьба оказалась для «политиков морали». Так венгерский исследователь Атилла Адь [1], а потом и польский ученый Яцек Василевски [23] именовали представителей творческих и академических кругов, которые на начальном этапе трансформации выступили одними из главных акторов посткоммунистических преобразо-

² Политическая элита в данном случае понимается в соответствии с определением Р. Патнэма, Дж. Хигли, О.В. Гаман-Голутвиной, т. е. ее составляют обладатели стратегических позиций во властных организациях и движениях, способные регулярно и значительно влиять на национальные политические результаты, имея необходимый для этого ресурсный потенциал.

ваний. Именно им в период обретения государствами независимости удалось заложить основу дальнейшего развития, совершив в этом смысле ключевые институциональные выборы.

Для эффективного анализа находящейся в состоянии нестабильности политической системы целесообразно использовать исследовательскую модель кризиса развития, предложенную в рамках так называемого «Стэнфордского проекта» группой ученых, работавшей на базе одноименного университета под руководством Г. Алмонда [2]. Модель основывается на сопоставлении периодов стабильного развития с периодами системных кризисов развития, предлагая при этом различные теоретико-методологические подходы к исследованию, а также обладая большим эвристическим потенциалом при осмыслении политических трансформаций и роли агентов в данном процессе — в отличие, например, от рассчитанной на описание стабильной системы модели Д. Истона [6]. Если обращаться к «стэнфордской» четырехфазной модели кризиса развития, то процессы политической трансформации в странах ЦВЕ могут быть представлены как этапы перехода от системной синхронизации через десинхронизацию к ресинхронизации, где состояние синхронизации предполагает соответствие структур функциям системы. При этом политическая элита в период высокой динамики изменений, на перекрестке внешних и внутренних воздействий выступала в качестве ключевого актора — агента мобилизации требований.

Российский политический философ Б. Капустин предлагает рассматривать политику в двух ипостасях — как «малую» и «большую». По его мнению, малая политика это сохранение *status quo*, в ее рамках не требуется предпринимать сверхусилия, надо лишь поддерживать систему в рабочем состоянии. В свою очередь большая политика не воспроизводит существующий порядок, а производит новый, закладывает «новые правила для новой игры», «новые начала» [25, с. 354]. Трансформация, которую в переломное время переживало литовское общество, может быть отнесена как раз к «большой политике».

Как пишет Верена Фритц, проанализировавшая трансформационные процессы в России, Беларуси, Украине и Литве после прекращения существования коммунистического блока, общей отправной точкой последовавших преобразований служила институциональная эрозия. С конца 1980-х гг. старые ограничения, правила и институты были ослаблены, а новые еще не появились. И такое ослабление институтов серьезным образом повлияло на перераспределение власти внутри групп в обществе. В Литве в процессе трансформации и государственного строительства новая элитная группа возникла из национальной оппозиции [7, с. 321]. Британский исследователь А. Ливен выделяет три сегмента этой национальной оппозиции: членов коммунистической экс-номенклатуры, научно-техническую интеллигенцию и представителей культуры и гуманитарных наук [9,

с. 225]. Вместе с тем нельзя игнорировать и роль выходцев из литовской диаспоры в США. Однако в рамках данной статьи подробно рассмотрим лишь один сегмент политической элиты — так называемых «политиков морали».

Следует отметить, что в Литве, Латвии и Эстонии на первый план в переломное время конца 1980-х — начала 1990-х гг. выдвинулись именно «гуманитарии». Так, в Латвии с инициативой создания Народного фронта выступил председатель Союза писателей Латвии Я. Петерс, среди активистов были профессора Латвийского университета (Э. Зелгавс и др.), журналисты (Д. Иванс и др.) и проч. В Эстонии одним из руководителей Народного фронта стал литературовед Р. Вендеманн, среди активистов — театральный критик Я. Аллик, доктор философии К. Халлик и др. Если обратиться к опыту Польши, то там на рубеже 1980 — 1990-х гг. в переговорах так называемого «круглого стола» существенную роль сыграли и представители гуманитарных профессий, среди наиболее ярких примеров — выдающийся общественный деятель, журналист Адам Михник, активно участвовавший в деятельности политической оппозиции. В целом для стран Центральной и Восточной Европы приход «гуманитариев» к власти является одной из заметных черт процесса политической трансформации после прекращения существования коммунистического блока. Так, в Венгрии президентом стал драматург, литературный переводчик А. Генц; президентом Чехии — драматург, писатель, диссидент В. Гавел; президентом Болгарии — философ Ж. Желев и т. д.³

«Политики морали» внесли значительный вклад в создание основы нового политического порядка. Но удержаться во власти, при крайне редких исключениях, не смогли. Литовский исследователь Мариус-Повилас Шауляускас, считая, что именно представители бывшей советской интеллигенции в значительной степени стали инициаторами и главными действующими лицами первых этапов трансформации, указывает: они же в наибольшей степени в итоге и пострадали, будучи вынуждены в большинстве своем покинуть ведущие политические позиции. «Кажется, будто посткоммунистическая революция была осуществлена не потому, что она полезна тем, кто ее делал, а скорее для получения творческой радости и даже соответствующего эстетического удовольствия», — считает Шауляускас [20, с. 93], предлагая «гуманитарное» прочтение идеи экономиста Дугласа Норта, согласно которой институты далеко не всегда создаются ради социальной эффективности, а для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил [29, с. 33].

³ О предшествующем опыте взаимодействия интеллигенции и власти на пространстве Восточной Европы см., напр.: *Szelenyi I., Konrad G. The Intellectuals on the Road to Class Power. New York, 1979. P. 252; Селеньи И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы 1960 — 1980-е гг. // Рубеж. 1995. №6—7. С. 198—224.*

В середине 1988 г. в Литве начинает формироваться «Саюдис»⁴ как массовое объединение граждан, которое впоследствии превращается в мощный канал рекрутирования политической элиты постсоветской Литвы. Ядро «Саюдиса» составляли, наряду с экс-коммунистами, представители литовских академических и творческих кругов, те самые «политики морали». В их числе — философы Арвидас Йозайтис, Ромуалдас Озолас, Витаутас Петкявичус, Бронюс Гензалис, Бронюс Кузмицкас, историк Мейле Лукшене, поэты Сигитас Гяда и Юстинас Марцинкявичус, актер Регимантас Адомайтис, кинорежиссер Арунас Жебрюнас, профессор музыковедения Витаутас Ландсбергис, журналисты Альгимантас Чякуолис и Ина Марчулените, писатель и переводчик Виргилиус Чяпайтис, музыкант Альгирдас Каушпедас, архитектор Альгимантас Нашвитис и др.

В условиях, когда базисной чертой политической системы стала неопределенность, а старые институты и акторы утратили свое влияние или были лишены его (это касается прежде всего представителей коммунистической номенклатуры), именно гуманитарии, интеллектуалы, выступавшие прежде в качестве несогласных или даже критиков сложившегося порядка, оказались в кратчайшие сроки «призваны» на вершину власти в период чрезвычайно интенсивных изменений, затрагивавших буквально все сферы жизни общества. «Политики морали», обращаясь к «стэнфордской» терминологии, выступили на тот момент в роли не просто агентов мобилизации требований, а «ускорителей кризисов», воплощая массовые настроения в жизнь⁵.

Вначале в «Саюдисе» доминируют вильнюсцы, столичная гуманитарная элита, более «космополитичная», с большими связями в номенклатурной партийной верхушке и на Западе. У нее и без того высокий социальный статус, поэтому «Саюдис» в качестве карьерного лифта она не рассматривала. Но постепенно все большую роль начинают играть каунасцы, в основном — представители технической интеллигенции, для которых «Саюдис» был не только инструментом реализации своих политических идей, но и средством, с помощью которого можно подняться по карьерной лестнице. Каунасцы радикальнее и культурно ориентированы скорее на старую, досоветскую Литву, чем на Запад [32, с. 53].

Это разделение между двумя столицами — Вильнюсом и Каунасом — вообще характерно для Литвы. Большинство влиятельных людей страны родом из Вильнюса или Каунаса, и именно там находятся главные академические центры, ведущие соперничество за интеллектуальное лидерство, — Вильнюсский и Каунасский университеты.

⁴ В начале оно именовалось «Литовское движение за перестройку». *Sajudis* в переводе с литовского языка означает *движение*.

⁵ В случае стран Балтии примером подобных массовых настроений может служить так называемый «Балтийский путь»: протестуя против действий руководства СССР, почти 2 млн жителей Литвы, Латвии и Эстонии, взявшись в августе 1989 г. за руки, создали «живую цепь» протяженностью почти в 600 км.

Руководители литовской посткоммунистической трансформации — это не профессиональные политики, а критически настроенные представители интеллектуальной элиты (поэты, философы, музыканты, актеры и т. д.) [20, с. 81]. Альгис Крупавичус называет их «альтернативной элитой», сформированной из людей местных образованных классов, ищущих новые карьерные возможности и имеющих патриотические ориентации [8].

Первые свободные выборы в Верховный совет в 1990 г. оказались чистой победой «Саюдиса». Участие в нем значителен в биографических справках многих вошедших в политическую элиту новой Литвы не только в первые годы обретения независимости, но и позже. В их числе и В. Ландсбергис, который может быть назван, пожалуй, наиболее ярким примером литовских «политиков морали», — выходец из Каунаса, работал в консерватории Вильнюса, не состоял в КПСС, пианист, профессор музыковедения, автор нескольких книг о литовских композиторах, председатель Верховного совета Литвы в 1990 — 1992 гг., председатель Сейма в 1996 — 2000 гг., один из создателей и многократно переизбираемый лидер партии «Союз отечества», член Европейского парламента.

По наблюдению Альфреда Сенна, «риторическим стилем своих речей Ландсбергис создавал себе образ правителя-философа, одинокую фигуру, борющуюся за воплощение в жизнь воли народа» [21, с. 310]. Как пишет А. Ливен, «нет сомнений, что профессор Ландсбергис, литовский лидер в период между 1990 и 1992 годами, считал себя в какой-то мере политическим наследником Сметоны⁶. Он с восхищением говорил о нем в своих речах и перенял частично его символику. Ландсбергис совсем не интересовался вопросами администрации, финансов и законодательства, предпочитая иностранные визиты, символику и литовскую культуру, которую глубоко любил» [9, с. 68].

Достигшие своей главной политической цели лидеры периода обретения независимости, периода «большой политики», оказались не готовы к решению вопросов «мирного времени» — строительству нового государства. Большинство из них имели гуманитарное образование, не обладали опытом административного управления, и вопросы государственного строительства и хозяйственного управления их интересовали куда меньше, чем вопросы культуры, символики и исторического прошлого [35, с. 90].

В этом смысле именно через постоянное обращение к прошлому с целью поиска новой основы при формировании постсоветской политической повестки дня может быть объяснена попытка Ландсбергиса создать сильный (в ущерб развитию парламентаризма и многопартийности) институт президентства с намерением самому занять этот пост и со стремлением превратить «Саюдис» в свою опору — в «мессианскую

⁶ Антанас Сметона — государственный деятель Литвы, установивший в результате военного переворота в 1926 г. авторитарный, «вождистский» режим в стране; в 1940 г. бежал в Германию.

партию "национального интереса" [15]. Попытка оказалась неудачной, последовал раскол литовских «политиков морали», поначалу объединенных идеей обретения независимости Литвы. Интеллигенция перестала выступать, как прежде, совместно, был создан Форум будущего Литвы (среди его участников — К. Прунскене, А. Йозайтис и др.), который основной своей задачей видел борьбу с «угрозой диктатуры Ландсбергиса».

Говоря об обращении к прошлому с целью поиска основы для новой политической повестки дня, целесообразно обратиться к использовавшейся участниками «Стэнфордского проекта» идее Д. Лернера о социальной мобилизации, в рамках которой, по удачному выражению И. Окунева, происходит «создание современности не вполне современными способами» [30, с. 137]. Для тех, кто встал во главе литовских «политиков морали», прошлое, старый досоветский государственный опыт, прежние правила игры оказались желаемым будущим, целью, которую они, несмотря на совершенно новые внутренние и внешние условия, стремились достичь. И зачастую в этом своем стремлении совершить «переделку» современности по прежним образцам они действовали слишком категорично, пренебрегая ключевым для успешного политического деятеля качеством — стремлением к компромиссу. В результате в период последующей институционализации политической жизни Литвы, в период формирования коалиций «политики морали», которые выступили «певцами поющей революции» на заре независимости и в ее первые годы, очень быстро лишились «голоса» и были вытеснены на обочину политической жизни. Как считает А. Самалявичус, частично они могут винить самих себя за то, что проиграли соревнование за право контроля над политическими рычагами: «В то время как приоритеты общества стремительно изменялись, они продолжали рассуждать на устаревшем языке "поющей революции"». В итоге интеллектуалы вернулись в свою профессиональную и академическую среду, отстранившись от гражданских инициатив, иногда открыто выражая свое отвращение к политической активности» [19, с. 3]. Известный литовский социолог Владас Гайдис указывает еще одно обстоятельство, из-за которого интеллектуалы-гуманитарии постепенно утратили свою прежнюю роль. В постсоветской Литве, по его мнению, они лишились своего главного оружия — «права иметь свое особое мнение, ведь в новых условиях это стало доступно любому человеку» [5, с. 139].

В 1992 г. «Саюдис» проиграл парламентские выборы, а с 1993 г. вообще перестал существовать как единая политическая сила, дав, однако, начало иным движениям и став «костяком» для правящей ныне партии литовских консерваторов «Союз отечества». Более ценным ресурсом при рекрутировании политической элиты в изменившихся реалиях начала 1990-х г. оказался административный опыт, которым обладала литовская экс-номенклатура. Более умудренные в аппаратных играх и хорошо знакомые с механизмом госуправления бывшие коммунисты заменили менее политически опытных непрофессионалов из «Саюди-

са» [11, с. 31]. «Политики морали» оказываются оттесненными от активной политической деятельности.

Президентом становится бывший первый секретарь ЦК Компартии Литвы Альгирдас Бразаускас, вплоть до своего ухода из жизни считавшийся главным оппонентом Ландсбергиса. Роль экс-коммунистов в новой Литве оказывается столь весомой, что постсоветскую политическую литовскую элиту можно назвать биполярной, маркируя ее по принадлежности к одному из двух борющихся «лагерей» — объединение Бразаускаса (элиты левого толка) и объединение Ландсбергиса (элиты правого толка) [5, с. 124].

Бразаускас и Ландсбергиса принято противопоставлять друг другу, считая, что первый — типичный прагматик и реалист, а второй — идеалист и во многом романтик. Как показал в своем исследовании Р. Лопата, в подходах к литовской истории и политике это не совсем так: «президент» А. Бразаускас — скорее романтик, а «профессор» В. Ландсбергис, несмотря на ощущение персональной сопричастности к истории Литвы (через «генетическое прошлое»)⁷, — технократ и расчетливый геополитический игрок [10, с. 139 — 142].

В этом контексте целесообразно обратиться к теории конвертации капиталов Пьера Бурдьё [3], которая позволяет констатировать: Ландсбергис и Бразаускас сумели в трансформационный период эффективным образом конвертировать свой определенной формы социальный капитал в политический. Бразаускасу удалось сохранить лидерские позиции в политической элите благодаря высокому уровню профессиональной подготовки, обширному опыту партийной деятельности и государственного управления, множеству накопленных за годы партийной работы связей. Ландсбергис же свой политический «багаж» основывал на символическом капитале: 1) апеллирование к довоенной истории Литвы и обращение к националистической аргументации; 2) формирование базиса перспективной политической программы Литвы в виде «возвращения на Запад» и 3) восприятие России через призму потенциальной угрозы (в том числе и военной) и использование русофобской риторики.

Именно тогда, в период деятельности «политиков морали» формировались контуры будущего конституционного порядка новой Литвы, а также закладывалась основа отношений с Россией. Согласно первому пункту Конституционного акта о неприсоединении Литовской Республики к восточным постсоветским союзам (документ от 11 февраля 1991 г., предшествующий Конституции Литвы от 8 июня 1992 г.), бывшая Литовская ССР «стремится развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств» [32]. Массив

⁷ Отец В. Ландсбергиса во время войны был членом Временного правительства Литвы и после войны эмигрировал.

законодательных актов, сформировавшийся за минувшие 20 лет независимости Литвы, а также множество случаев из современной политической практики, дают немало и других примеров подобного отношения к сотрудничеству с Россией. Такой подход, впрочем, характерен и для иных стран Балтии, о чем, подтверждая идею К. Уолтца о «примыкании» слабых стран к более сильным с целью, например, военно-политической защиты [22], свидетельствуют официальные внешнеполитические документы⁸.

Постепенно в среде представителей посткоммунистической политической элиты (что особенно заметно на примере ее парламентского сегмента) акцент смещается от гуманитариев к обладателям технического образования [13, с. 56]. Авторитетный литовский исследователь элиты Ирмина Матоните, анализируя профессиональную принадлежность членов Сейма Литвы, фиксирует очевидную тенденцию — мощное (почти тройное) снижение количества представителей академического и творческого сообщества. Если в 1990 г. среди парламентариев насчитывалось 33,1 % преподавателей и профессоров, а также 10,5 % журналистов и писателей, то к 2004 г. их доли сократились до 12,1 и 2,1 % соответственно. Параллельным процессом стал мощный рост количества чиновников и бизнесменов: если в 1990 г. их насчитывалось 7,5 и 12,8 % соответственно, то в 2004-м уже 27 и 38,3 % [12, с. 125].

Аналогичную тенденцию фиксирует и эстонский исследователь Велло Петтаи, который, проанализировав профессиональный состав кандидатов в депутаты Сейма Литвы в 1992, 1996 и 2000 гг., пришел к выводу, что если на начальном этапе становления независимости Литвы в политическую элиту могли попасть прежде всего «гуманитарии», то через десятилетие наибольший успех сопутствует директорам компаний и чиновникам [18, с. 19].

Данные изменения, наблюдаемые в процессе политической трансформации в Литве, характерны не только для стран Балтии, но и для ряда других государств Центральной и Восточной Европы. По данным немецкого исследователя М. Эдингера, если первоначально один из пяти членов парламента работал ранее в сфере образования, то в конце 1990-х гг. это соотношение сократилось до одного к десяти. Преподаватели и профессора уступили место выходцам из профессиональной среды, тесно связанной с принятием политических решений: органов госуправления, бизнеса и политики. Бросается в глаза значительная доля бизнесменов и управляющих в парламентах стран ЦВЕ. Спустя 15 — 20 лет после смены режима они стали самой большой профессиональной группой. Эдистер делает вывод: для политических элит ЦВЕ характерны две преобладающие тенденции — социальная закрытость и профессионализм [36, с. 19].

⁸ См., напр., «Руководящие принципы внешней политики Латвии (2006—2010)» [27], а также принятую в мае 2010 г. Рийгикогу (Парламентом) Эстонии Концепцию национальной безопасности страны [14].

Элита переломного периода свергла старый режим, видя в этом свою главную задачу, и выступила в роли агента мобилизации ключевого на тот момент требования — демонтажа коммунистического режима. По мере стабилизации обстановки, достижения общественного равновесия запросы и требования на «входе» политической системы менялись, однако «политики морали» продолжали предлагать все те же решения «на выходе». В этом смысле пример «политиков морали» может быть представлен как иллюстрация четырехфазной стэнфордской модели кризисов развития, согласно которой каждая фаза обладает набором определенных присущих ей составляющих. Агенты мобилизации требований, ускорители кризиса соответствуют фазе изменения среды и функционирования системы. В дальнейшем возникает запрос на тех, кто должен бороться за сохранение, упрочение, развитие новых правил игры в рамках формирования коалиций, выработки политических курсов и перераспределения ресурсов. Однако идеи, впоследствии составившие краеугольные основания современной политической системы Литвы, а также иных стран Балтии, были предложены именно элитой конца 1980-х — начала 1990-х гг. Актуализированные именно «политиками морали» вопросы отношения к советскому периоду истории Литвы, к чрезвычайно острой теме «оккупации», к России в целом до сих пор относятся к числу наиболее болезненных и во многом разделяющих литовское общество. Можно ли утверждать, что данная линия аргументации по отношению к России как к «фактору-ирританту» [34], неизменному внешнему раздражителю, сформировавшаяся более 20 лет назад, останется для значительной части политической элиты Литвы (и иных стран Балтии) приоритетной как в интеракциях во внутренней политике, так и в сфере международных отношений? Логика экономического сотрудничества России со странами Балтии очевидным, казалось бы, образом ориентирует политические элиты на прагматизацию двусторонних отношений [27]. Однако в то же время ряд действий со стороны руководства Литвы в последние годы (отказ от участия в строительстве БАЭС в Калининградской области, попытка заблокировать в 2007 г. переговоры по соглашению РФ и ЕС, например), подтверждает предположение о том, что хотя подавляющее большинство «политиков морали» и сошли со сцены, но их вклад в формирование политического курса стран Балтии не может быть проигнорирован. В этом смысле, возвращаясь к терминологии Б. Капустина, можно заметить, что действия, предпринимавшиеся элитами в период «большой политики», находят свое отражение и продолжение сейчас — в условиях будничной, «малой политики».

Список литературы

1. Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi, 1998.
2. Almond G. A., Flanagan S., Mundt R. (eds.) Crisis, Choice, and Change: Historical Stories of Political Development. Boston, 1973.

3. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richards. N.Y., 1986.
4. *Best H., Becker U.* (eds.) Elites in Transition. Elite Research in Central and Eastern Europe. Opladen, 1997.
5. *Gaydis V.* The Emergence of the Lithuanian Political Elite // The new elite in the post-communist Eastern Europe / ed. by V. Shlapentokh, K. Vanderpool, B. Dobrokhotov. Texas A&M University Press, 1999.
6. *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
7. *Fritz V.* State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus and Russia. Central European University Press, 2007.
8. *Krupavicius A.* Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis // Hungarian Center for Democracy Studies Foundation. Budapest papers on Democratic transition. 1996. N 158.
9. *Lieven A.* The Baltic Revolution: Estonia, Latvia Lithuania and the Path to Independence. New Haven; London, 1994.
10. *Lopata R.* Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos. Vilnius, 2010.
11. *Matonyte I.* Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // Viesoji politika ir administravimas. 2009. N29. P. 28 — 39.
12. *Matonyte I.* (Liberal) mass media and the (multi) party system in post-communist Lithuania // Central European Journal of communication. 2008. N1. P. 123 — 144.
13. *Matonyte I.* The Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania, 1990 — 2000 // Representative Elites in Post-Communist Settings. 2003. N8. P. 55 — 67.
14. *National Security Concept of the Republic of Estonia* (2010). URL: http://www.vm.ee/sites/default/files/JPA_2010_ENG.pdf (дата обращения: 12.05.2011).
15. *Novagrockiene J.* Lietuvos partines sistemų raida // Seimo rinkimai'96, trečiasis «atmetimas» / sud. by A. Krupavicius. Tverme, 1998. P. 298 — 324.
16. *Pareto V.* Trattato di Sociologia Generale. Florence, 1916. Vol. 1.
17. *Pareto V.* The Mind and Society: A Treatise on General Sociology. N.Y., 1935.
18. *Pettai V.* The Consolidation of the Political Class in the Baltic States // Paper presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research September 7—9, 2007, Pisa, Italy. URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf> (дата обращения: 25.02.2011).
19. *Samalavicius A.* Amorphous Society or Entering the Epoch of "Mature Post-communism" // Kultūros barai. 2007. N1. P. 2 — 6.
20. *Šaulauskas M.-P.* Postkomunistinės revoliucijos želmenys: į postmodernią Lietuvą? // Sociologija. Mintis ir veiksmai. 1998. N1. P. 77 — 94.
21. *Senn A.* The Political culture of Independent Lithuania: a review essay // Journal of Baltic Studies. 1992. Vol. 23, N3. P. 315 — 330.
22. *Waltz K.* Theory of International Politics. N.Y., 1979.
23. *Wasilewski J.* Three Elites of the Central-East European Democratization // Transformative Paths in Central and Eastern Europe / M. Radosław, E. Wnuk-Lipinski (eds.). Warsaw, 2001.
24. *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. №3. С. 97 — 103.
25. *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: избранные эссе. М., 2010.
26. *Крыштановская О.А.* Анатомия российской элиты. М., 2005.

27. Межевич Н.М. Экономические аспекты российско-прибалтийских отношений в 2007 — 2008 годах // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 87 — 90.
28. Руководящие принципы внешней политики Латвии 2006 — 2010. URL: <http://www.am.gov.lv/en/policy/guidelines/> (дата обращения: 10.05.2011).
29. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
30. Окунев И.Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. 2009. № 3. С. 136—144.
31. Поннер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992.
32. Поннер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992.
33. Сейм Литвы. Текст Конституции Литовской Республики. URL: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения 10.05.2011).
34. Смирнов В.А., Сутырин В.В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010 — 2011 годов: экспертный взгляд // Балтийский регион. 2011. № 2 (8). С. 146 — 153.
35. Фурман Д.Е. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М., 2009.
36. Эдингер М. Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с ней вызовы // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия: сб. ст. / под. ред. Я. А. Пляйса. М., 2010.

Об авторе

Смирнов Вадим Анатольевич, заместитель директора Социально-гуманитарного парка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

===== =====

V. A. Smirnov

THE FORMATION OF POLITICAL ELITE IN LITHUANIA AT THE TURN OF THE 1980s—1990s: THE ROLE OF «MORAL POLITICIANS»

This article considers the dynamics of structural changes in the political elite of the Republic of Lithuania in the post-Soviet period through analysing the role of the so-called «moral politicians» — intellectuals, artists, and cultural figures, who played the decisive role in the period of communist system disintegration and further development of the country's policy.

The role of the political elite, understood according to R. Putnam and J. Higley's definition, is considered in the conditions of political instability and uncertainty typical of transformation processes. In this context, the role of key actors is interpreted on the basis of the methodological structure of the so-called Stanford model developed by G. Almond and P. Bourdieu's theory of capital.

This article reconstructs the course of political changes in the Republic of Lithuania at the initial stage of its independence, in the framework of which the key role was played by «moral politicians», most of whom subsequently retired from politics.

Focusing on the situation in Lithuania, this research sets out to show the continuous dependence of today's policies of the Baltic States on the key choices made by the authorities at the turn of 1980s-1990s.

Today, Russian political science lacks concrete regional studies into the problems of changes of elites in the context of research on the processes of postcommunist transformations. This work addresses the scientific interpretation of the content of «new» political elite development mechanisms in postcommunist societies under the influence of endogenous and exogenous factors in the course of transformation. The stabilisation of elite formation processes in Lithuania, the assessment of patterns and tendencies, the identification of power centres and the character of intra-elite interaction, and a profound understanding of the functioning of Lithuanian political system in general will allow Russia to formulate a more efficient policy towards the Baltic States, which would promptly respond to emerging challenges.

Key words: Lithuania, transformation, political elite, "moral politicians".

References

1. Ágh, A., 1998. *The Politics of Central Europe*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications.
2. Almond, G. A., Flanagan, S. and Mundt, R., eds., 1973. *Crisis, Choice, and Change: Historical Stories of Political Development*. Boston: Little, Brown and Co.
3. Bourdieu, P., 1986. The forms of capital. In: J. G. Richardson, ed. 1986. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, pp. 241 — 258.
4. Best, H. and Becker, U. eds., 1997. *Elites in Transition. Elite Research in Central and Eastern Europe*. Leske + Budrich Opladen.
5. Gaidys, V., 1999. The Emergence of the Lithuanian Political Elite. In: V. Shlapentokh, K. Vanderpool and B. Dobrokhoto, eds. 1999. *The new elite in the post-communist Eastern Europe*. Texas A&M University Press, pp.120 — 143.
6. Easton, D., 1965. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: Wiley.
7. Fritz, V., 2007. *State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus and Russia*. Central European University Press.
8. Krupavicius, A., 1996. *Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis*. Budapest papers on Democratic transition, N 158.
9. Lieven, A., 1994. *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia Lithuania and the Path to Independence*. New Haven, London: Yale University Press.
10. Lopata R., 2010. *Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos*. Vilnius universiteto leidykla.
11. Matonyte, I., 2009. *Viesoji politika ir administravimas*, N29, pp.28 — 39.
12. Matonyte, I., 2008. *Central European Journal of communication*, N1, pp.123 — 144.
13. Matonyte, I., 2003. The Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania, 1990 — 2000. *Heinrich Best/Michael Edinger (eds.) in collaboration with Stefan Jahr & Mindaugas Kuklys Representative Elites in Post-Communist Settings*, SFB 580, N8 (2003), pp.55 — 67.
14. *National Security Concept of the Republic of Estonia 2010*. [online] Available at: <http://www.vn.ee/sites/default/files/JPA_2010_ENG.pdf> [Accessed 12 May 2011]

15. Novagrockiene, J., 1998. Lietuvos partines sistemos raida. In: A. Krupavicius. ed. 1998. *Seimo rinkimai '96, treciasis «atmetimas»*. Tverme, pp. 298 — 324.
16. Pareto, V., 1916. *Trattato di Sociologia Generale*. Florence.
17. Pareto, V., 1935. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. N. Y.: Harcourt, Brace, Jananovich.
18. Pettai, V., 2007. The Consolidation of the Political Class in the Baltic States. In: European Consortium for Political Research, *4th General Conference of the European Consortium for Political Research*. Pisa, 7 — 9 Italy September 2007. [online] Available at <<http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf>> [Accessed 25 February 2011]
19. Samalavicius, A., 2007. *Kulturos barai*, N1 2007. pp.2 — 6.
20. Šaulauskas, M.-P., 1998. *Mintis ir veiksmai*. N1. 1998, pp.77 — 94.
21. Senn, A., 1992. *Journal of Baltic Studies*. vol. 23 N3. pp.315 — 330.
22. Waltz, K., 1979. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill.
23. Wasilewski, J., 2001. Three Elites of the Central-East European Democratization In: M. Radosław and E. Wnuk-Lipinski, eds. 2001. *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*. Warsaw: Institute of Polish Studies. pp.133 — 142.
24. Gaman-Golutvina, O. V., 2000. *Polis*, N3. 200, pp.97 — 103.
25. Kapustin, B. G., 2010. *Kritika politicheskoy filosofii. Izbrannye esse*. Moscow.
26. Kryshchanovskaya, O. A., 2005. *Anatomiya rossiyskoy elity*. Moscow "Zakharov" publishing.
27. Mezhevich, N. M., 2009. *Baltiyskiy region*. N1, 2009. pp. 87 — 90.
28. *LATVIA'S FOREIGN POLICY GUIDELINES 2006 — 2010* [online]. Available at: <<http://www.mfa.gov.lv/en/policy/guidelines/>> [Accessed 10 May 2011]
29. Nort, D., 1997 *Intituty, institucionalnye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki*. Moscow: Nachala.
30. Okunev, I. U., 2009. *Polis*. N3 2009. pp.136 — 144.
31. Popper, K., 1945. *The Open Society and Its Enemies. vol.1: The Spell of Plato*. Translated from English to Russian by V.N. Sadovskiy, 1992. Moscow, Fenix, International fund, "Kul'turnaya iniciativa".
32. Popper, K., 1945. *The Open Society and Its Enemies. vol.2: Hegel, Marx and the Aftermath*. Translated from English to Russian by V.N. Sadovskiy, 1992. Moscow, Fenix, International fund, "Kul'turnaya iniciativa".
33. *Constitution of the Lithuanian Republic*. Russian translation [online] Available at: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm [Accessed 10 May 2011]
34. Smirnov, V. A., Sutyryn, V. V., 2011. *Baltiyskiy region*, N2 (8). 2011 pp. 146 — 153.
35. Furman, D. E., 2009. *Stanovlenie partiynoy sistemy v postsovetsoy Litve*. Moscow, Book house "Librokom".
36. Edinger, M., 2010 Politicheskie elity v postkommunisticheskikh gosudarstvakh: smena elit i svyazannye s ney vyvody. In: Y. A. Plyays, ed. 2010. *Demokratiya. Vlast'. Elity: Demokratiya vs elitokratiya: sbornik statey*. Moscow, ROSSPEN pp.13 — 29.

About author

Vadim A. Smirnov, deputy director of the Social Science and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

**И. А. Баторшина
В. Воловой**

**СОВРЕМЕННАЯ
ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА ЛИТВЫ:
КОРРЕКТИРОВКИ
ТРАДИЦИОННОГО
КУРСА**

Рассматриваются основные направления внешнеполитической деятельности Литовской Республики. Акцентируется внимание на корректировке основного вектора в области внешней политики, ранее сконцентрированного на сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки и стратегическом партнерстве с Республикой Польша. Анализируются попытки президента Литвы Дали Грибаускайте сформировать так называемую «новую внешнюю политику», основанную на многовекторном подходе межгосударственного взаимодействия.

Актуальность научно-исследовательской работы продиктована возрастающим влиянием малых государств на процесс принятия внешнеполитических решений внутри Европейского союза. Это влечет объективную необходимость анализа внешнеполитических ориентиров государств Балтии и Центрально-Восточной Европы, выявления основных тенденций в области международной политики в регионе с целью прогнозирования развития событий на европейском и глобальном уровне.

Реализация заявленной цели достигается на основе комплексного подхода с элементами междисциплинарного исследования. Особый акцент сделан на сравнительно-историческом подходе, позволившем проанализировать отношения Литовской Республики с соседними государствами и ближайшими партнерами. Наряду с традиционными методами исторического исследования в работе были применены такие методы, как включенное наблюдение, контент- и ивент-анализ, синхронный и типологический компаративный анализ.

Научно-практическая значимость проведенного исследования обусловлена тем, что выявляет необходимость применения дополнительной теоретической базы для изучения внешнеполитических шагов Литовской Республики на международной арене. Если ранее они были продиктованы во многом ценностным (демократическим) подходом, являвшимся рефлексией американского реализма, то сегодня всё более существенным становится фактор личности президента, который не всегда конструктивно влияет на теряющий свой привычный облик внешнюю политику страны.

Достигнутые в результате исследования результаты вносят весомый вклад в понимание внешнеполитических процессов, протекающих в Литве и в регионе в целом.

Ключевые слова: Литва, внешняя политика, стратегический партнер, Д. Грибаускайте, В. Адамкус.

Приход к власти в 2009 г. Д. Грибаускайте многие аналитики расценивали как возможность пересмотра Вильнюсом своих традиционных ориентиров и приоритетов в сфере внешней политики, основанных на принципах проамериканизма, глобализма и русофобии. К этому литовских политиков подталкивала и изменившаяся геополитическая ситуация в Европе и мире: претерпели изменения внешнеполитические концепции важнейших стратегических партнеров Литовской Республики (ЛР), что лишало последнюю важной опоры в решении глобальных международных вопросов и надежды на поддержку в деле защиты собственных национальных интересов. Поэтому перед лицом объективных обстоятельств Д. Грибаускайте была вынуждена заняться формированием «новой внешней политики».

По мнению нынешнего президента, проблема и уязвимость Литвы заключалась в том, что «у нас была одновекторная внешняя политика — или США, или никто. Сегодня, я очень надеюсь, нам удастся повернуться в сторону многовекторной внешней политики, чтобы было несколько векторов: и США, без сомнения, как гарант нашей безопасности, и Европа нас найдет на карте, и особенно ее северная часть как наш приоритет, наши соседи. Стремлюсь таким образом сбалансировать, но для этого требуется время, и такие изменения не могут быть быстрыми» [1].

В связи с наметившимся отходом Грибаускайте от классических принципов формирования литовских внешнеполитических ориентиров экспертное сообщество ожидало практически революции в области внешней политики. В 2010 г. президент заявила о том, что «этот год будет годом утверждения моих внешнеполитических ориентиров» [2]. Однако годовой отчет Грибаускайте в 2010 г. продемонстрировал, что радикальных перемен в области внешней политики она не совершит. Более того, все сказанное во время отчета в целом укладывалось в концепцию еще 2004 г. (дальнейшая интеграция с ЕС и НАТО и конструктивные отношения с соседями) и не предлагало ничего нового [3]. Поэтому годовые отчеты президента 2010 и 2011 гг., в которых вопросам внешней политики уделялось достаточно скромное внимание, были восприняты политическими обозревателями весьма неоднозначно.

Уже сегодня очевидно, что Грибаускайте столкнулась как с отсутствием сплоченной команды (это продемонстрировала отставка министра иностранных дел ЛР В. Ушацкаса в январе 2010 г.), так и с проблемой формирования внятного внешнеполитического курса (экс-министр иностранных дел Литвы В. Ушацкас даже назвал внешнюю политику Грибаускайте «безвекторной») [4]. Не предложив ни реальной альтернативы, ни преемственной стратегии, внешняя политика президента в последнее время подвергается острой критике в силу отсутствия ясных ориентиров, понятных политической элите страны.

На протяжении долгого времени главным стратегическим партнером Литвы были *Соединенные Штаты Америки*. Первые шаги Грибаускайте в качестве президента ясно свидетельствовали, что ее внешнеполитический курс не будет продолжением проамериканской тради-

ции В. Адамкуса. К примеру, однажды назвав Литву «заложницей» политики США, Грибаускайте добавила: «США остается нашим важным партнером в области безопасности и в рамках НАТО, но Литва не будет исполнителем внешней политики США или России. Литва будет проводить свою внешнюю политику» [5].

Более того, на начальном этапе своего президентского правления Д. Грибаускайте отказалась от поездки на ужин, организованный главой США Б. Обамой в Праге, послав вместо себя премьера. А в интервью австрийской газете "Die Presse" Д. Грибаускайте открыто подвергла сомнению правильность действий западной коалиции в Ливии, заявив, что они вышли за рамки мандата ООН [6]. Однако, по мнению политических экспертов, ЛР как члену *НАТО* и близкой союзнице США, ратующей за трансатлантическое единство, делать подобные заявления безответственно.

Обобщая тему новой политики Вильнюса по отношению к Америке, можно сказать, что с приходом Д. Грибаускайте общий фон литовско-американских отношений из позитивного превратился в напряженный, что ставит под угрозу их стратегический характер. В то же время связи со «старой Европой» не вышли на качественно новый уровень. В июле 2010 г. известный литовский политический обозреватель Р. Валатка написал: «Берлин, Париж и Москва хотели вбить клин между Литвой и США, а Литва должна была отказаться от своей внешней политики, так и вышло» [7]. Основная претензия к Д. Грибаускайте в данном случае заключается в том, что, отдалившись от США, она до сих пор не предложила стратегической альтернативы.

Не менее противоречивая (если не сказать — конфликтная) ситуация складывается в отношениях Литвы с *Польшей*. Суть проблемы заключается в правах польского национального меньшинства в Вильнюсском крае и в целом в ЛР. Поляков не удовлетворяет тот факт, что они не могут писать свои фамилии в паспорте и названия улиц в местах своего компактного проживания на польском языке. Кроме того, протест вызывает Закон об образовании для школ национальных меньшинств, в соответствии с которым учащиеся нелитовских школ с 2013 г. должны будут сдавать литовский язык на том же уровне, что и литовцы, а преподавание некоторых предметов в этих школах (в первую очередь истории и географии) планируется литуанизировать.

При этом очевидно, что Польша как стратегический союзник важнее Литве, чем Литва Польше. Во-первых, Республика Польша сегодня является приоритетным партнером США в Европе. Поэтому близкие отношения с Варшавой могут дать Литовской Республике возможность привлечь внимание Америки к своим проблемам, и наоборот. Во-вторых, Польша — это «большое» европейское государство с гораздо большим влиянием в Европе, чем ЛР. Иными словами, теряя Польшу, Литва теряет важного партнера и влияние в ЕС и НАТО. В-третьих, Литве необходимо участие Польши в строительстве АЭС на своей территории и создании «электромоста» между государствами. Однако если отношения двух стран и дальше будут ухудшаться, то Польша может

решить самостоятельно строить АЭС и/или сотрудничать в данной сфере с Россией, которая возводит АЭС в Калининградской области (в СМИ уже появилась информация о российско-польских переговорах в отношении покупки электроэнергии с Балтийской АЭС).

Таким образом, Литва, занимая принципиальную позицию в отношении польского меньшинства, действует недальновидно. При этом абсолютно логична позиция польского министра иностранных дел Р. Сикорского, ожидающего первых шагов навстречу именно от Литвы [8]. Однако министр иностранных дел Литвы А. Ажубалис, комментируя то, как поляки, живущие в ЛР, пытаются бороться за свои права, сказал, что национальные меньшинства не должны становиться заложниками близоруких популистских игр, подогреваемых «третьей стороной» [9].

Таким образом, накопленный во время руководства В. Адамкуса потенциал в литовско-польских отношениях сегодня растрочен, а нерациональное «упрямство» Литвы в будущем может дорого обойтись в стратегическом плане.

Заметно изменились позиции Вильнюса в общении со странами постсоветского пространства, отношения с которыми были своеобразной визитной карточкой экс-президента Валдаса Адамкуса. Во времена В. Адамкуса Литва очень активно взаимодействовала с *Грузией* и *Украиной* в рамках американской стратегии «демократии на Восток», преследуя цель их скорейшей евроатлантической интеграции. Такую позицию можно было поддерживать или критиковать, но она оставалась четкой и последовательной. С приходом же к власти Д. Грибаускайте ситуация заметно изменилась, свидетельством чего стала приписываемая президенту фраза: «Подписываем договоры о партнерстве с нищими, а с принимающими решения странами находимся в конфронтации» [10]. Видимо, вследствие этого Грузия и Украина оказались во многом забыты Вильнюсом как значимые партнеры.

Еще одним недоразумением стали действия Литвы на белорусском направлении, где также не обошлось без президентских перегибов. *Беларусь* важна Литве по крайней мере потому, что по перевалке грузов через Клайпедский порт в 2010 г. она заняла первое место [11]. Кроме того, Вильнюс всегда позиционировал себя в качестве посредника между ЕС и Минском. Поэтому, когда отношение Евросоюза к Беларуси стало изменяться (в лучшую сторону в контексте ее нарастающих противоречий с Москвой), Литва оказалась в авангарде налаживания связей с Минском. Чего стоил только обмен визитами президентов двух стран! Пошли разговоры о совместном строительстве терминала для приема сжиженного природного газа в Литве и поставках венесуэльской нефти в Беларусь через Клайпеду. Однако вскоре прагматизм Д. Грибаускайте начал выходить за ценностные рамки ЕС. По сообщению агентства «Рейтер», на встрече с европейскими дипломатами она заявила: «А. Лукашенко — это гарант экономической и политической стабильности, а также независимости Белоруссии» [12]. Практика доказала неосторожность литовского подхода, в результате чего ЛР потеряла лицо, чрезмерно уповая на обещания А. Лукашенко.

Наконец о **России**. Следует отметить, что внешняя агрессивность Литвы по отношению к Москве с приходом Д. Грибаускайте уменьшилась, но с места отношения двух стран так и не сдвинулись. Вопрос, заслуживающий отдельного внимания, касается взгляда Литвы на Балтийскую АЭС. В. Путин приглашал Литву в лице ее президента к участию в данном проекте, но Д. Грибаускайте ответила решительным отказом [13]. Тема, конечно, сложная, особенно если учесть интересы энергетической безопасности Литвы и ее планы постройки Висагинской АЭС. Однако категоричность в данном случае — не лучший вариант. В качестве президента Литвы Д. Грибаускайте обязана заботиться о нуждах литовских граждан, которые не настроены платить тройную цену за электроэнергию. Висагинская АЭС, если она будет построена, в любом случае не сможет гарантировать низких цен. Поэтому «сжигание мостов» с Россией в контексте сотрудничества в рамках проекта Балтийской АЭС (пусть даже в области транзита электроэнергии) по меньшей мере неблагоразумно. К. Прунскене в Литве считается откровенно пророссийским политиком. Однако она права, когда говорит: «Литва даже не обсуждала это предложение России. <...> Решение столь важного для Литвы вопроса, как наращивание энергопотенциала Балтийского региона, присоединение к западноевропейским электросетям, не утрачивая уже имеющиеся связи с Россией и Белоруссией, возможно, позволит обеспечить страну более дешевой электроэнергией. Увы, людей продолжают пугать химерой российской угрозы, от которой мы никак не можем избавиться и которая верно служит консерваторам и преданным им СМИ как средство запугивания» [14]. Наконец, Д. Грибаускайте выразила поддержку министру энергетики А. Секмокасу, который конфликтует с «Газпромом» и которому оппозиция организовала неудавшуюся интерpellацию. Российский газовый монополист прежде всего недоволен тем, что Литва выбрала самый радикальный способ реализации требований третьего энергетического пакета ЕС по отделению поставщика от распределительной инфраструктуры. Во многом из-за этого «Газпром» отказывается снижать цены на газ для Литвы, но президент страны своей поддержкой «конфликтному» министру дает понять, что ее этот факт не беспокоит. С учетом негативных тенденций представляется верным мнение о том, что наладить отношения с Россией будет весьма сложно.

Заключение

Приход Дали Грибаускайте к власти в Литве был связан со многими ожиданиями — как в области внутриполитического регулирования и решения проблем по выводу страны из состояния масштабного экономического и социального кризиса, усугубленного нарастающим общественным недовольством, так и в сфере внешней политики.

Проявленные президентом сразу после инаугурации качества жесткого и непримиримого лидера, сопровождавшиеся значительными кадровыми перестановками в органах государственной власти, прокурату-

ре, судебной системе, структурах Департамента государственной безопасности, не только отвечали долговременным ожиданиям литовских граждан, но и вызвали вполне обоснованные опасения политической элиты страны. Более того, Грибаускайте осмелилась подвергнуть сомнению значимость для современной Литвы внешнеполитического курса экс-президента ЛР Валдаса Адамкуса, в основе которого лежали принципы не критичного взгляда на сотрудничество с Соединенными Штатами Америки, подкрепляемого совместными военными операциями в рамках реализации американских геостратегических интересов. Отказавшись от одновекторности внешней политики, Грибаускайте сконцентрировала политические усилия на формировании проевропейского курса внешнеполитической составляющей политики Вильнюса.

Главная претензия к Грибаускайте в настоящее время сводится к тому, что, отказавшись от классических основ внешней политики Литвы, она не смогла предложить альтернативной внешнеполитической стратегии, понятной для политической элиты страны. Национальная безопасность Литвы и ее внешняя политика находятся в прямой корреляции от отношений с тремя внешними фигурами — Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки и Республикой Польша. В последние два года произошло существенное охлаждение отношений с США и Польшей, что может осложнить для Вильнюса успешную реализацию собственных национальных интересов и целей. Усугубляет ситуацию сомнительность варианта нормализации отношений с Россией в условиях начатой реструктуризации энергетической отрасли и открытого противостояния с «Газпромом». После президентских выборов 2010 г. не приходится рассчитывать и на тесное сотрудничество с Беларусью.

Список литературы

1. *D. Grybauskaitė siekia ne pakeisti, bet subalansuoti užsienio politiką* // Летуос ритас: [электронная версия газеты]. URL: <http://www.lrytas.lt/-/13100180671307815245-d-grybauskait%C4%97-siekia-ne-pakeisti-bet-subalansuoti-u%C5%BEsienio-politik%C4%85.htm> (дата обращения: 10.06.2011).
2. *Lietuvos užsienio politika ir pereinamasis laikotarpis*: [сайт Т. Вилюкаса]. URL: <http://viluckas.lt/lietuvos-uzsienio-politika-ir-pereinamasis-laikotarpis/> (дата обращения: 12.06.2011).
3. *Годовые отчеты президента Д. Грибаускайте 2010, 2011 годы*: [официальный сайт президента Литовской Республики]. URL: www.prezidentas.lt (дата обращения: 18.07.2011).
4. *Ušackas V. Lietuvos užsienio politika — "bevektorinė"* // Бальсас: [электронная версия газеты]. URL: <http://www.balsas.lt/naujiena/529202/v-usackas-lietuvos-uzsienio-politika-bevektorine> (дата обращения: 13.07.2011).
5. *Для Грибаускайте: Литва была заложницей политики США* // Newsland: [информационно-дискуссионный портал]. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/554766/cat/94/> (дата обращения: 19.07.2011).
6. *Prezidentės Dalios Grybauskaitės interviu Austrijos dienraščiui "Die Presse": "Operacija Libijoje peržengia JT mandatą"*: [официальный сайт президента Литовской Республики]. URL: <http://www.president.lt> (дата обращения: 13.07.2011).

7. Valatka R. Dvylika prezidentės D. Grybauskaitės atradimų. 2010-07-15: [электронная версия газеты «Летувос ритас»]. URL: <http://m.lrytas.lt/-12788582011278843115-p1-dvylika-prezident%C4%97s-d-grybauskait%C4%97s-atradim%C5%B3.htm> (дата обращения: 13.07.2011).

8. Sikorskis R. Santykiuose su Lietuva patyrėme nusivylimą [информационный портал «Дельфи»]. URL: <http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/rsikorskis-santykiuose-su-lietuva-patyreme-nusivylima.d?id=46623681> (дата обращения: 15.06.2011).

9. A. Ažubalis ragina lenkus statyti, o ne griauti tiltus: [электронная версия газеты «Вейдас»]. URL: <http://www.veidas.lt/a-azubalis-ragina-lenkus-statyti-o-ne-griauti-tiltus> (дата обращения: 20.06.2011).

10. Cibulskis G., Popovaitė I. Prezidentės šimtadienis. 15min. lt, 19 октября 2009 г.: [информационный портал]. URL: <http://15min.lt/id/aktualu/lietuva/prezidentes-simtadienis-56—60691> (дата обращения: 13.07.2011).

11. Matutis V. Klaipėdos uostą maitino Baltarusija: [информационный новостной портал]. URL: <http://www.jura24.lt/lt/naujienos/uostas/klaipedos-uosta-maitino-baltarusija-326616> (дата обращения: 13.07.2011).

12. Grybauskaitė D. Baltarusijos stabilumo garantas — jos žmonės: [электронная версия газеты «Летувос ритас»]. URL: <http://m.lrytas.lt/-12904350151289529327-d-grybauskait%C4%97-baltarusijos-stabilumo-garantas-jos-%C5%BEmon%C4%97s.htm> (дата обращения: 13.07.2011).

13. Литва твердо отклонила предложение России принять участие в строительстве Балтийской АЭС // Kaliningrad. net: [информационно-новостной портал]. URL: http://kaliningrad.net/news/news_18061/next=160?PAGEN_1=165&type=146&idT=18061 (дата обращения: 15.09.2011).

14. Прунскене К. Литва даже не обсуждала предложение России // Экспресс-неделя. 2011. № 25 (750). С. 8.

Об авторах

Баторшина Ирина Александровна, кандидат исторических наук, начальник отдела исследований стран Балтии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: ibatorshina@rambler.ru;

Воловой Вадим, ведущий эксперт Центра геополитических исследований, Вильнюс (Литва).

E-mail: vadim@geopolitika.lt

I. A. Batorshina, V. Volovoy

MODERN LITHUANIAN FOREIGN POLICY: TRADITIONAL POLICY ADJUSTMENT

The authors consider the core areas of Lithuanian foreign policy. Special attention is paid to the adjustment of the major foreign policy vector, which concentrated earlier on co-operation with the United States of America and strategic partnership with the Republic of Poland. The article analyses the attempts of Lithuanian president Dalia Grybauskaitė to

formulate the so-called «new foreign policy» based on the multivector approach to intergovernmental cooperation.

This research is timely because of the increasing influence of small states on foreign policy decision-making within the European Union. It emphasises the need to analyse foreign policy priorities of the Baltic States and Central and Eastern European countries and to identify the dominant trends in international politics in the region in order to forecast further development at European and global levels.

This objective is achieved with the help of an integrated approach with elements of interdisciplinary research. Special attention is paid to the comparative-historical approach, which facilitates the analysis of the relations between the Republic of Lithuania and the neighbouring states and its principal partners. Alongside traditional methods of historical research, this work employs such methods as participant observation, content and event analysis, and simultaneous and comparative analysis.

The research and practical significance of this work is explained by its emphasis on the need to apply an additional theoretical framework to studies into the foreign policy initiatives of the Republic of Lithuania in the international arena. If, earlier, they were determined by the value (democratic approach), which was a reflection of American realism, today an increasingly important factor is the personality of the president, who does not always positively influence the changing policy of the country.

The results of research contribute substantially to the understanding of foreign policy processes taking place in Lithuania and the region in general.

Key words: Lithuania, foreign policy, strategic partner, D. Grybauskaitė, V. Adamkus.

References

1. D. Grybauskaitė siekia ne pakeisti, bet subalansuoti užsienio politiką, 2011. In: Lietuvos rytas. [online] Available at: <<http://www.lrytas.lt/-13100180671307815245-d-grybauskait%C4%97-siekia-ne-pakeisti-bet-subalansuoti-u%C5%BEsienio-politik%C4%85.htm>> [Accessed 25 June 2011]
2. Lietuvos užsienio politika ir pereinamasis laikotarpis, 2011. In: website T. Viliuckas [online] Available at: <<http://viluckas.lt/lietuvos-uzsienio-politika-ir-pereinamasis-laikotarpis>> [Accessed 26 June 2011]
3. Oficial'nyj sajt prezidenta Litovskoj Respubliki. [online] Available at: <www.prezidentas.lt> [Accessed 18 July 2011]
4. Čivas T., 2011. Ušackas V.: Lietuvos užsienio politika — "bevektorinė". In: Balsas Online, [online] 14 March. Available at: <<http://www.balsas.lt/naujiena/529202/v-usackas-lietuvos-uzsienio-politika-bevektore>> [Accessed 13 July 2011]
5. Dalja Gribauskajė: Litva byla založnicej politiki SShA, 2010. In: Newsland Online, [online] 09 June. Available at: <<http://www.newsland.ru/news/detail/id/554766/cat/94/>> [Accessed 19 July 2011]
6. Prezidentės Dalios Grybauskaitės interviu Austrijos dienraščiui "Die Presse": "Operacija Libijoje peržengia JT mandatą", 2011. In: Oficial'nyj sajt prezidenta Litovskoj Respubliki [online]. Available at: <http://www.president.lt/lt/prezidento_veikla/prezidente_ziniasklaidoje/interviu_385/prezidentes_dalios_grybauskaites_interviu_austrijos_dienrasciui_die_presse_operacija_libijoje_perzengia_jt_mandata.html?backlink=%252F%252Fpaieska%252Fresults%252Fp0.html> [Accessed 13 July 2011]
7. Valatka R., 2010. Dvylika prezidentės D. Grybauskaitės atradimų. In: Lietuvos rytas Online, [online] 15 July. Available at: <<http://m.lrytas.lt/-12788582011278843115-p1-dvylika-prezident%C4%97s-d-grybauskait%C4%97s-atradim%C5%B3.htm>> [Accessed 13 July 2011]

8. Sikorskis R.: santykiuose su Lietuva patyrėme nusivylimą, 2011. In: Delfi Online [online] 15 June. Available at: <<http://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/rsikorskis-santykiuose-su-lietuva-patyreme-nusivylima.d?id=46623681>> [Accessed 15 June 2011]
9. Ažubalis A. Ragina lenkus statyti, o ne griauti tiltus, 2011. In: Veidas Online [online] 20 June. Available at: <<http://www.veidas.lt/a-azubalis-ragina-lenkus-statyti-o-ne-griauti-tiltus>> [Accessed 20 June 2011]
10. Cibulskis G., Popovaitė I., 2009. Prezidentės šimtadienis. In: 15 min. It Online [online] 19 October. Available at: <<http://15min.lt/id/aktualu/lietuva/prezidentes-simtadienis-56-60691>> [Accessed 13 July 2011]
11. Matutis V., 2011. Klaipėdos uostą maitino Baltarusija. In: Jura24 Online [online] 01 January. Available at: <<http://www.jura24.lt/lt/naujienos/uostas/klaipedos-uosta-maitino-baltarusija-326616>> [Accessed 13 July 2011]
12. Grybauskaitė D.: "Baltarusijos stabilumo garantas — jos žmonės", 2010. In: Lietuvos rytas Online [online] 22 November. Available at: <<http://m.lrytas.lt/-12904350151289529327-d-grybauskait%C4%97-baltarusijos-stabilumo-garantas-jos-%C5%BEmon%C4%97s.htm>> [Accessed 13 July 2011]
13. Litva tverdo atkilonila predlozhenie Rossii prinjat' uchastie v stroitel'stve Baltijskoj AJeS, 2010. In: Kaliningrad net Online [online] 12 February. Available at: <http://kaliningrad.net/news/news_18061/next=160?PAGEN_1=165&type=146&id-T=18061> [Accessed 15 September 2011]
14. Prunskene K. Litva dazhe ne obsuzhdala predlozhenie Rossii, 2011. Jekspress nedelja, 23 June, p.8.

About authors

Dr Irina A. Batorshina, head of the Baltic States studies unit, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: ibatorshina@rambler.ru.

Vadim Volovoy, leading expert of the Centre for Geopolitical Studies, Vilnius (Lithuania).

**Г. М. Федоров
М. А. Городков
И. И. Жуковский**

**РОЛЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ В РАЗВИТИИ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ
СВЯЗЕЙ**

Германия — один из важнейших партнеров Российской Федерации. Калининградская область играет существенную роль в развитии партнерства между двумя странами, но имеющиеся предпосылки расширения и укрепления связей используются не полностью. В статье анализируются становление, современное состояние и перспективы усиления роли региона в российско-немецком сотрудничестве. Показана роль Балтийского федерального университета им. И. Канта как одного из лидеров в установлении и развитии научных и культурных связей между вузами и научными фондами Германии.

Публикация подготовлена по материалам выступлений авторов и дискуссии, прошедшей на заседании круглого стола по кооперации российских и немецких партнерских регионов, проведенного 23 сентября 2011 г. в рамках VII международной конференции по трансграничному сотрудничеству «Российская Федерация, Европейский союз и Норвегия» (22 — 23 сентября 2011 г., Калининград).

Анализ актуальных вопросов российско-немецких экономических и культурных взаимоотношений в Калининградской области способствует выработке российской стратегии интеграции субъектов Северо-Запада РФ в экономическое и культурное пространство Балтийского региона.

Ключевые слова: российско-немецкое сотрудничество, Балтийский регион, Германия, Калининградская область, БФУ им. И. Канта.

Германия один из важнейших партнеров России в экономических, культурных, научно-образовательных связях. Калининградская область в силу ее географического положения и исторических особенностей территории занимает в российско-немецких отношениях особое место, уступая по объемам взаимных связей среди субъектов Российской Федерации только Москве и Санкт-Петербургу. Но если учесть значительно меньшую численность населения региона, то по интенсивности многих связей (например, по внешнеторговому обороту с Германией в расчете на душу населения) Калининградская область находится на первом месте.

Налаживание отношений между Калининградской областью и немецкой стороной началось лишь два десятилетия назад, в самом начале

1990-х гг. Прежде связи региона, закрытого для посещения иностранными гражданами, с немецкими партнерами были крайне незначительны. Относительно регулярными были только научные и культурные контакты по изучению философского наследия И. Канта.

Предпосылки расширения сотрудничества Калининградской области с немецкими (как и другими иностранными) партнерами были заложены в самом конце существования СССР, в 1990 — 1991 гг.

В июне 1990 г. горсовет Калининграда провозгласил город открытым для иностранных граждан, в конце того же года новый режим был подтвержден решением Правительства РСФСР; 14 июля 1990 г. Верховный Совет РСФСР объявляет область зоной свободного предпринимательства. Тем самым закладывается основа будущей свободной экономической зоны «Янтарь», а затем Особой экономической зоны в Калининградской области. В мае 1991 г. для захода иностранных судов открыт порт Калининград. В 1992 г. регион посетили уже 40 тыс. немцев (в основном «ностальгических») туристов, в 1993-м — 100 тыс. (это максимальный показатель; в последующем число немецких туристов сильно сократилось) [4]. Некоторые значимые события, связанные с развитием российско-немецкого сотрудничества в Калининградской области, приведены в таблице 1.

Таблица 1

**Развитие российско-немецкого сотрудничества
в Калининградской области (1992—2004 гг.)**

Год	Событие
1992	Создание строительной фирмы «Россбан»
1993	Открытие Немецко-Русского дома
1993	Открытие железнодорожного маршрута Калининград — Берлин
1994	Совместное празднование 450-летия университета Альбертина
1994	Подписание соглашения о сотрудничестве Калининградской области с федеральной землей Бранденбург
1999	Подписание соглашения о сотрудничестве Калининградской области с федеральной землей Шлезвиг-Гольштейн
1999	Начало сборки автомобилей BMW на «Автоторе»
2004	Открытие Генерального консульства Германии в Калининграде

К концу 2011 г. договоры о сотрудничестве действуют между Калининградской областью и немецкими землями Бранденбург и Шлезвиг-Гольштейн, между многими городами и районами региона и землей Германии (табл. 2). Осуществляется обмен делегациями и обсуждение сотрудничества преимущественно в следующих сферах: сельское хозяйство, здравоохранение, образование, культура, жилищно-коммунальное хозяйство, взаимодействие правоохранительных органов, молодежных организаций, совместное решение экологических проблем.

Таблица 2

**Партнерство между городами и районами Калининградской области
и городами и округами Германии**

Города и районы Калининградской области	Города и округа Германии
Калининград	Киль, Бремерхафен, Гамбург, Росток, Папенбург, Цайц
Советск	Киль
Черняховск	Берлин-Лихтенберг, Киль, Росток, Бремерхафен, Гамбург
Гусев	Билефельд
Багратионовск	Ферден
Гвардейск	Ротенбург
Гурьевск	Дельбрюк
Неман	Прец
Зеленоградск	Унтершляйсхайм
Зеленоградский район	Округ Пиннеберг
Краснознаменский район	Округ Харбур

Действовавший в первой половине 1990-х гг. режим свободной экономической зоны «Янтарь» в качестве одного из инструментов предоставлял льготные налоговые условия предприятиям с участием иностранного капитала. Их число стало быстро расти (в основном вследствие реорганизации действовавших ранее предприятий в совместные). К концу 1994 г. Германия занимала второе место (после Польши) в списке предприятий с участием иностранного капитала — российско-германских предприятий в области насчитывалось 180. Однако инвестированный в их развитие капитал был небольшим. Самыми крупными капиталовложениями отличалась созданная в 1992 г. российско-немецкая строительная фирма «Россбан» и целлюлозно-бумажный завод «Цепрусс» [2].

К 2011 г. объемы немецких инвестиций (как и всех иностранных вложений) в экономику области остаются незначительными. На конец I полугодия 2011 г. объем накопленных инвестиций, поступивших из Германии, составил менее 33 млн долларов США, менее 4 % всех накопленных иностранных инвестиций.

По состоянию на середину 2011 г. наиболее значимыми предприятиями с участием немецкого капитала в секторе обрабатывающих производств являются следующие:

- ОАО «Автотор-Холдинг групп» (сборочное производство автомобилей BMW),
- ООО «Грамммер-Калининград» (швейное производство),
- ООО «МН Балтика» (швейное производство деталей интерьера для автосборочного производства),
- ООО «Фабрика мягкой мебели «Кёнигсберг» (производство мебели),
- завод по производству детского питания «Хипп».

Товарооборот Калининградской области с Германией в 1990-е гг. был небольшим по объему (см. рис.). Однако в 2000-е гг. он значительно увеличился (за исключением кризисного 2009 г.), преимущественно за счет импорта из Германии узлов и деталей для сборки автомобилей, промышленного и сельскохозяйственного оборудования, мясопродуктов и других потребительских товаров. В экспорте области в Германию преобладают нефтепродукты и рапс.

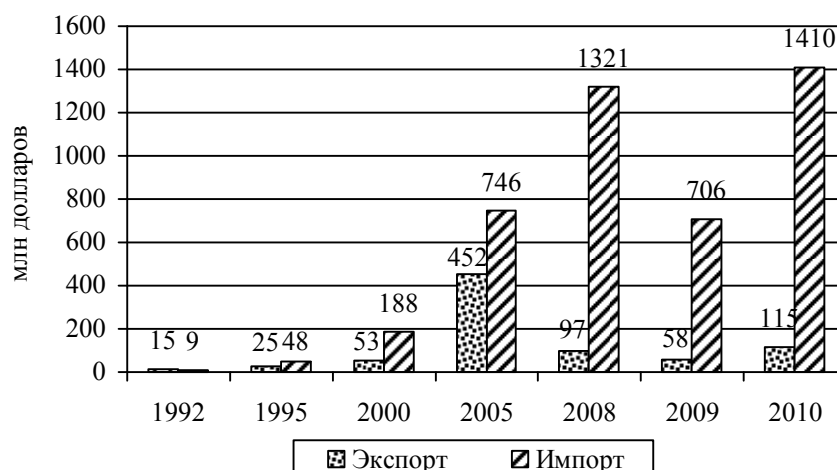

Рис. Динамика торговли Калининградской области с Германией, 1992 — 2010 гг., млн долларов США

Источник: [3].

На территории области активно действуют неправительственные организации, оказывающие помощь местным российским немцам в вопросах поддержки немецкого языка и культуры и способствующие развитию гуманитарных контактов. Проживающие в регионе немцы — по большей части мигранты, прибывшие из других субъектов РФ и ближнего зарубежья в 1990-е и 2000-е гг. Если в 1989 г. численности проживающих в области немцев составляла 1,3 тыс. человек, то в начале 2000-х гг. (по данным переписи населения 2002 г.) немцев в регионе насчитывалось 8,3 тыс. [1]. Более половины из них (4,7 тыс.) проживает в сельской местности. Многим из тех, кто ведет фермерское хозяйство, оказывается финансовая помощь со стороны немецких организаций.

Российские и немецкие эксперты ведут совместную работу по восстановлению значимых объектов культурного наследия в Калининградской области. Для ознакомления жителей региона с немецкой культурой реализуются культурно-образовательные проекты немецкого Института Гёте. Успешно развивается межвузовское сотрудничество, связи между колледжами и школами двух стран.

Большое общественно-политическое значение имеет совместная работа по поиску военных захоронений времен Второй мировой войны и

уходу за воинскими мемориалами. В российском проекте «Вахта памяти» по розыску воинских захоронений времен Второй мировой войны участвуют поисковые организации из России и Германии. Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями при содействии ассоциации «Военные мемориалы» продолжает перезахоронение останков погибших в годы Второй мировой войны и оборудование 9 кладбищ в Калининградской области.

Один из важнейших центров российско-немецкого сотрудничества — Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Он имеет 15 договоров о двустороннем партнерстве с вузами и институтами Германии. Самое активное сотрудничество осуществляется с Гёттингенским университетом, Университетом им. К. Альбрехта (г. Киль), Университетом Э.М. Арндта (г. Грейфсвальд), ДААД (Немецкой службой академических обменов), ДБУ (Немецким экологическим фондом). Каждый семестр 10 граждан Германии обучаются в БФУ им. И. Канта по различным направлениям подготовки; более 50 человек ежегодно принимают участие в курсах русского языка, летних/зимних школах, конференциях, семинарах и полевых практиках. Свыше 30 студентов и аспирантов БФУ им. И. Канта каждый семестр проходят обучение в вузах и научных центрах Германии; более 50 человек ежегодно принимают участие в языковых курсах, летних/зимних школах, конференциях и семинарах в Германии.

БФУ им. И. Канта активно реализует совместные образовательные проекты с немецкими партнерами. К числу важнейших из них относятся:

- проект «Триалог» (организация международных летних школ);
- создание Российско-германского юридического института;
- реализация программы «Intense» с Грайфсвальдским университетом;
- сотрудничество с немецкими вузами в рамках программы академической мобильности «Эразмус Мундус».

Инициатива «Триалог», предполагавшая создание научно-образовательной площадки между российским, немецким и польским университетами (Университет им. Николая Коперника в Торунь), стала логичным развитием опыта сотрудничества с Европейским университетом «Виадрина». К настоящему времени среди результатов работы по проекту можно назвать серию семинаров и круглых столов, в которых принимали участие студенты, аспиранты и преподаватели трех университетов. На встрече ректора БФУ им. И. Канта проф. А. П. Клемешева и президента Европейского университета «Виадрина» проф. Г. Плойгера в сентябре 2011 г. в Берлине началось обсуждение нового этапа «Триалога» — создания полноценного проектного офиса и условий для интеграции результатов исследований в образовательный процесс.

Значима роль немецких партнеров и в реализации проекта «EU4U: Создание центра ЕС в БФУ им. И. Канта». Вследствие своего географического местоположения Калининградская область играет огромную роль во взаимоотношениях между Европейским союзом и Россией. Понимание важности этих взаимоотношений становится основным факто-

ром, определяющим преподавательский и исследовательский профиль БФУ им. И. Канта — ведущего научного и образовательного центра региона. В целях содействия взаимодействию Европейского союза и России Центр ЕС намерен развиваться как экспертная и аналитическая площадка, создающая условия для профессионального общения представителей самых разных профессиональных сообществ. Немецкие партнеры в рамках этого проекта — Гёттингенский университет им. Георга Августа (г. Гёттинген), Европейский университет «Виадрина» (г. Франкфурт-на-Одере), Университет им. Кристиана Альбрехта (г. Киль). Данная инициатива была поддержана и Генеральным консульством ФРГ в Калининграде.

Интерес к немецкой истории, экономике и культуре отражает то, что 3 тыс. студентов и аспирантов университета изучают немецкий язык. Его лучшему усвоению помогают лекторы ДААДа, которые более 10 лет работают в БФУ им. И. Канта. Ежегодно на базе университета более 25 человек сдают экзамен на знание немецкого языка *TestDAF*.

С целью популяризации немецкого языка и культуры в университете проходят научные и культурные мероприятия с участием партнеров из Германии:

- дни Германии в Калининградской области на базе БФУ им. И. Канта (при поддержке посольства ФРГ в Москве и Генерального консульства ФРГ в Калининграде);

- спектакли немецких театров на сцене БФУ им. И. Канта;

- лекции немецких научных деятелей, писателей и творческой интеллигенции.

Ученые, аспиранты и студенты БФУ им. И. Канта участвуют в многочисленных исследовательских и научно-практических проектах с немецкими партнерами. В 2011 г. университет занимается реализацией следующих международных проектов с представителями стран Балтийского региона (в том числе России и Германии).

- **INTERFACE** — развитие пассажирского паромного движения в Южной Балтике. Немецкие участники проекта: ганзейский г. Росток, ассоциация общественного транспорта «Варнау», администрация порта г. Росток, Министерство транспорта, строительства и регионального развития земли Мекленбург-Форпоммерн, Ассоциация по региональному планированию Среднего Мекленбурга (г. Росток), Скандинавские линии Германии.

- **"Hardwoodsaregood"** — поддержка предпринимателей в регионе Южной Балтики. Немецкие партнеры: профессиональное объединение Германии "HolzClusterNord", Европейская сеть предпринимателей лесного сектора, Ассоциация лесного хозяйства земли Мекленбург-Форпоммерн.

- **«Экорегион»**. Главный партнер проекта — федеральное Министерство экологии, охраны природы и ядерной безопасности Германии.

- **AGORA 2.0** — устойчивое развитие туризма в регионе Балтийского моря. Главный партнер проекта — Грейфсвальдский университет им. Э.М. Арндта.

• "BalticGreenBelt" — Балтийский зеленый пояс. Главный партнер — Университет им. К. Альбрехта (г. Киль).

Разработка и начало реализации стратегии модернизации России, переход ее экономики на инновационный путь развития обуславливают необходимость совместных научных исследований и их внедрения в хозяйственную практику. Создание в 2011 г. на базе Российского государственного университета им. И. Канта Балтийского федерального университета и упрочение его исследовательской базы актуализирует развитие сотрудничества в инновационной сфере. БФУ им. И. Канта, обладающий опытом совместных российско-немецких исследований и поддерживающий научные связи со многими университетами Германии, имеет все предпосылки, чтобы стать важным звеном международной кооперации в сфере образования, науки и инноваций. Российско-немецкое сотрудничество в реализации совместных образовательных и научных проектов способствует более активному вхождению Калининградской области, а через нее и Российской Федерации в целом, в общее социально-экономическое пространство Балтийского региона.

Список литературы

1. *Демографический* ежегодник Калининградской области. 2010. Калининград, 2011.
2. *Зверев Ю. М.* Калининградская область России в новой системе географических координат. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-2/yzverev.htm> (дата обращения: 12.09.2011).
3. *Территориальный орган* федеральной службы госстатистики по Калининградской области. URL: <http://kaliningrad.gks.ru> (дата обращения: 10.09.2011).
4. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М.* Калининградские альтернативы. Калининград, 1995.

Об авторах

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, профессор, проректор по научной работе, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

Городков Михаил Анатольевич, заместитель министра экономики, Правительство Калининградской области.

E-mail: gorodkov@gov39.ru

Жуковский Игорь Игоревич, кандидат политических наук, доцент, проректор по международным связям, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: izhukovskii@kantiana.ru

G. M. Fedorov, M. A. Gorodkov, I. I. Zhukovsky

THE ROLE OF THE KALININGRAD REGION IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-GERMAN RELATIONS

Germany is one of the principal partners of the Russian Federation. The Kaliningrad region plays a significant role in the development of partnership between the two countries, but the existing opportunities for development are not fully exploited. This article analyses the development, current state and prospects of the increasing role of the region in Russian-German cooperation. The authors emphasise the role of the Immanuel Kant Baltic Federal University as one of the leaders in the development of research and cultural links with German universities and research foundations. This publication is based on the authors' presentation and the round table discussion on the cooperation between Russian and German partner regions held on September 23, 2011 in the framework of the 8th International Conference on Transborder Cooperation: the Russian Federation, the European Union, and Norway (September 22 — 23, 2001, Kaliningrad). This article considers topical issues of Russian-German economic and cultural relations in the Kaliningrad region, which facilitates the development of Russian strategy for the integration of north-western constituent entities into the economic and cultural space of the Baltic region.

Key words: Russian-German cooperation, Baltic region, Germany, Kaliningrad region, Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

1. Demograficheskij ezhegodnik Kaliningradskoj oblasti. 2010. Kaliningrad.
2. Zverev, Ju. M., 1995. Kaliningradsckaja oblast' Rossii v novej sisteme geograficheskikh koordinat. Available through: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-2/yzverev.htm> [Accessed 12 September 2011].
3. Territorial'nyj organ federal'noj sluzhby gosstatistiki po Kaliningradskoj oblasti. Available through: URL: <http://kaliningrad.gks.ru> [Accessed 10 September 2011].
4. Fedorov, G. M., Zverev, Ju. M. 1995. Kaliningradskie al'ternativy. Kaliningrad: Kaliningr. un-t.

About authors

Prof. Gennady M. Fedorov, vice-rector for research, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: g.fedorov@kantiana.ru

Mikhail A. Gorodkov, deputy minister of economics, Government of the Kaliningrad region.

E-mail: gorodkov@gov39.ru

Dr Igor I. Zhukovsky, Associate Professor, vice-rector for international relations, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: izhukovskii@kantiana.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

УДК 330.35+ 328.185

Т. Пылаева

ВЛИЯЕТ ЛИ КОРРУПЦИЯ НА УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?

Сегодня термин «устойчивое развитие» часто употребляется политиками, при этом определение данного понятия постоянно пересматривается. Устойчивое развитие связано с внедрением комплексного подхода. К решению экономических, социальных и экологических задач. Экономические задачи включают обеспечение роста, эффективности и стабильности экономики.

Основная цель данной статьи — анализ влияния коррупции на устойчивость экономического роста. Воздействие коррупции ослабляется, что связано с изменением отношения общественности к данному явлению. На устойчивое развитие оказывают влияние несколько факторов, в том числе государственная политика, управление и организация, а также финансовые и экономические факторы.

Основной вопрос институциональной устойчивости может быть сформулирован следующим образом: способна ли укрепленная институциональная структура донести результаты технического сотрудничества до «конечного потребителя»? Частные лица и организации имеют возможность участвовать в совместном использовании ресурсов в интересах будущей устойчивости. Направленные против коррупции стратегии связаны с реформой государственных институтов. Одно из преимуществ подхода фундаментальных экономических реформ — то, что при объединении антикоррупционных стратегий и экономических политик и институтов борьба с коррупцией может стать элементом экономической политики. Кроме того, делается вывод, что целью технической помощи должно стать достижение устойчивых результатов.

Ключевые слова: коррупция, устойчивый экономический рост, управление.

Введение

При неблагоприятных экономических условиях вина за это зачастую возлагается на правительство, что кажется вполне рациональным, так как именно правительство имеет необходимые ресурсы и несет ответственность за создание среды, стимулирующей стремление общества к благосостоянию. Что же обеспечивает экономическую успешность правительств, и почему показатели роста многих переходных экономик уступают показателям развитых стран? Важнейшую роль здесь играет человеческая природа, приоритет личных интересов над общественными, что ведет к коррупции и неспособности правительств обеспечить условия, необходимые для быстрого экономического роста.

Проблема экономического роста постоянно и подробно освещается в научной и научно-популярной литературе. Правительства изменяют и корректируют экономическую политику, создают новые институты и тратят средства налогоплательщиков на достижение более высоких экономических показателей. Почему это так важно? Любая нация хочет быть сильнее и богаче, иметь более высокий уровень жизни, а также определенное влияние. Экономический рост — путь к благосостоянию. В связи с этим понятно, почему правительства постоянно следят за изменениями ВВП, уровня безработицы, прямых иностранных инвестиций и т. д. В долгосрочной перспективе экономический рост становится показателем того, какие нации смогут удовлетворить свои потребности, а на каких территориях условия жизни будут ухудшаться.

Аргументы макроуровня и коррупция

В научной литературе существует несколько определений макроэкономики. Она может трактоваться как «раздел экономики, занимающийся общими аспектами экономики, такими как отношения между доходами и инвестициями страны в целом». Макроэкономика изучает экономику в целом, уделяя особое внимание общему количеству «произведенных товаров и услуг, общему доходу, уровню занятости производственных ресурсов и общим ценовым тенденциям. Макроэкономика используется в поиске наилучших путей достижения целей экономической политики, таких как экономический рост, полная занятость населения и обеспечение устойчивости платежного баланса» [5]. Для рассмотрения коррупции немаловажно понимание макроэкономической теории и поведения экономики.

По определению Всемирного банка, коррупция является синонимом злоупотребления служебными полномочиями в целях личного обогащения. Ее уровень определяется расходами на осуществление хозяйственной деятельности. Коррупция оказывает двоякое влияние на объем производства: он уменьшается в связи с нехваткой квалифицированных кадров во всех компаниях, кроме тех, которые имеют связи в политических кругах или активно заменяют человеческий труд машинным. Зарплаты уменьшаются из-за дополнительных расходов, которые компании вынуждены нести ради обеспечения рентабельности их хозяйст-

венной деятельности. В современном мире на макроэкономическом уровне связь между такими явлениями, как экономическая свобода, глобализация и коррупция становится все более тесной.

«Уолл-стрит джорнал» (The Wall Street Journal) и «Хэритэдж фаундейшн» (Heritage Foundation) разработали индекс экономической свободы (IEF), отражающий уровень экономической свободы на основе десяти параметров (свобода бизнеса, свобода торговли, налоговая свобода, свобода от правительства, денежная свобода, свобода инвестиций, финансовая свобода, защита прав собственности, свобода от коррупции, свобода трудовых отношений). Каждому параметру соответствует значение от 1 до 100 (100 — максимальная свобода). Степень открытости и демократичности политической системы влияет на уровень коррупции в данной стране. Вероятность раскрытия коррупционной деятельности может быть выше в более демократических странах, что снижает там уровень коррупции, иногда значительно. Кроме того, свобода прессы выступает важным фактором выявления коррупционной деятельности, а также сопутствует экономическому благосостоянию страны. Эффективная система образования и высокий уровень грамотности увеличивают вероятность раскрытия злоупотреблений полномочиями [8].

В экономике предложение рождает спрос, что делает перепроизводство невозможным. В то же время проводимая правительством политика может способствовать борьбе с безработицей и увеличению спроса на макроуровне, поэтому она может быть использована для манипулирования спросом. В условиях коррупции многие работодатели вынуждены снижать зарплаты, чтобы иметь средства для взяток, в то время как на основе производственных затрат цены на продукцию и услуги остаются теми же. Это, в свою очередь, ведет к сокращению спроса и, соответственно, снижению продаж.

С данным явлением тесно связан рост объема сбережений среди потребителей. Чрезмерный объем сбережений негативно влияет на продажи и приводит к избыточному предложению. Таким образом, в хозяйственной деятельности возникают общий спад и неопределенность. Если правительство оказывает значительное влияние на экономику, сомнения в целесообразности принимаемых решений кажутся оправданными.

Специфическая черта коррупции — ее относительная скрытность, затрудняющая определение уровня данного явления в стране. Организацией «Трансперенси интернешнл» (Transparency International) был разработан индекс, позволяющий оценить ситуацию во всем мире, а также сделать вывод о том, оказывает ли коррупция негативное воздействие на экономический рост в государстве, приводит ли к уменьшению объема инвестиций и тем самым снижает объем производства. Кроме того, управляя средствами определенных экономических игроков, правительство вынуждено сокращать расходы на образование и здравоохранение.

Коррупция искажает реальную экономическую ситуацию, снижая эффективность государственных инвестиций, производительность инфраструктуры страны, доходы от налогов, что в результате не позволя-

ет правительству получать необходимый объем средств для финансирования государственных расходов. Наконец, коррупция снижает объем прямых иностранных инвестиций, являясь, по сути, дополнительным налогом [8]. В то же время в рамках «экономики предложения», налоги представляют собой препятствие для инвестиций, а коррупция наносит еще больший ущерб экономической эффективности страны.

В последнее время все более распространенной становится точка зрения, заключающаяся в том, что коррупция оказывает негативное воздействие на экономический рост, так как различные государственные институты имеют значительное влияние на экономические показатели. При широком распространении коррупции индивидуальная борьба с этим явлением оказывается нецелесообразной — даже с учетом того, что это привело бы к общей выгоде. П. Мауро [10] называет это явление «стратегической взаимодополняемостью», т. е. повторение действия одного субъекта оказывается выгодным и для другого. Стратегическая взаимодополняемость — важный фактор, определяющий институциональную эффективность страны, а также влияющий на ее экономические показатели. Стратегическая взаимодополняемость совместима с выводом об устойчивости институциональной эффективности во времени. Считается, что воздействие коррупции на экономику заключается в следующем: чем больше людей крадет, тем меньше вероятность того, что они будут пойманы.

Таким образом, может возникнуть «благоприятное» равновесие, которому свойственно отсутствие коррупции и высокие показатели роста, а также объемы инвестиций, или «неблагоприятное» равновесие, характеризующееся постоянным уровнем коррупции, низким объемом инвестиций и темпами роста. Медленный рост и низкие инвестиционные показатели — результат нецелесообразного расходования рабочего времени на непродуктивную передачу ресурсов, а также низкого предельного продукта капитала вследствие того, что лишь незначительная доля государственного финансирования достигает производственного процесса.

Кроме того, предполагается, что коррупция и политическая стабильность — две стороны одного явления. Существует определенная связь между коррупцией и перспективами политиков; нетрудно сделать вывод о последствиях влияния этой связи на экономику. В таких условиях политики сами создают систему получения взяток, и им приходится принимать во внимание, что если они нанесут урон экономике, то не будут переизбраны гражданами страны на новый срок, что сделает невозможным получение взяток в будущем [10].

Высокий уровень коррупции заставляет предпринимателей уходить в «серый» сектор экономики, в результате он играет все более значительную роль, и так происходит во всем мире. Небезынтересный вопрос, ведет ли ужесточение регулирования рынка труда к усилению теневой экономики, исследуется Д. Андербергом. Он показывает, что теневая экономика связана с уровнем защиты от безработицы более тесно, чем с эффективной налоговой ставкой [2].

Считается, что для возникновения и эффективного функционирования капитализма влияние правительства в данной стране не должно быть ни слишком сильным, ни слишком слабым [13]. Страна может достичь равновесия при оптимальном распределении собственности. Слишком высокая концентрация собственности (как, например, в российской нефтегазовой отрасли) негативно влияет на развитие рынка, так как крупные собственники могут защитить свои интересы вне системы правосудия. С другой стороны, слишком рассредоточенная система собственности (например, в результате ваучерной приватизации) также не способствует развитию рыночной экономики, так как затрудняет координацию сильных прорыночных движений. Достижение экономического равновесия упрощается при нехватке природных ресурсов — нефти, газа, алмазов, — наличие которых автоматически приводит к концентрации экономической и политической власти.

Подход, разработанный в рамках новой политической экономики [4; 9; 12; 14], может быть полезным и при анализе экономической политики. Он исходит из предпосылки, что политика определяется усилением функции социального благосостояния, т.е. зависит от политических механизмов и отражает интересы наиболее влиятельных групп населения. Таким образом, процесс разработки экономической политики моделируется как проблема принципал — агент. «Агентом является либо разработчик политики, либо совокупность агентов, реагирующих на определенные стимулы и ограничения. Частный сектор рассматривается как принципал, имеющий, как правило, определенные долгосрочные ожидания, результатом которых становятся различные виды (динамических) стимулирующих ограничений для агента» [12]. Один из видов ограничений связан с конфликтом интересов создателей политики и частных агентов в рамках их экономической деятельности. Такие ограничения можно назвать ограничениями доверия. Существуют и политические ограничения, вытекающие из столкновения интересов в политической сфере. Было доказано, что в крупных избирательных округах (с более низким проходным барьером) коррупция находит меньшее распространение. При увеличении доли кандидатов, избираемых по партийным спискам (что снижает их личную ответственность), повышается уровень коррупции [12].

Управление

Существует несколько определений функций правительства. Две основные из них могут быть сформулированы следующим образом:

- установление прав собственности и правил распределения дохода и материальных благ (на основ законодательства);
- разработка механизма распределения ограниченных ресурсов при неспособности экономики к такому распределению: без вмешательства правительства предприятия могут начать производить одни и те же товары и услуги в избыточных количествах [11].

Правительство имеет дело и с такими экономическими вопросами, как антимонопольное законодательство, внешние эффекты, общественные блага, коллективно используемые ресурсы, перераспределение до-

ходов, повышение квалификации трудовых ресурсов и т.д. Очевидно, что все вышеперечисленные функции важны для благосостояния общества, и правительство обеспечивает предпосылки для его роста. Для нормального функционирования экономики оно должно создать необходимые стимулы для населения, а также условия, в которых хозяйства и предприятия смогут успешно осуществлять свою деятельность [6]. Если правительство не может создать необходимые условия по причине слабости институтов и неэффективности экономической политики либо политической системы, граждане оказываются частично или даже полностью неспособны к достижению благосостояния. Существует мнение, что экономика может функционировать при любой политической системе, но либеральная демократия, основанная на принципе верховенства права, — наиболее подходящая система для развития рынков. При этом возникают определенные административные аспекты: правительство обязано обеспечивать условия, в которых компании могут осуществлять хозяйственную деятельность с использованием свободного валютного обмена. Следствием верховенства права является соблюдение прав собственности. На данном этапе власти создают условия для экономического роста, но не делают его неизбежным [11].

Франческа Гальярди в статье, посвященной роли институтов в экономических изменениях [6], приходит к выводу, что институты, в первую очередь защищающие право собственности и контролирующие исполнение договорных обязательств, оказывают значительное влияние на экономические показатели. Этот вывод подкрепляется анализом литературы по данному вопросу [6]. Основной аргумент Гальярди состоит в том, что частные лица могут извлечь выгоду из сотрудничества. Тем не менее взаимодействие при отсутствии стимулов ограничивается преследованием индивидами собственных интересов и затратами на координацию совместных коллективной деятельности. Таким образом, институты должны располагать механизмами поощрения коллективной деятельности на благо каждого члена общества. Институты представляют собой формальные правила, оформленные по типу договоров, политических и экономических норм, а также неформальные правила, например правила поведения. Институтами могут быть и организации, такие, как университеты, правительственные учреждения и т. п.

Эмпирическое исследование, осуществленное Дароном Аджемоглу [1], подтверждает наличие взаимосвязи между экономическими показателями и институтами. Исследование проводилось на примере 75 бывших европейских колоний, между институтами которых существуют значительные различия. Аджемоглу выдвигает следующие гипотезы: 1) различные типы колониальной политики создают различные институты; 2) колониальное состояние и соответствующие институты имеют место и после провозглашения независимости. На основе коэффициента смертности европейских колонистов на протяжении исследуемого периода Д. Аджемоглу приходит к выводу, что основной целью колониальной политики было либо использование ресурсов, либо создание новых поселений. Колониальная политика, нацеленная на использование природных ресурсов, была характерна для Африки. Она сопровож-

далась злоупотреблением полномочиями и незащищенностью прав собственности. В то же время США, Канада и Австралия колонизировались для создания поселений. И по сей день эти страны являются одними из самых благополучных в мире.

В целом в обязанности правительства входит учреждение необходимых институтов и обеспечение их эффективного функционирования, в особенности в свете того, что их влияние на экономические показатели признано научным сообществом.

Существует множество эмпирических исследований, утверждающих, что коррупция негативно воздействует не только и не столько на статическую эффективность, сколько на объем инвестиций и экономический рост. Согласно выводам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), коррупция представляет собой угрозу для эффективного управления, устойчивого развития, демократических процессов и честной деловой практики. Также ОЭСР подчеркивает, что коррупция отрицательно влияет на доверие к политическим институтам и приводит к неуважению принципа верховенства права, вносит коррективы в распределение ресурсов, увеличивает расходы госсектора и сводит на нет конкуренцию. Таким образом, коррупция оказывает негативное влияние на экономический рост. На основе аргументов, приведенных в поддержку тезиса о значительной роли институтов в экономической организации страны, можно сделать вывод о фактической невозможности достижения высоких показателей экономического роста при наличии коррупции, так как от нее зависит качество институтов, и наоборот. Следовательно, в условиях коррупции государственное финансирование получают те проекты, которые дают больше возможностей для получения взяток, а отнюдь не приоритетные социальные программы, нацеленные на повышение благосостояния общества в целом и неимущих слоев населения в частности.

Устойчивый экономический рост

Неэффективное управление препятствует устойчивому экономическому росту, а также развитию частного сектора и борьбе с бедностью.

Сегодня термин «устойчивое развитие» часто употребляется политиками. Понятие устойчивого развития все еще находится в стадии разработки, определение этого термина постоянно пересматривается. Устойчивое развитие предполагает внедрение интегрированного подхода, объединяющего экономические, социальные и экологические аспекты. Экономические задачи сводятся к росту, эффективности и устойчивости. Устойчивость — это системное понятие, отражающее единство экономических, социальных, институциональных и экологических аспектов человеческого общества и играющее важную роль на всех его организационных уровнях — от небольших сообществ до планеты в целом. Изначально использовался термин «устойчивое развитие». Он был включен в Повестку дня XXI века, разработанную ООН. Существуют различные мнения по поводу того, какие аспекты должно содержать понятие устойчивого развития. Несмотря на существующие различия, большинство программных докумен-

тов, нацеленных на устойчивое развитие, устойчивость и устойчивое благосостояние, содержат общие принципы, например:

- ответственное отношение к рискам, неопределенности и необратимым процессам;
- интеграция экологических, социальных и экономических задач;
- оценка состояния и защита окружающей среды;
- сохранение биоразнообразия и экологической целостности;
- равные возможности для разных поколений;
- равные возможности участия в жизни сообщества;
- признание глобального измерения;
- использование передового опыта;
- снижение общих потерь человеческого и природного капитала;
- принцип постоянного совершенствования;
- необходимость эффективного управления [7].

Существуют три основных типа устойчивости: институциональная, экономическая и финансовая и экологическая. Основной вопрос институциональной устойчивости может быть сформулирован следующим образом: может ли укрепленная институциональная структура донести результаты технического сотрудничества до конечного потребителя? При этом сами результаты могут быть неустойчивыми. Например, отдел планирования, усиленный в ходе технического сотрудничества, теряет доступ к высшему руководству и испытывает нехватку ресурсов по окончании сотрудничества. Институциональная устойчивость также связана с понятием социальной устойчивости. Главный вопрос экономической и финансовой устойчивости заключается в том, будут ли результаты технического сотрудничества приносить экономическую выгоду по окончании сотрудничества. Экономическая (но не финансовая) устойчивость может оказаться под угрозой, если конечные потребители продолжают испытывать зависимость от крупных субсидий.

В январе 2005 г. ООН провозгласила Десятилетие образования в интересах устойчивого развития. Частные лица и организации имеют возможность принять участие в совместном использовании ресурсов для обеспечения будущей устойчивости. Техническая помощь должна осуществляться в целях достижения устойчивых результатов. Среди основных факторов устойчивого развития можно выделить следующие: правительственная политика, управление и организация, финансовые и экономические факторы. Только сильное государство может поддерживать устойчивость рынка, следить за соблюдением прав граждан и регулировать неравномерное распределение экономической власти в условиях переходной экономики [3, р. 22]. С другой стороны, сильное государство способно поддержать и воплотить в реальность междисциплинарный подход к устойчивому развитию.

Заключение

Многие макроэкономические теории рассматривают воздействие государственного регулирования на благосостояние страны, и все они сходятся в оценке этого воздействия на объем производства и оплату труда.

Физический капитал, человеческий капитал и рабочая сила, технологии и инновации являются важнейшими элементами роста экономики. Для усиления влияния данных факторов необходимо уделять особое внимание образованию и инвестициям. Последние необходимы для роста капитала; в целях привлечения инвестиций предприятиям необходимо экономить средства вместо того, чтобы расходовать их на потребление и производство. Такая стратегия подразумевает определенный компромисс — скромное настоящее ради лучшего будущего.

Образование имеет огромное значение для развития человеческого капитала, приводит к повышению производительности и, соответственно, увеличению доли производимой продукции на человека. Также образование играет важную роль в развитии технологий и инноваций, что ведет к расширению границ производственных возможностей. Все это сказывается на объемах производства, отражаемых ВВП. Определив возможные значения ВВП, правительство может приступить к активным действиям, внедряя фискальные и упреждающие меры в целях стимулирования или сдерживания экономики для достижения максимальной устойчивости роста. Тем не менее внедряемые меры оказывают лишь краткосрочное воздействие и не играют решающей роли в вопросах экономического роста, при этом они могут как положительно, так и отрицательно влиять на его устойчивость. Главный инструмент воздействия правительства на экономический рост — это создание стимулов для граждан при помощи определенных институтов. При наличии необходимых институтов правительство может извлечь выгоду из стремления граждан реализовать собственные интересы, используя это обстоятельство на благо общества и развития. Так как в переходных экономиках институты, как правило, не являются устоявшимися структурами, для многих из них оказывается затруднительным поддерживать показатели экономического роста на уровне развитых стран. Слабые институты становятся непосредственной причиной коррупции как основного препятствия экономическому росту, потому что в такой ситуации в выигрыше остается лишь малая часть населения.

Вне зависимости от различий в теоретических выкладках авторы сходятся в оценке воздействия коррупционной деятельности. В целом коррупция влияет на экономическую ситуацию. Любой случай взяточничества на уровне национальной экономики и любые правительственные меры, направленные на манипулирование спросом и предложением, непосредственно отражаются на благосостоянии граждан данной страны. Коррупция препятствует благосостоянию и благополучию людей и тем самым негативно воздействует на благосостояние и конкурентоспособность страны в целом.

Коррупция ухудшает экономическую ситуацию в стране, снижая эффективность государственных инвестиций, производительность инфраструктуры, а также уменьшает доходы от налогов и приводит к тому, что правительство не может обеспечить должный уровень расходов на государственные цели.

Список литературы

1. *Acemoglu D.J.* The Colonial Origins of Comparative Development // The American Economic Review. 2001. №. 91 (5). P. 1369—1401.
2. *Anderberg D.* Insiders, Outsiders, and the Underground Economy // ESifo (Center for Economic Studies and Ifo Institute for Economic Research). Working Paper Series. 2003. № 1048.
3. *Bruszt L.* Constituting Markets: The Case of Russia and Check Republic// Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe / M. Dobry (ed.). Kluwer Academic Publishers, 2000.
4. *Drazen A.* Political Economy in Macroeconomics. Princeton, 2000.
5. *Economic expert.* URL: <http://www.economicexpert.com/> (дата обращения: 05.09.2011).
6. *Gagliardi F.* Institutions and economic change: A critical survey of the new institutional approaches and empirical evidence // The Journal of Socio-Economics. 2008. № 37(1). P. 416—430.
7. *The Natural Advantage of Nations: Business Opportunities, Innovation and Governance in the 21st Century* / K. Hargroves, M. Smith (ed.). 2005.
8. *Lackol M.* Tax Rates with Corruption: Labour-market Effects // Discussion papers MT-DP. 2006. №4. P. 1—40.
9. *Lambsdorff J. G., Nell M.* Corruption: Where we stand and where to go: The Corruption Monster // *Ehik, Politik und Korruptio* / M. Kreutner (ed.). Vienna, 2006, P. 57—70.
10. *Mauro P.* The persistence of corruption and slow economic growth // IMF Working Paper. 2006. №2 (213).
11. *Parkin M.* Economics 8th Edition. Boston, 2008.
12. *Persson T., Tabellini G.* Political Economy: Explaining Economic Policy. Cambridge, MA, 2000.
13. *Rajan R. G., Zingales L.* The Road to Prosperity: Saving Capitalism from Capitalists // Transition. 2003. №14. P. 1—3.
14. *Rosser J., Barkley Jr., Rosser M. V.* A critique of the new comparative economics // Review of Austrian Economics, 2007.

Об авторе

Пылаева Таня, доктор экономических наук, доцент экономического факультета, Таллинский технический университет, Эстония.
E-mail: tanja@staff.ttu.ee

T. Polajeva

DOES CORRUPTION INFLUENCE THE SUSTAINABILITY OF ECONOMIC GROWTH?

Sustainable development is a term that is widely used by politicians nowadays. The definition of the concept of sustainable development is constantly revised. Sustainable development is about promoting an integrated approach. It includes economic, social and environmental objectives. Economic objectives include growth, efficiency and stability.

The main purpose of the article is to analyze the influences of corruption on sustainable economic growth. The impact is decreasing continuously and the main reason behind this is the change in peoples' attitude and saturation to ethically questionable actions. Individuals and organizations can join in sharing resources for creating a sustainable future. There are several factors that influence sustainable development. Among them are: government policies; management and organization; financial and economic factors.

The main question for institutional sustainability may be formulated as the following: can the strengthened institutional structure continue to deliver the results of technical cooperation to the ultimate end-users? Individuals and organizations can join in sharing resources for creating a sustainable future. Anticorruption strategies are related to the reform of state institutions. One advantage of the fundamental economic reform approach is that by linking anticorruption strategies to the reform of economic policies and institutions, the struggle against corruption can be seen as one of the issues in economic policy. Finally, all development assistance should be implemented with the aim of achieving sustainable benefits.

Key words: corruption, sustainable economic growth, governance.

Reference

1. Acemoglu, D. J., 2001. The American Economic Review. Vol. 91 (5), pp.1369—1401.
2. Anderberg, D., 2003. Insiders, Outsiders, and the Underground Economy. ESifo (Center for Economic Studies and Ifo Institute for Economic Research) Working Paper Series No. 1048. University of London.
3. Bruszt, L., 2000. Constituting Markets: The Case of Russia and Check Republic, In: Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. M. Dobry(eds). Kluwer Academic Publishers.
4. Drazen, A., 2000. Political Economy in Macroeconomics. Princeton: Princeton University Press
5. Economic expert. Available at: <http://www.economicexpert.com/> [Accessed 05 September 2011]
6. Gagliardi, F., 2008. The Journal of Socio-Economics, Vol. 37(1), pp. 416—430.
7. Hargroves, K. and M. Smith (ed), 2005. *The Natural Advantage of Nations: Business Opportunities, Innovation and Governance in the 21st Century*
8. Lackol M. Tax Rates with Corruption: Labour-market Effects. Discussion papers MT-DP — 2006/4, 1—40 Institute of Economics. Hungarian Academy of Sciences Budapesht.
9. Lambsdorff, J. Graf and M. Nell, 2006. Corruption: Where we stand and where to go: The Corruption Monster. In: Ehik, Politik und Korruptio, M. Kreutner eds. Vienna, pp. 57—70
10. Mauro, P., 2002. The persistence of corruption and slow economic growth IMF Working Paper No./02/213. Washington: International Monetary Fund.
11. Parkin, M., 2008. Economics 8th Edition. Boston: Pearson Addition-Wesley
12. Persson, T., Tabellini G., 2000. Political Economy: Explaining Economic Policy. Cambridbe, MA: MIT Press.
13. Rajan, R. G.; Zingales, L., 2003. The Road to Prosperity: Saving Capitalism from Capitalists. Transition. 14. 7—9. pp. 1—3.
14. Rosser, J.; Barkley, Jr., Rosser M. V., 2007. A critique of the new comparative economics, Review of Austrian Economics, in press.

About auhtor

Dr Tanya Polajeva, Associate Professor, Faculty of Economics, Tallinn University of Technology, Estland.
E-mail: tanja@staff.ttu.ee

**А. В. Вовенда
В. А. Плотников**

**ЕВРОРЕГИОНЫ
КАК ФАКТОР
УСПЕШНОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

Рассматриваются современные кризисные явления, имеющие место в еврозоне и в ряде стран СНГ, а также в действующих еврорегионах. Основная цель — анализ взаимозависимости качественного аспекта трансграничных связей европейских государств с их экономической устойчивостью в контексте региональных международных интеграционных процессов. Теоретическая значимость работы заключается в выявленном соответствии эффективности действующих по периметру границ государств еврорегионов дополнительным ресурсам, которые могут быть реализованы в рамках национальной экономической политики стран в условиях рецессии в мировой экономике. Практическая значимость состоит в определении концептуальных контуров формирования успешных трансграничных образований в современной Европе. В исследовании авторами используется историко-описательный подход и фактологическое рассмотрение трансграничного и макрорегионального уровня взаимодействия европейских стран.

К основным результатам относятся следующие положения. Кризис в ряде стран ЕС связан с комплексом причин, разрушающих платформу многостороннего сотрудничества в Европе. В меньшей степени кризис затронул государства, которые активно вовлекаются в проекты трансграничного сотрудничества. Формирование еврорегионов тесно связано с высоким промышленным развитием входящих в них областей. Постсоветское пространство испытывает необходимость в перераспределении излишне централизованных властных полномочий. Обилие количества действующих еврорегионов по периметру отдельных государств может служить индикатором устойчивости экономики страны к возможным потрясениям.

Сформулированные в статье положения способствуют углублению научного осмысления процессов, идущих в области политической регионалистики, и детализируют современные представления о международной системе до уровня трансграничных связей и институтов, образуя комплекс взаимосвязанных элементов макрорегионального и национального строительства. Практическое приращение результатов работы видится в создании концептуально-правового поля построения трансграничных политических образований на постсоветском пространстве, в первую очередь в рамках Евразийского экономического сообщества, где уже формируется данное направление и появилось новое понятие «евразия-регион».

Ключевые слова: еврорегион, Euregio, кризис в еврозоне, ЕС, постсоветское пространство.

Кризисные явления экономического характера в ряде стран Европы и постсоветского пространства в последние годы подталкивают экспертное сообщество к поиску причин слабости интеграционных процессов в этих регионах. С 2008 г. финансовые аналитики начинают использовать термин *PIGS* [6] (аббревиатура из англоязычных названий Португалии, Италии, Греции и Испании), который одновременно дает возможность оценить отношение более успешных стран к неэффективной экономической политике своих слабеющих партнеров по европейской интеграции. Начавшиеся тогда, в год десятилетнего юбилея Европейского центрального банка, проблемы в финансовой сфере наносят непоправимый ущерб как еврозоне, так и общей интеграции в этой части мира. На постсоветском пространстве основное внимание в последнее время приковывает к себе ситуация в Беларуси, сумевшей посредством политической воли добиться углубления взаимодействия с Россией и Казахстаном, однако вступившей в полосу внутривнутриполитического и экономического кризиса.

Современный взгляд на становление интеграционных объединений предполагает за их основу принимать экономическое сближение государств-участников. Передовой опыт в области становления различных форм и методов экономической интеграции продемонстрировал именно Европейский союз. Однако, по иронии судьбы, в настоящее время именно экономические проблемы становятся наиболее значимыми препятствиями на пути дальнейшего объединения. Подобные сложности испытывает и постсоветская интеграция, которая вместе с тем имеет меньшее количество ресурсов и институтов, а соответственно, и рисков при осуществлении сближения, по причине произошедшего 20 лет назад дробления большого экономического пространства.

Часть экспертов отмечает в качестве причины сложившейся кризисной ситуации стремление более сильных государств отделиться от проблемных стран-партнеров по интеграционным объединениям [1]. Однако не все может быть объяснено односторонними действиями на государственном уровне, ведь уже функционирует большое число наднациональных институтов, принимающих решения независимо от участников ЕС. На постсоветском пространстве ввиду малого количества наднациональных механизмов не прослеживается такого негативного отношения к реализации собственных национальных интересов отдельными государствами. Очевидно, что страны, оказавшиеся в наиболее тяжелом кризисе, допустили серию ошибок в ходе реализации своей социальной и экономической политики, пренебрегая возможным увеличением бюджетного дефицита. Если на постсоветском пространстве основной удар в результате последовавшего экономического обвала приходится на отдельное государство, то в Евросоюзе такая ситуация, например в Греции и Италии, бьет по всей еврозоне.

В этой статье для выработки нового подхода к оценке стабильности интеграционных объединений предлагается сосредоточить внимание на их определенном срезе. По мнению авторов, этим срезом должен стать региональный уровень, предполагающий приграничное сотрудничество по особым концептуальным моделям, которые были заложены на этом кон-

тиненте и реализуются в настоящее время. Речь идет о концепции еврорегионов. Данный подход предполагает своего рода анализ снизу, то есть изучение фактической интегрированности соседних стран друг с другом.

Как правило, в современном мире инструменты и механизмы управления региональными политическими процессами относятся к макроуровню и охватывают пространство международных организаций или государств. В то же время в последние десятилетия явно обозначилась тенденция к децентрализации сферы координации и управления рассматриваемыми процессами. Основным способом осуществления этой децентрализации стало использование такой формы регионального сотрудничества, как еврорегион.

Еврорегионы — приграничные сообщества международного трансграничного сотрудничества европейских стран в области экономики, культуры, образования, транспорта, экологии и др., создаваемые на основе принципа субсидиарности. Их функционирование осуществляется на основе перераспределения власти между центральным правительством и приграничными сообществами, наделенными полномочиями самостоятельно регулировать свою деятельность и заключать межрегиональные трансграничные соглашения в соответствии с государственным законодательством.

Безусловно, правовые аспекты стали основной сложностью при реализации концепции еврорегионов, ведь в сотрудничестве такого типа участвуют территориальные единицы независимых стран с различными и формами государственного устройства и правовыми системами. Поэтому отдельные еврорегионы значительно различаются в зависимости от их правового статуса, месторасположения и особенностей в них участвующих стран. Ассоциация европейских приграничных регионов выделяет четыре основных вида таких объединений [2]:

- ассоциация местных органов власти по обе стороны от национальной границы, иногда с парламентской ассамблеей;
- зарубежная ассоциация с постоянным секретариатом и технической и административной командой с собственными ресурсами;
- основанная на принципах частного права ассоциация (некоммерческая организация или фонд) по обе стороны от границы в соответствии с соответствующим государственным правом;
- основанная на принципах публичного права ассоциация на базе межгосударственных соглашений с участием региональных органов власти.

Основные сферы деятельности еврорегионов — местные торгово-экономические связи и занятость, транспорт и связь, культура и образование, туризм, здравоохранение и социальная сфера, инфраструктура и защита окружающей среды. Еврорегионы также занимаются вопросами обустройства совместной границы и прилегающей территории, взаимодействия в чрезвычайных ситуациях. Иногда стороны решают задачи местного характера: водообеспечение, миграция приграничного населения, пространственное планирование и др.

Вначале еврорегионы создавались в так называемой Рейнской группе стран, которая по праву считается колыбелью западноевропейской цивили-

лизации. В середине прошлого столетия эти страны выступили в качестве учредителей Европейского экономического сообщества, впоследствии, как известно, трансформировавшегося в Европейский союз. Рейнская группа составляет геополитический регион, простирающийся от Италии на юге до Нидерландов на севере. Отличительная историческая особенность развития этого региона — наличие в нем значительного числа городских поселений, которые на протяжении тысячелетия, начиная со Средних веков, имели особый политический статус, для которого характерны значительная автономия, традиции местного самоуправления и демократические основы организации жизни местных общин. Бесспорно, исторические традиции местного самоуправления в западноевропейских городах способствовали быстрому становлению такой эффективной формы организации регионального сотрудничества, как еврорегион.

Первым объединением подобного типа стал *Euregio* — область между ФРГ и Нидерландами, образованная в 1958 г. Ее название позже стало нарицательным для объединений такого типа по всей Европе. Это была первая ассоциация, созданная благодаря схожести правовых механизмов двух стран и ставшая образцом для подражания. Для Германии и Голландии данный шаг стимулировал развитие приграничного сотрудничества посредством включения в процесс европейской интеграции Мюнстера, Оснабрюка, Энсхеде и Хенгело, а административным центром первого еврорегиона стал город Гронау в земле Северный Рейн-Вестфалия [3, с. 86]. Для Европы же продемонстрированная новая форма сотрудничества легла в основу оригинального типа интеграции «снизу», который значительно расширял возможности регионального развития и межгосударственного сближения.

Старт такой формы сближения был дан в канун ослабления интенсивности европейской интеграции, осуществляемой на базе Европейских сообществ. Поэтому, несмотря на рост товарооборота между двумя странами и промышленное развитие трансграничного региона, не происходило политико-правового развития *Euregio*. Началось дробление его институциональных основ, местные органы власти старались компенсировать отсутствие возможностей по юридическому закреплению особой формы координации управления путем заключения двусторонних перекрестных соглашений. В результате в 1966 г. удалось создать рабочую группу, состоящую из представителей муниципалитетов, входящих в формировавшийся трансграничный регион. Она стала первым координационным механизмом, задача которого — переход к непрерывному управлению сотрудничеством. Однако реального прогресса в сближении удалось достичь лишь в 1978 г., с созданием первой парламентской ассамблеи регионального уровня в Европе. Позже 1985 г. произошел второй решительный шаг по слиянию всех разрозненных исполнительных органов трансграничного объединения в единый секретариат, находившийся в Гронау и включавший в свой состав представителей обеих стран. А в 1987 г. была предложена региональная программа действий, которая предполагала финансирование проектов *Euregio* Европейской комиссией, Министерствами финансов ФРГ и Нидерландов, а также из средств входящих в него земель.

Первый еврорегион стал привлекательной формой организации регионального сотрудничества, которая оказалась достаточно востребованной в других европейских государствах. Периодом активного формирования такого типа объединений в Западной Европе стали 1970-е гг., причем создавались они не обязательно странами, входящими в Европейские сообщества. Австрия, Германия и Швейцария организуют еврорегион «Озеро Констанция» в 1972 г. В это же время Норвегия, Швеция и Финляндия формируют «Кваркен-МиттСкандию». Трансграничное сотрудничество Бельгии, Нидерландов и Германии в рамках еврорегиона «Маас-Рейн» началось в 1976 г. За это десятилетие количество еврорегионов возросло до десяти, но охватывали они в основном территории Северной Европы, имевшие высокий уровень промышленного развития и сильные традиции местного самоуправления.

Новый период активности в формировании еврорегионов был в 1990-е гг. Теперь их количество увеличилось до 72, а за первое десятилетие 2000-х гг. оно приблизилось к 120. С расширением Евросоюза еврорегионы стали возникать в странах Центральной и Восточной Европы, которые дополнили ряды этой международной организации в начале текущего века [4]. Идея формирования еврорегионов была поддержана и за пределами Европейского союза, поэтому начался процесс образования территориальных объединений подобного рода, в которые стали входить как регионы, принадлежащие к государствам — членам ЕС, так и к странам, не являющимся участниками этого интеграционного объединения.

Широкое распространение еврорегионов, усложнение региональных политических процессов потребовали организации управления в этой области и на уровне национальных государств. Создание особого Министерства регионального развития в Чешской Республике стало уникальным случаем как для Западной, так и для Восточной Европы. В Польше создан Комитет по региональной политике при Совете министров; в Словении Национальный совет по региональному развитию; в Эстонии — Совет по региональной политике и т. д.

Исторически основной целью создания еврорегионов было объединение усилий приграничных районов западноевропейских стран для преодоления их относительной отсталости в социально-экономической сфере, определенной изолированности по отношению к центру. По мере развития процессов европейской интеграции такая форма стала рассматриваться как необходимый дополнительный инструмент строительства Европейского союза, хотя и не получивший официального закрепления в основных документах этой организации. В настоящее время еврорегионам отводится важная роль в создании благоприятных условий для развития Евросоюза на его внешних границах, особенно для сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы. Деятельность территориальных сообществ по типу еврорегионов признается наиболее эффективным из существующих сегодня механизмов приграничного взаимодействия, а характерной их чертой стало наличие постоянно действующих общих рабочих органов.

Говоря о предпосылках создания еврорегионов в последние два десятилетия, стоит отметить, что они не являются однозначно объективными. Если в первых трансграничных регионах у стран Рейнской группы были достаточные возможности в экономическом плане для осуществления сближения на региональном уровне, то при формировании новых еврорегионов (например, еврорегион «Беласика» с греческим, болгарским и македонским участием) явных оснований в виде развитой инфраструктуры и избыточного производственного потенциала не наблюдается.

Таким образом, в большинстве случаев созданные в 1990—2000-е гг. еврорегионы выступают прежде всего как политические объединения, нацеленные на развитие определенных приграничных областей. Однако их эффективное экономическое развитие требует дополнительных финансовых вливаний. Что касается Евросоюза, то средств, направляемых из Европейской комиссии и структурных фондов, явно недостаточно даже для поддержки экономик значительно возросшего количества государств — участников объединения (а большинство вновь вступивших членов нельзя назвать стабильными в этом плане). Естественно, на трансграничные проекты не хватает средств. А ожидаемые результаты от участия в интеграции в рамках ЕС у Греции, Испании, Италии и Португалии во многом связаны с выравниванием диспропорций в собственных регионах, в чем развитие трансграничного сотрудничества могло бы ощутимо помочь.

Следствием отсутствия ресурсов на развитие этого направления для обозначенных государств стало угасание в них интереса к созданию новых еврорегионов. Не способствовали развитию такой формы и приграничные ситуации: во-первых, сравнительно небольшая протяженность сухопутных границ; во-вторых, расположение промышленно развитых районов соседних государств далеко от общих границ.

Вышеназванная концепция еврорегионов получила разное развитие в странах Европы в условиях меняющейся геополитической и геоэкономической ситуации в 1990-е гг. Так, Чехия, Польша и Словакия очень активно начали осваивать эту форму трансграничного сотрудничества, почувствовав, что препятствий для налаживания взаимодействий с западноевропейскими странами больше не существует. Отметим, что с участием Чехии сейчас действует 14 еврорегионов, с участием Польши — 16; в то же время Греция стала участницей только 2 объединений такого рода, Италия — 5. Это, конечно, не объясняет общую устойчивость экономик государств, но дает возможность сделать выводы относительно инвестирования на региональном уровне. Партнерами в большинстве еврорегионов с участием Польши и Чехии выступают земли ФРГ, имеющие финансовые возможности для осуществления самостоятельного сотрудничества с соседними областями. В то же время итальянские регионы в большинстве случаев, а греческие — почти всегда оказываются экономически более сильными, так как пытаются сформировать трансграничные регионы с соседними странами, а значит, и вливаний ждут именно от них. Прямым следствием высокой активности в приграничном сотрудничестве бывших социалистических стран Центральной Европы стала их более глубокая ин-

тегрированность со странами Западной Европы и, как следствие, повышенная устойчивость к происходящим рецессиям в мировой и региональной экономиках.

Стоит отметить, что эта концепция использовалась и на постсоветском пространстве, например при разработке проекта «Основы законодательства Евразийского экономического сотрудничества», разработанного в рамках Евразийского экономического сообщества. В нем вводится понятие «евразия-регион» — «регион приграничной интеграции и сотрудничества — приграничные территории государства — члена ЕврАзЭС и соответствующие территории сопредельных государств, участвующие в соглашении о приграничном сотрудничестве, на основании которого создаются совместные органы по приграничному сотрудничеству, определяется их компетенция и местонахождение» [5, прил. 3]. Можно констатировать, что понятие «евразия-регион» было введено в результате непосредственно влияния концептуальных основ и практики реализации еврорегионов.

Вместе с тем формирование такого типа объединений с участием государств СНГ несет в себе несколько формальный подход по причине традиционной централизации власти в наших странах. Отсутствие самостоятельности региональных и местных властей при осуществлении приграничного сотрудничества ослабляет ожидаемый эффект от создания подобного рода объединений. Таким образом, несмотря на очевидную близость в этнокультурном плане, сохранившуюся инфраструктуру и общность целей, связанных с равномерным развитием внутренних регионов в наших государствах, такая форма интеграции пока не дает ощутимых результатов. «Неман», «Балтика», «Карелия», «Днепр» — еврорегионы, которые смогут действительно эффективно действовать только в условиях децентрализации власти в основных странах-участниках. Однако возможные перспективы их развития, обусловленные сохранившимся ресурсным обеспечением и промышленным потенциалом входящих в них областей, вызывают гораздо больше оптимизма, чем греческие и итальянские проекты такого рода.

Увязывая белорусский кризис со специфичной формой централизации власти, можно отметить, что она же привела к осложнениям в области приграничного сотрудничества и развития еврорегионов с участием этой страны. А ухудшение отношений с соседями из ЕС и СНГ значительно ослабило приток в Беларусь иностранных инвестиций и ресурсов.

В заключение статьи можно сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, современный кризис в ряде стран ЕС связан с комплексом причин, которые разрушают платформу многостороннего сотрудничества в Европе.

Во-вторых, из стран, не входящих в число лидеров экономического развития в Европе, в меньшей степени кризис затронул государства, активно вовлеченные в проекты трансграничного сотрудничества.

В-третьих, формирование еврорегионов возможно только на достаточных экономических основаниях при высоком промышленном развитии входящих в них областей.

В-четвертых, постсоветское пространство, в отличие от остальной Европы, нуждается в корректировке региональной политики с перераспределением излишне централизованных властных полномочий. В то же время сама концепция еврорегионов здесь уже сейчас признается эффективной формой трансграничной интеграции.

В-пятых, большое количество действующих еврорегионов по периметру отдельных государств может служить если не причиной, то явным индикатором устойчивости экономики страны к возможным потрясениям.

Список литературы

1. *Межевич Н.* Встреча Саркози и Меркель — попытка отделиться от слабых стран Еврозоны // РИА «Новости». Стратегия 2020. 17/08/2011. URL: <http://strategy2020.rian.ru/news/20110817/366127391.html> (дата обращения: 01.09.2011).
2. *Ассоциация* европейских приграничных регионов: [официальный сайт]. URL: <http://www.aebr.eu/en/index.php> (дата обращения: 01.09.2011).
3. *Балтийский* регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза / под ред. В.П. Гутника, А.П. Клемешева. Калининград, 2006.
4. *Косов Ю. В.* Особенности геополитических процессов в Центральной Европе // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 91—97.
5. *Приграничное* сотрудничество: теория и практика. Политические, правовые, экономические проблемы международного сотрудничества на постсоветском пространстве / П. Б. Зверев [и др.]. СПб., 2009.
6. *Smith D.* Reform failures may still kill off the euro // The Sunday Times. 2008. 25 May.

Об авторах

Вовенда Алексей Викторович, преподаватель кафедры международных отношений, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: vovenda-1c@mail.ru

Плотников Владислав Александрович, кандидат политологических наук, заместитель декана факультета международных отношений, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: pikestaff@yandex.ru

A. V. Vovenda, V. A. Plotnikov

EUROREGIONS AS A FACTOR OF SUCCESSFUL INTERNATIONAL INTEGRATION IN MODERN CONDITIONS

This article focuses on the correlation between the contemporary crisis phenomena in the Eurozone and some CIS countries with the existing Euroregions. We attempt to analyze the interdependence of the qualitative aspect of cross-border relations of European countries

with their economic sustainability in the context of regional international integration. The theoretical significance of this work lies in the revealed correlation between the efficiency of cross-border Euroregions and the additional resources that can be retrieved in the framework of national economic policy during global recession. The practical component consists in clarifying the conceptual framework for the formation of successful cross-border education in today's Europe. The authors employed the historical-descriptive approach and factual consideration of the cross-border and macro-regional level of interaction between European countries.

The main results are as follows. The crisis in several EU countries is associated with a complex of causes that deplete the platform for multilateral cooperation in Europe. To a lesser extent, the crisis has affected the states that are actively involved in cross-border cooperation projects. The formation of European regions is closely related to the industrial development of their regions. The Post-Soviet space requires a redistribution of overcentralized power. The abundance of Euro-regions along the perimeter of certain states may be an indicator of economy's resilience to potential shocks.

The provisions set forth in the article contribute to the improvement of scientific understanding of political regionalistics and takes the current understanding of international system to the level of cross-border relations and institutions creating a system of interrelated elements of macro-regional and national building. The results can be applied in the development of a conceptual and legal framework for the construction of cross-border political formations in the Post-Soviet space, especially, within the Eurasian Economic Community, which coined the concept of «eurasiaregion».

Key words: Euroregion, Euregio, Eurozone crisis, EU, post-Soviet space.

Reference

1. Mezhevich, N. Vstrecha Sarkozi i Merkel' — popytka otdelit'sja ot slabых stran Evrozony [online]. RIA «Novosti». Strategija 2020. 17/08/2011. <http://strategy2020.rian.ru/news/20110817/366127391.html> [Accessed 01 September 2011].
2. Asociacija evropejskih prigranichnyh regionov [online]. Asociacija evropejskih prigranichnyh regionov. Available at: <http://www.aebr.eu/en/index.php> [Accessed 01 September 2011]
3. Gutnika, V. P., Klemeshev, A. P., eds. 2006. Baltijskij region kak poljus jekonomicheskoy integracii Severo-Zapada Rossijskoj Federacii i Evropejskogo sojuza. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta.
4. Kosov, Ju. V. 2009. Upravlenceskoe konsul'tirovanie. 2009. №3. pp. 91—97.
5. Zverev, P. B., 2009. Prigranichnoe sotrudnichestvo: teorija i praktika. Politicheskie, pravovye, jekonomicheskie problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva na postsovet'skom prostranstve. SPb.: Izd-vo SZAGS.
6. Smith D. 2008. The Sunday Times. May 25.

About authors

Alexei V. Vovenda, Lecturer, Department of International Relations, Northwestern Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

E-mail: vovenda-1c@mail.ru

Dr Vladislav A. Plotnikov, deputy dean of the Faculty of International Relations, Northwestern Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

E-mail: pikestaff@yandex.ru

А. Ф. Линецкий

**ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ
ВО ВСЕМИРНУЮ
ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ
КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ЕЕ ИНТЕГРАЦИИ
В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ**

Присоединение России ко Всемирной торговой организации (ВТО) является эффективным инструментом ее дальнейшей интеграции в мировую глобализованную экономику. Однако вступление России в данную международную организацию может негативно сказаться на деятельности ряда предприятий и отраслей российской экономики. В связи с этим необходима разработка методики оценки их готовности к деятельности в условиях ВТО, которая реально может быть применена на практике для определения мер по повышению конкурентоспособности экономических субъектов. Это предопределило цель научного исследования. В работе обоснована авторская оценка целесообразности присоединения России к ВТО, предложены методологические подходы к оценке готовности субъектов РФ к функционированию в новых экономических условиях, базирующиеся на алгоритме выбора соответствующей системы показателей и организации по ней мониторинга предприятий, что позволяет вырабатывать эффективные управленческие решения для минимизации негативных последствий присоединения России к ВТО. Результатом исследования стало обоснование того, что хотя задача определения стартовых позиций субъектов Российской Федерации перед грядущим вступлением в ВТО и возможных последствий от такого шага достаточно сложна и трудоемка, но решить ее теоретически и практически возможно.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, интеграция, мировая экономика, внешнеэкономическая деятельность, экспорт, импорт, иностранные инвестиции, субъект Российской Федерации.

Всемирная торговая организация, являясь важнейшим институтом, обеспечивающим организационно-правовую основу развития международной торговли, обуславливает углубление международной экономической интеграции. Для стран, не входящих в ВТО, присоединение к ней становится эффективным инструментом их дальнейшей интеграции в мировую экономику.

В настоящее время в эту международную организацию входит большая часть стран мира (153 государства), в рамках ВТО осуществ-

ляется 96 % объема международной торговли. За всю историю существования ВТО/ГАТТ ни одна из стран-членов, включая развивающиеся и наименее развитые, не вышла из ее состава, а не участвующие в деятельности организации страны стремятся в нее вступить [6]. Все это уже само по себе говорит о том, что членство в ВТО в целом не препятствует реализации национальных интересов, а наоборот, способствует их достижению.

Российская Федерация, вступая в ВТО, получает дополнительную возможность усилить свою интегрированность в мирохозяйственные связи. Без присоединения к ВТО Россия не сможет успешно продолжать экономические реформы, на равных участвовать в международной торговле и получать связанные с этим участием выгоды.

Внешняя торговля России в постсоветский период демонстрирует достаточно стабильный рост, что свидетельствует об углублении интеграции ее экономики в мирохозяйственные связи. Исключением является лишь кризисный 2009 г. (табл. 1).

Таблица 1

Внешняя торговля России в 1995—2010 гг. [5], млрд дол. США

Показатель	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Внешнеторговый оборот, всего	145,0	149,9	155,6	168,3	212,0	280,6	369,2	468,6	578,2	763,5	495,2	625,4
Экспорт	78,2	103,1	101,9	107,3	133,7	181,6	241,5	301,2	351,9	467,6	301,7	396,4
Импорт	66,8	46,8	53,7	61,0	78,3	99,0	127,7	167,4	226,3	295,9	193,5	229,0
Сальдо торгового баланса	11,4	56,3	48,2	46,3	55,4	82,6	113,8	133,8	125,6	171,7	108,2	167,4

При этом в 2008 г. внешнеторговый оборот России, несмотря на начавшийся в конце года мировой финансовый кризис, продолжал расти и составил 763,5 млрд дол. США (рост по сравнению с 2007 г. на 32,0 %). Это обусловлено определенной инерционностью внешнеторговой деятельности. Оплата по реализуемым экспортно-импортным контрактам в период, когда начали проявляться кризисные процессы, могла быть произведена ранее, экспортная и импортная продукция соответственно у нас и за рубежом также могла быть произведена в докризисный период и т. д. Однако в 2009 г. негативные последствия кризиса отразились и на внешнеторговой деятельности, объемы которой сократились в сравнении с 2008 г. на 35,1 %. В 2010 г. рост объемов внешней торговли России возобновился.

В отличие от тенденций во внешней торговле, объем иностранных инвестиций в российскую экономику стал сокращаться в связи с кризисом уже в 2008 г. и продолжил снижаться в 2009-м. Однако в 2010 г. негативные тенденции были преодолены (рис. 1).

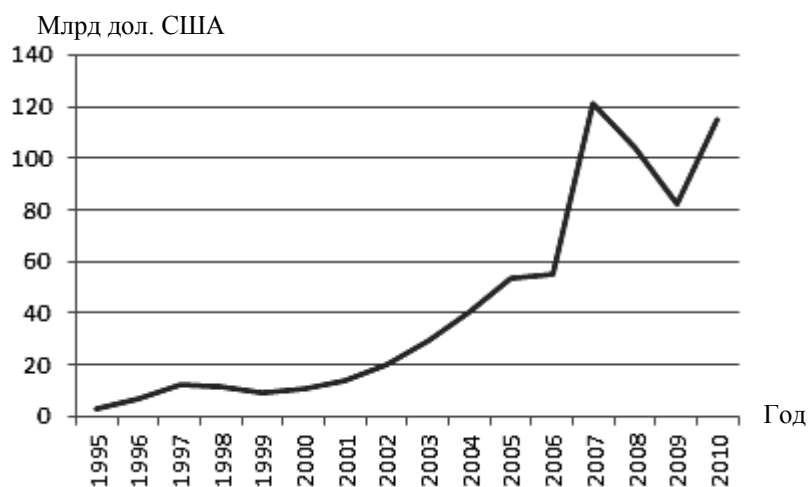

Рис. 1. Динамика иностранных инвестиций в экономику России в 1995 — 2010 гг. [4], млрд дол. США

На конец 2010 г. общий объем накопленных иностранных инвестиций в российской экономике составлял 300,1 млрд дол. США, что на 12% превысило уровень 2009 г. По данному показателю Россия находится на 17-м месте в мире. Из всего объема накопленных иностранных инвестиций в российской экономике на прочие инвестиции, осуществляемые на возвратной основе, приходилось 58,3%; прямые инвестиции — 38,7%; портфельные — 3,0%.

Проанонсированное руководством страны вступление России в ВТО в 2011 г. обуславливает необходимость оценки последствий присоединения и выработки краткосрочных и долгосрочных подготовительных мер. Вместе с тем, как показывает практика, расчет политических, экономических и иных последствий присоединения России к ВТО объективно сложен. Это подтверждается и тем, что ни одна развитая страна в мире не имеет точного и полного экономического анализа всех потерь и выгод своего участия в ВТО. Имеющиеся формулы расчета ориентируются на теории сравнительных конкурентных преимуществ. Аргументы «за» и «против» присоединения России к ВТО приведены в таблице 2.

Таблица 2

Аргументы «за» и «против» присоединения России к ВТО [6]

Плюсы	Минусы
Россия сможет принимать участие в выработке новых правил международной торговли с учетом своих национальных текущих и стратегических интересов	Россия будет лишена (ограничена) возможности принятия самостоятельных экономических решений, что может нанести непоправимый ущерб целым отраслям промышленности; не сможет автономно повышать импортные таможенные тарифы выше уровня, согласованного с членами ВТО

Продолжение табл. 2

Плюсы	Минусы
Россия получит лучшие условия доступа российской продукции на иностранные рынки	России предстоит «связать» импортные таможенные пошлины на промышленные и сельскохозяйственные товары, то есть установить их максимальные пределы по каждой отдельной позиции с постепенным их снижением в течение 5—7 лет до определенной величины. Необходимо будет принять обязательства по уровню государственных субсидий сельскому хозяйству (на федеральном и региональном уровнях), в том числе в таких формах, как налоговые льготы, льготное кредитование, специальные транспортные тарифы, поставка сырья и материалов по сниженным ценам, а также по размеру экспортных субсидий
Вступление в ВТО создаст более благоприятный климат для инвестиций в Россию и расширит возможности для российских инвесторов	Банковская и страховая сфера деятельности России не выдержит конкуренции с ведущими иностранными компаниями. Россия не сможет включать в инвестиционные и иные соглашения обязательства инвестора приобретать товары на внутреннем рынке, применять максимальные или минимальные обязательные цены, предоставлять привилегии государственным предприятиям или монополиям, вовлеченным в торговлю, ограничивать текущие платежи по внешнеторговым сделкам
Будут созданы условия для устранения дискриминации российских товаров и услуг на внешних рынках. Россия сможет вести переговоры по улучшению условий доступа на рынки, снижению тарифов, снятию ограничений на поставку услуг. Россия получит доступ к системе разрешения споров ВТО и возможности принудительного исполнения решений	Россия не сможет дискриминировать импортные товары на всех стадиях транспортировки и продажи, включая налогообложение и предложение к продаже, рекламу, применение технических барьеров, стандартов и пр.; дискриминировать товары, услуги и их поставщиков из одних стран по сравнению с товарами, услугами и их поставщиками из других стран по любым признакам (за исключением товаров, поставляемых в рамках соглашений о свободной торговле и таможенном союзе); увязывать импорт (товаров, капиталов, услуг) с обязательством экспорта (энергетический сектор); дискриминировать поставщика услуги или услугу по сравнению с отечественным поставщиком или услугой; применять экспортные субсидии в любых формах
ВТО предоставляет возможность получения РФ компенсаций за ущерб, нанесенный в случае дальнейшего расширения Таможенного союза ЕС. Участие России в ВТО будет способствовать укреплению отношений в рамках СНГ	Россия не сможет ограничивать транзит и доступ к транзитным сетям; ухудшать условия доступа на рынок и деятельности на рынке услуг по сравнению с параметрами, установленными соглашениями; применять количественные ограничения, за исключением случаев применения специальных защитных мер; применять меры, ограничивающие торговлю, без их заблаговременного опубликования

Окончание табл. 2

Плюсы	Минусы
Участие России в ВТО подчинит политику регулирования доступа на рынок ясным правилам, существенно сократит возможности лоббирования, так как она будет связана жесткими обязательствами, в том числе обязательством недискриминации. Участие в ВТО предполагает стабильность законодательства, основанного на многосторонних нормах, что существенно повышает привлекательность государства для иностранных инвестиций и расширяет возможности для российских инвесторов. Будет приведено в соответствие с обязательствами России региональное законодательство	России предстоит внести изменения в действующее законодательство с целью приведения его в соответствие с нормами ВТО. В частности, речь идет об изменении некоторых положений российского внешнеторгового, таможенного законодательства, законодательства в области интеллектуальной собственности, стандартов и сертификации, капиталовложений

Таким образом, последствия присоединения России к ВТО противоречивы и далеко не однозначны. Вместе с тем, по мнению автора, соотношение плюсов и минусов с учетом их удельного веса дает достаточные основания для целесообразности и необходимости такого шага.

Россия подала заявление о вступлении в ВТО/ГАТТ в 1993 г. и по продолжительности присоединения в настоящее время стала «лидером» среди всех стран мира. Однако проблема вступления РФ в ВТО кроется не столько в экономической, сколько в политической сфере. Гораздо менее экономически развитые страны Содружества Независимых Государств (СНГ) — Украина, Грузия, Киргизия, Молдова, Армения — в последние годы стали членами ВТО.

В отношениях между странами СНГ внешняя торговля по-прежнему занимает важнейшее место, и это экономически обоснованно. Опыт стран, входящих в Европейский союз, доказывает, что именно увеличение обмена произведенными в них товарами послужило стимулом для развития экономики каждого государства.

Россия, стремящаяся сохранить свое влияние на постсоветском пространстве на долгие годы, заинтересована в том, чтобы не только нынешнее, но и будущие поколения политических лидеров, бизнес-элиты, интеллигенции, рядовых граждан стран-соседей и в буквальном, и в переносном смысле разговаривали с нами на одном языке. В то же время реальность постсоветского развития свидетельствует о снижении доли стран СНГ во внешней торговле России. За последние десятилетия она сократилась с 19,4% в 1995 г. до 13,8% в 2009-м и увеличилась в 2010 г. до 14,6% (табл. 3).

Таблица 3

**Страны СНГ во внешней торговле России
в 1995—2010 гг. [5], млрд дол. США**

Показатель	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Внешнеторговый оборот, всего	145,0	149,9	212,0	280,6	369,2	468,6	578,2	763,5	495,2	625,4
Со странами СНГ	96,8	25,4	33,6	47,2	51,6	64,7	82,6	106,3	68,5	91,3
Доля стран СНГ во внешнеторговом обороте России, %	19,4	16,9	15,8	16,8	13,4	13,8	14,3	13,9	13,8	14,6

Страны СНГ еще длительное время будут иметь весомую долю во внешнеэкономических связях России, поскольку некогда были элементами единого народно-хозяйственного комплекса. Геополитические интересы России также предполагают сохранение ее лидерства и партнерства в отношениях со странами СНГ. В пользу развития сотрудничества с ними говорит и то, что их цены, издержки, формы организации производства и прочие факторы весьма близки к российским. Более того, рынки стран СНГ имеют значительные возможности для их дополнительной производственной загрузки, кооперации, научно-технического и инвестиционного сотрудничества.

Россия исторически призвана стать реальным объединительным центром того пространства, на котором столетиями формировалась ее государственность, отвергая притязания на подобную роль ведущих мировых стран. В этом историческом предназначении РФ и состоит ее шанс возрождения в качестве ведущей державы, занимающей соответствующее ее потенциалу место в глобализирующемся мире. В связи с этим присоединение России к ВТО будет способствовать укреплению отношений в рамках СНГ и упрочит ее позиции в отношениях с ближайшими соседями на постсоветском пространстве.

Вступление в ВТО приведет к определенным изменениям внешней среды. Прежде всего, это усиление конкуренции на внутреннем рынке за счет выполнения требований ВТО, таких как снижение тарифных барьеров, уменьшение количественных ограничений, сокращение протекционистских мер государства и т.д., что приведет к облегчению проникновения на внутренний рынок импортных товаров и услуг и значительному увеличению их потока. Кроме того, российские предприятия в соответствии с будущими изменениями законодательства в области технического регулирования торговли должны будут в обязательном порядке использовать международные технические нормы и процедуры подтверждения соответствия.

Все это обязывает предприятия России, предваряя ее присоединение к ВТО, принять комплекс мер по повышению качества своей продукции и внедрению инноваций, обновлению технологий и повышению квалификации персонала, организации сертификации, изменению организационного поведения и т.д.

Учитывая то, что в процессе интеграции России в мировую глобализированную экономику в постсоветский период возрастает роль субъектов РФ [1], на взгляд автора, определенный научный интерес представляет разработка методологических подходов оценки их готовности к функционированию в рамках присоединения страны к ВТО.

В этой связи автор предлагает методику определения степени готовности субъекта РФ к новым экономическим условиям, основанную на проведении периодических мониторингов оценки деятельности предприятий данного субъекта Федерации к работе в рамках присоединения России к ВТО (рис. 2).

Проведению мониторинга предшествует разработка системы показателей по оценке готовности предприятий к работе в условиях вступления России в ВТО, которые по большей части коррелируются с показателями конкурентоспособности отечественных предприятий и, соответственно, могут быть использованы в этих целях. В настоящее время существует множество моделей и методов оценки конкурентоспособности предприятий. В связи с этим выбор (разработка) на основе данных моделей и методов оптимальной системы показателей по оценке готовности предприятий (групп предприятий) для функционирования в условиях членства России в ВТО является достаточно непростой задачей.

Однако чем более полным и качественным будет состав показателей, по которым осуществляется мониторинг, тем эффективнее окажутся управленческие мероприятия, осуществляемые руководителями предприятия, группы предприятий, отрасли и в целом субъекта Федерации. При этом целесообразно максимальное использование набора показателей, фиксируемых таможенными органами и территориальными органами федеральной службы государственной статистики.

С учетом этого предлагается ряд сгруппированных и упрощенных требований, которым должны соответствовать система показателей и методика оценки готовности какого-либо экономического субъекта к работе в новых экономических условиях присоединения России к ВТО:

- 1) пригодность — система показателей должна в комплексе освещать уровень конкурентоспособности и готовности к работе в условиях вступления в ВТО;
- 2) простота в использовании — методика должна быть простой (не перегруженной) в расчетах и обеспечена необходимой информацией;
- 3) качество — минимально возможное количество показателей при максимальном охвате всех сторон объекта оценки;
- 4) единый подход — методика должна быть по возможности универсальной, т. е. использоваться применительно к предприятиям разных отраслей промышленности, разного масштаба, типа производства и т. п.

Использование данных сгруппированных требований позволяет выбрать наиболее оптимальные методики оценки каждого конкретного предприятия, отрасли; применение этих методик в конечном итоге позволяет объективно определить степень готовности субъекта Федерации к новым экономическим условиям в рамках членства России в ВТО в определенный промежуток времени.

Рис. 2. Схема модели мониторинга готовности предприятий субъекта РФ к работе в условиях ВТО

Таким образом, задача определения стартовых позиций субъектов РФ перед грядущим вступлением России в ВТО и в свете возможных последствий для него от этого присоединения с целью выработки эффективных управленческих решений и подготовительных мер может быть решена с использованием описанного выше мониторинга.

Список литературы

1. *Внешиэкономическая деятельность регионов России: учеб. пособие* / Л. Б. Вардомский, Е. Е. Скатерщикова. М., 2010.
2. Татаркин А. И., Линецкий А. Ф. Особенности и проблемы интеграции экономики Российской Федерации в мировое хозяйство // Журнал экономической теории. 2009. № 2(19). С. 142 — 153.
3. *Социально-экономическое положение России: стат. сб.* М., 2000—2010.
4. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.07.2011).
5. Федеральная таможенная служба РФ. URL: <http://www.customs.ru> (дата обращения: 20.08.2011).
6. World Trade Organization. URL: www.wto.org (дата обращения: 10.08.2011).

Об авторе

Линецкий Александр Федорович, кандидат экономических наук, профессор, НОУ ВПО «Европейско-Азиатский институт управления и предпринимательства», доцент, Уральский государственный экономический университет.
E-mail: lin-af@mail.ru

A. F. Linetsky

RUSSIAN ACCESSION TO THE WTO AS AN IMPORTANT FACTOR OF THE COUNTRY'S INTEGRATION INTO THE WORLD ECONOMY

Russian accession to the WTO is an efficient instrument of the country's integration into the globalised world economy. However, it can adversely affect a number of enterprises and industries within the national economy. Thus, there is a need to develop a methodology for the assessment of the preparedness for operating under the WTO membership conditions, which can be practically applied in the development of measures aimed at increasing the competitiveness of economic entities. It determines the objective of research. This article offers an author's assessment of reasonability of Russian accession to the WTO and suggests methodological approaches to the assessment of preparedness of the constituent entities of the Russian Federation for functioning in the new economic conditions based on the algorithm of choosing a system of indicators, as well as the organisation of enterprise monitoring according to this system, which makes it possible to formulate rational administrative decisions in order to minimise the adverse effects of Russian accession to the WTO. The major result of research is the conclusion that, although the objective of identifying the start position of the constituent entities before the accession to the WTO and its possible implications is quite difficult, it is both theoretically and practically feasible.

Key words: World Trade Organization, integration, Global Economy, External economic activities, export, import, foreign investment, constituent entity of the Russian Federation.

Reference

1. Vardomskij, L. B., Skaterwikova, E. E. 2010. Vneshnejekonomicheskaja dejatel'nost' regionov Rossii. Moscow: KNORUS, pp. 448.
2. Tatarkin, A. I., Lineckij, A. F., 2009. Osobennosti i problemy integracii jekonomiki Rossijskoj Federacii v mirovoe hozjajstvo. Zhurnal jekonomicheskoy teorii № 2(19)/2009. E: Institut jekonomiki UrO RAN, pp. 142 —153.
3. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii: stat. sb. 2010. M.: Rosstat.
4. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Available at: <http://www.gks.ru> [Accessed 10 July 2011].
5. Federal'naja tamozhennaja sluzhba RF. Available at: <http://www.customs.ru> [Accessed 20 August 2011].
6. World Trade Organization. Available at: www.wto.org [Accessed 10 August 2011].

About author

Dr Alexander F. Linetsky, Professor, European-Asian Institute of Management and Entrepreneurship; Associate Professor, Ural State Economic University.
E-mail: lin-af@mail.ru

УДК 338.2(075.8)

**В. В. Изченко
А. Б. Борониллов**

**О КОНЦЕПЦИИ
НОРМАТИВНОЙ ОЦЕНКИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ГЛОНАСС В ПРИМОРСКИХ
РЕГИОНАХ**

В России взят курс на широкое использование спутниковой информации ГЛОНАСС в экономике регионов. В 3 регионах система комплексно внедрена и широко используется, еще в 21 регионе система внедряется, и, по оценкам экспертов, это продлится еще от 3 до 5 лет.

При внедрении и комплексном использовании ГЛОНАСС администрации регионов встречаются ряд трудностей, носящих ярко выраженный организационно-экономический характер. Одна из таких трудностей — расчет экономического эффекта от использования ГЛОНАСС в регионе.

Сегодня в экономической науке накоплено большое количество методических подходов к расчету такого эффекта в разных областях применения спутниковой информации: дистанционное зондирование земли, прогнозирование урожайности, мониторинг лесного, водного и сельского хозяйства и пр.

Тем не менее исследования показывают, что при попытке выполнения расчетов на уровне региона в целом по множеству областей применения спутниковой информации использование существующих подходов становится крайне проблематичным ввиду сложности получения исходных данных.

Для решения этой проблемы в статье был разработан нормативный методический подход к определению эффекта комплексного использования ГЛОНАСС в регионе. Данный подход восполняет существующий пробел и позволяет оценить экономический эффект от комплексного применения ГЛОНАСС в регионе по многим сферам ее применения.

Ключевые слова: спутниковая информация, системы ГЛОНАСС, концепция нормативной оценки экономической эффективности использования ГЛОНАСС в регионе.

Одним из характерных инновационных явлений современной мировой экономики является стремление развитых стран широко использовать в различных сферах человеческой деятельности системы спутниковой информации (СИ). В России это отечественная система ГЛОНАСС. Перспективным направлением может стать ее эффективное использование в приморских регионах страны, которые служат кон-

тактными зонами в обеспечении успешной интеграции Российской Федерации в мировую экономику.

Научные исследования и практика свидетельствуют, что среди спектра проблемных задач, связанных с комплексным и широким внедрением этой системы в хозяйство приморских регионов, на первое место выдвинулись организационно-экономические аспекты управления данным процессом. Среди них важное место занимают вопросы оценки экономической эффективности использования ГЛОНАСС в регионе.

Анализ сложившихся методических подходов свидетельствует, что методология расчетов и определения интегрального экономического эффекта применения ГЛОНАСС в хозяйстве того или иного региона страны еще далека от совершенства. В настоящее время в организационно-экономическом аспекте на первое место вышла задача разработать такие методические подходы, которые бы позволили находить компромиссные методические решения, обеспечивающие получение по крайней мере удовлетворительных результатов. Перед администрациями регионов и крупных муниципальных образований в первую очередь встает вопрос: как комплексное и достаточно масштабное использование ГЛОНАСС будет влиять на экономику территорий? К его решению можно подойти прежде всего через оценку потенциального эффекта применения информации данной системы в хозяйстве соответствующих территорий. Следует заметить, что наряду с разработкой принципиальных методических подходов необходимо осуществить большой спектр научно-практических исследований: дифференцированного ценообразования на услуги ГЛОНАСС, разработки шкал коэффициентов долевого использования спутниковой информации, организации центров оперативного мониторинга (ЦОМов) и региональных баз данных спутниковой информации, сервисного обслуживания региональной инфраструктуры этой системы и пр.

Проблема оценки влияния ГЛОНАСС на экономику региона требует предварительного теоретического осмысления и представления. Для этого предлагается использовать следующие методические приемы, допущения и принципы.

1. В качестве аналитического метода применить модель карты критических соотношений.

2. Сформулировать предположение, что затраты и результаты использования ГЛОНАСС в регионе в модели критических соотношений будут иметь криволинейный характер.

3. В качестве отражения дополнительного роста экономики региона использовать принцип порогового технологического предела.

На рисунке предлагается авторская интерпретация теоретического представления влияния эффекта комплексного использования СИ на развитие экономики региона.

Теоретическая трактовка модели, представленной на рисунке, сводится к следующему. Дополнительная прибыль, обозначенная заштрихованной площадью между точками критических соотношений $ТКС_1$ и $ТКС_2$, используется для инновационного развития региона, вызывая дополнительный рост его экономики $ВСЕД$, что соответствует новому так называемому технологическому пределу развития региона во временном диапазоне t_1t_2 .

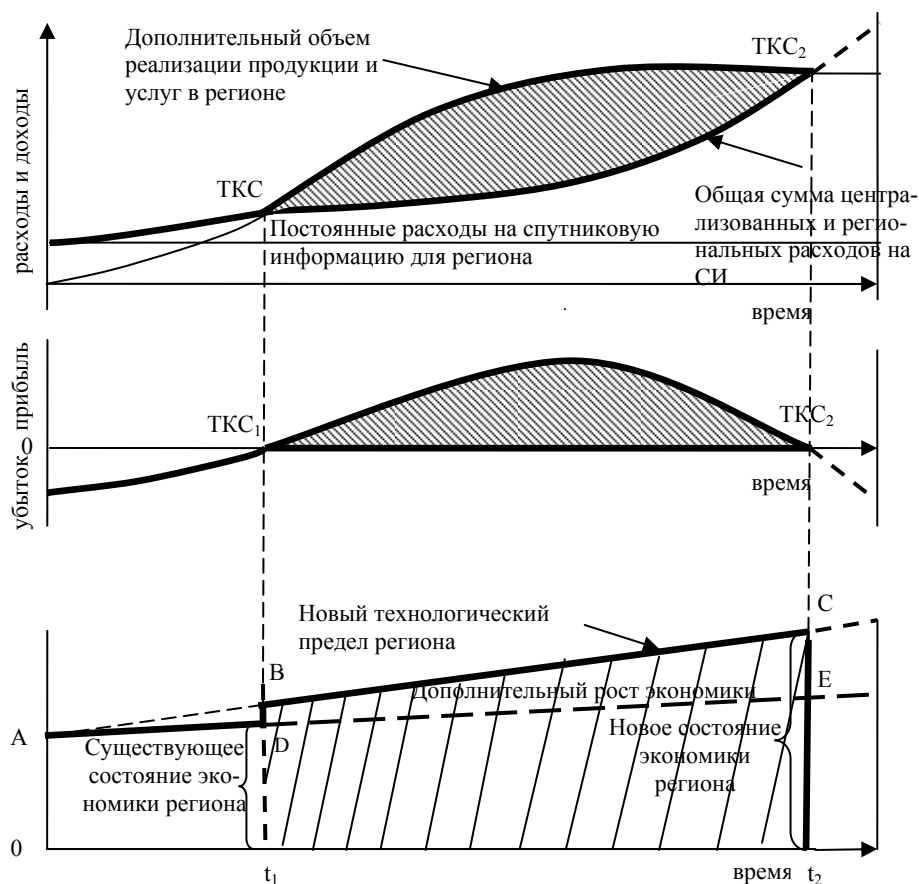

Рис. Теоретическое представление влияния эффекта комплексного использования спутниковой информации на развитие экономики региона

Дальнейшим шагом перехода от общетеоретического представления этого процесса к конкретизированным методическим подходам определения экономического эффекта объективно должна быть, например, укрупненная классификация этих подходов. В данном вопросе необходимо учитывать ту особенность, что информация, полученная с космических аппаратов, на основе которой принимаются управленческие и производственно-технологические решения, имеет два вида. Первый — оперативная информация, передаваемая со спутников на наземные пункты (центры) приема информации в режиме прямой передачи. В ряде случаев она может поступать после записи и кратковременного хранения ее в бортовых запоминающих приборах на спутниках. Второй вид — неоперативная информация. Она может представляться в форме фотографий земной и водной поверхности, облачности, карт температурных градиентов в межотраслевой центр «Природа» и отдельным потребителям для дальнейшей обработки.

К настоящему времени, судя по публикациям и выступлениям на различных научных форумах, уже накоплен определенный багаж идей и подходов к оценке экономической эффективности ГЛОНАСС в хозяйстве страны. Некоторые из них — прежде всего в сферах природопользования, транспорта, предотвращения ущерба по ряду видов деятельности и естественных ресурсов — доведены до проектов конкретных методик, хотя здесь еще возникают большие трудности с информационным обеспечением. Другие находятся на стадии разработки методических подходов и ждут своих дальнейших исследований.

К последним следует отнести идею разработки макроподхода к оценке экономического эффекта ГЛОНАСС на уровне администраций регионов. В авторской интерпретации его можно назвать **нормативный экономический эффект использования ГЛОНАСС в регионе**. С концептуальных позиций под ним следует понимать потенциальный (возможный) экономический эффект, рассчитываемый по всем объектам (т. е. по видам деятельности и природным ресурсам) использования ГЛОНАСС в регионе за определенный период времени на основе системы укрупненных нормативов эффективности.

Здесь возникает вопрос: кто и на какой информации будет разрабатывать такие нормативы? Хорошо известно, что **главная проблема** расчетов экономического эффекта от использования ГЛОНАСС конкретными потребителями и в целом по региону заключается в исходной информации. Информация о стоимости проектирования и постройки спутников, инвестиции в их запуск и поддержание на орбите (группировка спутников ГЛОНАСС на орбите должна состоять из 24 единиц) концентрируется в научных структурах Роскосмоса и зачастую труднодоступна для администраций регионов и региональных ЦОМов, а также для конкретных потребителей на этих территориях.

Анализ свидетельствует, что преодолеть эту проблему можно с помощью разработки в централизованном порядке (на уровне научных центров Роскосмоса) усредненных (по стране) удельных нормативов экономического эффекта от использования ГЛОНАСС во всех видах деятельности с последующей их адаптацией региональными администрациями к своим условиям.

Общая схема предлагаемого методического подхода состоит в следующем.

1. В централизованном порядке (на уровне Роскосмоса) разрабатывается система удельных нормативов экономического эффекта применения ГЛОНАСС в целом по стране и дифференцированно (при необходимости) по крупным федеральным округам — по видам деятельности и ресурсам.

2. Разрабатываются (на уровне Роскосмоса) методические рекомендации по адаптации системы удельных нормативов эффекта применительно к условиям того или иного региона на основе специальных корректирующих коэффициентов. Эти коэффициенты рассчитываются в регионах на основе указанных рекомендаций и согласовываются со структурами Роскосмоса.

3. При региональных администрациях создаются структурные подразделения (в ряде случаев в составе ЦОМов), на которые возлагаются

задачи регулярного расчета экономического эффекта использования ГЛОНАСС на этих территориях в режиме мониторинга. Эти же подразделения должны вести регулярную работу по анализу и подготовке предложений по уточнению корректирующих коэффициентов.

4. Специализированные подразделения регулярно проводят расчеты экономического эффекта использования ГЛОНАСС по видам деятельности на своих территориях и в целом по региону, опираясь на утвержденные нормативы и систему корректирующих коэффициентов. Кроме того, они должны выполнять локальные расчеты экономического эффекта от предотвращенного ущерба в условиях чрезвычайных ситуаций.

Принципиально в общем виде методический подход по оценке нормативного потенциального экономического эффекта применения ГЛОНАСС в регионе за период времени t (квартал, год) может быть выражен следующей формулой

$$\mathcal{E}_{\Sigma}^p = \sum_{i=1}^n N_{\mathcal{E}i} \cdot S_{\mathcal{E}i} \cdot K_{\mathcal{E}i}^k \cdot K_{\mathcal{E}i}^c + \sum_{k=1}^m \mathcal{E}_{ik}^{ny},$$

где $\mathcal{E}_{\Sigma}^p$ — нормативный потенциальный интегральный экономический эффект от применения ГЛОНАСС в регионе за период времени t (в стоимостном выражении);

$N_{\mathcal{E}i}$ — удельный нормативный показатель экономического эффекта применения ГЛОНАСС по каждому виду деятельности за время t (в стоимостном выражении);

$S_{\mathcal{E}i}$ — объемный показатель вида деятельности в регионе, на который распространяется деятельность ГЛОНАСС (в соответствующих измерителях);

$K_{\mathcal{E}i}^k$ — корректирующий коэффициент применения ГЛОНАСС по каждому виду деятельности в регионе (повышающий или понижающий);

$K_{\mathcal{E}i}^c$ — корректирующий сезонный коэффициент применения ГЛОНАСС в регионе;

$\sum_{k=1}^m \mathcal{E}_{ik}^{ny}$ — экономический эффект от предотвращенного ущерба в чрезвычайных ситуациях в результате использования ГЛОНАСС в регионе по конкретным видам деятельности (в стоимостном выражении);

n — число видов деятельности в регионе;

m — число объектов предотвращенного ущерба по видам деятельности.

Предлагаемая расчетная формула носит постановочный характер. Исследования свидетельствуют, что требуется проведение дальнейших углубленных разработок и экспериментальных расчетов по ее конкретизации и доведения до рабочей методики. В этом направлении можно выделить следующие научно-практические задачи.

1. Прежде всего необходимы разработка и утверждение (на уровне научных центров Роскосмоса) методики расчета экономического эффекта применения ГЛОНАСС на принципах нормативного потенциального экономического эффекта. В ней должна быть четко очерчена сфера ее использования региональными администрациями.

2. Проведение в централизованном порядке исследований разработки методики расчетов и подготовки справочных показателей потенциального экономического эффекта применения ГЛОНАСС по видам деятельности за определенное время t как в целом по России, так и по ее федеральным округам.

3. Разработка в централизованном порядке методических рекомендаций по расчетам региональных корректирующих коэффициентов (для региональных властей).

4. Разработка администрациями регионов на основе методических рекомендаций справочников корректирующих коэффициентов с учетом хозяйственных и природно-экономических условий каждого региона

Оценивая перспективы использования данного концептуального подхода, можно констатировать, что он занимает свою нишу и не противоречит другим методическим подходам определения экономического эффекта применения ГЛОНАСС в работе конкретных предприятий, организаций и региональных отраслевых комплексов.

Список литературы

1. Портнов В.П., Нагиева Е.И., Фоминов Н.Ф. Методические вопросы определения социально-экономической эффективности применения космической техники народнохозяйственного назначения в интересах регионального развития // Труды 12-х Научных чтений по космонавтике, посвященных памяти академика С.П. Королева и др. ученых «Социально-экономическая эффективность использования ракетно-космической техники в народном хозяйстве» (январь 1988 г.). М., 1988.

2. Методика оценки экономической эффективности использования космической информации в рыбном хозяйстве / разработчики С.А. Студенецкий, В.В. Ивченко [и др.]. М., 1988.

3. Федоровский А.Д., Якимчук В.Г. и др. Оценка эффективности космических систем ДЗЗ на основе метода анализа иерархий // Космическая наука и технологии. Киев, 2005.

4. Борониллов А.Б. Организационно-экономические аспекты моделирования программы внедрения системы ГЛОНАСС в эксклавном регионе России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 3. С. 132—136.

5. Ивченко В.В., Саванович С.В., Саванович А.В. Развитие инновационной инфраструктуры приморского региона России: монография / под ред. В.В. Ивченко. Калининград, 2010.

Об авторах

Ивченко Владислав Васильевич, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: vivchenko@kantiana.ru

Борониллов Анатолий Борисович, ассистент кафедры менеджмента, директор Центра диагностики и моделирования экономических процессов экономического факультета, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: aboronilov@kantiana.ru

V. V. Ivchenko, A. B. Boronilov

ON THE CONCEPT OF NORMATIVE EVALUATION
OF COST-EFFECTIVENESS OF GLONASS APPLICATION
IN COASTAL REGIONS

Russia promotes the application of GLONASS satellite information in regional economies. In three regions, the system has been already introduced and is widely used, 21 more regions are implementing the system. Experts believe that this process will take from 3 to 5 years.

The introduction and integrated use of GLONASS pose a number of organisational and economic problems for regional administrations. One of such problems is the evaluation of economic effect of GLONASS implementation in the region.

Economics has developed a large number of methodological approaches to the calculation of such effects in different fields of satellite information application: Earth's remote probing, crop yield forecasts, forestry, water industry and agricultural monitoring, etc.

However, the research shows that the attempts to perform a calculation for various fields of satellite information application at regional level prove the existing approaches to be inefficient due to the difficulties in obtaining initial data.

To this effect, the authors developed a normative methodical approach to calculation of the effect of integrated GLONASS application. This approach is meant to fill the existing gap and makes it possible to evaluate the economic effect of integrated GLONASS application for different fields.

Key words: satellite information, GLONASS system, concept of normative evaluation of economic efficiency of using GLONASS application.

References

1. Portnov, V. P., Nagieva, E. I., Fominov, N. F. 1988. Metodicheskie voprosy opredelenija social'no-jekonomicheskoi jeffektivnosti primeneniya kosmicheskoi tehniki narodnohozhajstvennogo naznacheniya v interesah regional'nogo razvitiya. In: Trudy 12-h nauchnyh chtenij po kosmonavtike, posvjawennyh pamjati akademika S. P. Koroleva i dr. uchenykh «Social'no-jekonomicheskaja jeffektivnost' ispol'zovaniya raketno-kosmicheskoi tehniki v narodnom hozhajstve» (janvar' 1988 g.): Moscow: IIET AN SSSR.
2. Studeneckij, S. A., Ivchenko, V. V. et al., 1988. Metodika ocenki jekonomicheskoi jeffektivnosti ispol'zovaniya kosmicheskoi informacii v rybnom hozhajstve. Utverzhdena Minrybhozom SSSR 1988 g. Moscow: VNIRO.
3. Fedorovskij, A. D., Jakimchuk, V. G. et al., 2005. Ocenka jeffektivnosti kosmicheskikh sistem DZZ na osnove metoda analiza ierarhij — Kosmicheskaja nauka i tehnologii, NAN Ukrainy, Kiev.
4. Boronilov A. B., 2011. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. №3.
5. Ivchenko V. V., Savanovich S. V., Savanovich A. V., 2010. Razvitie innovacionnoj infrastruktury primorskogo regiona Rossii. Kaliningrad: RGU im. I. Kanta.

About authors

Prof. Vladislav V. Ivchenko, Department of Management, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: vivchenko@kantiana.ru

Anatoly B. Bronilov, Lecturer, Department of Management, director of the Centre for economic process diagnostics and modelling, Faculty of Economics, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: aboronilov@kantiana.ru

Г. В. Кретинин

**ОСОБЕННОСТИ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
СТРАТЕГИИ ЕС
В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

Анализируются вопросы энергетической политики Европейского союза в 1990-х — начале 2000-х гг. с целью выявления особенностей энергообеспечения и энергобезопасности стран Балтийского региона. Научная и практическая значимость проведенного исследования заключается в выявлении поэтапных действий руководства ЕС, стран — членов Евросоюза по формированию единой энергетической политики в Европе. Расширение ЕС в 2004 г. поставило вопрос об учете специфики энергообеспечения стран Восточной Европы, особенно прибалтийских государств. Энергетика Литвы, Латвии и Эстонии, как и в значительной степени других восточноевропейских государств и стран СНГ, оказалась тесно связанной с энергетикой Российской Федерации. Стремясь учесть данное обстоятельство, руководство ЕС и его энергетические структуры предприняли ряд мер организационного характера, направленных, с одной стороны, на повышение энергетической самостоятельности «младоевропейцев», а с другой — на учет современных тенденций развития энергетического рынка. Исследование показало, что большинство этих мер не учитывало позиции и интересы России, являющейся активным участником мирового энергетического рынка.

Выполненный анализ будет способствовать оценке перспектив дальнейшего развития энергетической отрасли прибалтийских государств и ее взаимодействию с энергетикой Российской Федерации.

Ключевые слова: энергетика, рынок, стратегия, источники, Европейский союз, Россия, Балтийский регион, директива, безопасность, энергоносители, диверсификация, интеграция.

Несмотря на то что энергетическая проблема для ЕС носит определяющий характер, она длительное время считалась прерогативой национальных государств. Единой энергетической стратегии у сообщества не было. В 90-х гг. прошлого века энергетическая политика начинает рассматриваться как фактор устойчивого развития Европейского союза. Ее разработке способствовало появление ряда документов, учитывающих интересы западноевропейских стран. Прежде всего следует отметить принятие в 1991 г. Европейской энергетической хартии (ЕЭХ) —

системы международных соглашений, касающихся энергетических рынков. ЕЭХ предполагала свободный доступ европейских стран к российским ресурсам и трубопроводам, но сама при этом была закрыта для российских энергетических инвестиций.

Постепенно участники энергетического рынка Европы постарались уйти от европейских региональных рамок, придав ЕЭХ международный характер. Появилось новое название — Энергетическая хартия. В 1994 г. был составлен Договор к Энергетической хартии, вступивший в силу в апреле 1998 г.¹

В то же время, по мнению специалистов, на рубеже XX—XXI вв. на формирование и реализацию долгосрочной энергетической политики ЕС отчетливое влияние оказывал ряд проблем. Во-первых, фискальные вопросы, в особенности связанные с трансформацией дополнительных издержек, вызванных внешними причинами, во внутренние издержки производства с целью создания равных условий для развития и применения различных источников энергии. Во-вторых, рыночные проблемы, характеризующиеся призывами к тщательному и подробному мониторингу рыночных процессов, расширению практики долгосрочного планирования в частном секторе и созданию механизмов, корректирующих рыночную стихию. И, в-третьих, технологические вопросы, в том числе вопросы коммерциализации экологически привлекательных, однако первоначально нерентабельных технологий [2].

Решить эти проблемы, как тогда казалось, возможно путем формирования и реализации соответствующей энергетической стратегии. Инструментом, который, по мнению европейских политиков и энергетиков, будет применяться при такой реализации, должна служить так называемая «Зеленая книга» (с подзаголовком «Европейская стратегия устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетики») [3].

Однако основная идея стратегии, заложенная в «Зеленой книге», заключалась в том, что Евросоюз располагал и располагает весьма ограниченными возможностями в сфере энергообеспечения, прежде всего вследствие недостаточных объемов ресурсов или их низкой на современном этапе конкурентоспособности (например, уголь). Поэтому ЕС был вынужден уделить особое внимание управлению спросом на энергоносители. Между тем формирование этого спроса столкнулось с новыми энергетическими реалиями и проблемами.

Прежде всего, всё первое десятилетие нового века Евросоюзу не удавалось завершить либерализацию энергетических рынков, создать конкурентные внутренние рынки. В Европе сложилась четкая и весьма

¹ Россия Хартию подписала и стала применять её частично — на временной основе, до ратификации документа. Однако ратификации осуществлена не была. Считалось, что Хартия противоречит интересам РФ, так как допускает европейские компании к российским ресурсам, но ограничивает возможности проникновения российских электроэнергетиков, нефтяников и газовиков на европейский рынок; 6 августа 2009 г. Россия окончательно отказалась присоединяться к ЕЭХ из-за разногласий по вопросам энергоэффективности и соответствующим экологическим аспектам — см. [1].

низкая диверсификация импорта: поставка почти половины объема газа шла всего из трех стран. Немаловажным значением для формируемого спроса на энергоносители в эти же годы стал значительный, более чем в два раза рост цен на нефть и газ. Причем высокие цены имеют тенденцию сохраняться.

Наиболее показательным процессом развития европейского энергетического рынка стала торговля природным газом. По оценкам специалистов, этот вид топлива еще несколько десятков лет назад меньше использовался в европейской энергетике, чем уголь и нефть. Однако со временем стали видны технические и экономические преимущества использования газа, обусловленные его высокой теплотворной способностью, легкостью управления режимом горения, высоким КПД установок, отсутствием золы и т. д., благодаря чему он быстро вышел на ведущие позиции в мировом балансе потребления ископаемого топлива.

ЕС был вынужден специально заняться нормотворческой деятельностью, регулирующей функционирование европейского газового рынка. Так появилась Первая директива ЕС по газу от 22 июня 1998 г., которая легла в основу процесса либерализации энергетических рынков Евросоюза; 26 июня 2003 г. была принята Вторая директива (вступившая в действие с 1 июля 2004 г.), ставившая целью завершение процесса либерализации и открытия рынков к 1 июля 2007 г. Открытие национальных газовых рынков ЕС давало право потребителям свободно выбирать поставщиков этого вида топлива. Вторая директива предусматривала также меры по выделению транспортной инфраструктуры вертикально интегрированных компаний в отдельные юридические лица и меры по предоставлению им определенной независимости от материнских компаний.

Однако реализация Второй директивы приостановилась в связи с недостаточно развитой на газовых рынках конкуренцией. Тогда 19 сентября 2007 г. Европейская комиссия предложила участникам рынка либо полное разделение («по собственности») энергетических компаний, либо введение независимых системных операторов газотранспортной инфраструктуры. Эти положения оказались ключевыми элементами так называемого «Третьего пакета» энергетических инициатив. Предложенные Еврокомиссией меры по смене собственника или изменению прав собственника особенно негативно отражались на режиме транзита и правах иностранных инвесторов.

Инициативы «Третьего пакета» вызвали возражения у ряда ведущих стран ЕС (Франция, Германия): разделение активов крупнейших национальных энергетических монополий они считали неэффективным и нежелательным. Более того, инициативы «Третьего пакета» были озвучены в период продолжения реализации требований Второй директивы. Произошла явная накладка требований: при серьезной нехватке междоуличной транспортной инфраструктуры не были согласованы действия регуляторов и операторов газотранспортных сетей, наблюдалось недостаточное развитие региональных рынков. Всё это вызвало закономерный вопрос о своевременности дальнейших, более радикальных шагов по либерализации рынка. С учетом того, что рынки стран — членов ЕС находились на разных этапах развития, становились понятными и сложности

в согласовании позиций сторон. Естественным образом появились предложения ведущих европейских государств (например, так называемый «Третий путь», выдвинутый Францией и Германией), стремившихся учесть особенности функционирования национальных энергетических рынков. Наиболее острая ситуация с реализацией Третьего энергетического пакета сложилась у России в Европе, особенно в Прибалтике.

В конечном итоге появилась необходимость поиска компромиссных решений в рамках РФ — ЕС. Тем более что Россия была одним из крупнейших поставщиков газа в страны Евросоюза (по некоторым оценкам, российский газ превышает четверть от общего объема природного газа, импортируемого в страны ЕС [4]).

Перечисленные особенности формирования спроса на энергоносители в ЕС в значительной степени влияют на его энергетическую безопасность. Эта безопасность, в соответствии с Третьей директивой, оценивается рядом параметров, таких, как степень независимости оператора сети, уровень зависимости Евросоюза и стран — членов ЕС от импорта из третьих стран, режим национальной и внешней торговли и инвестиции в энергетическом секторе конкретной третьей страны. Считалось, что безопасность энергоснабжения должна оцениваться в свете фактических обстоятельств в каждом конкретном случае, с учетом международно-торговых обязательств, в частности вытекающих из международных договоров, заключенных ЕС с третьими странами. В свою очередь операторы из третьих стран, чтобы действовать в странах ЕС, должны пройти сертификацию в государствах — членах Евросоюза и Комиссии ЕС [5].

Между тем обеспечение энергетической безопасности стран — импортеров газа может заключаться в стимулировании эффективного использования энергии и применении альтернативных ее источников (внутренние факторы), а также в снижении зависимости от импорта энергоносителей из одного источника. Принимая во внимание, что до 40% импорта газа в ЕС приходится на долю России, последний критерий относится к числу скорее внешних факторов, конкретно к «Газпрому», что может стать препятствием для его действий на рынке Евросоюза.

Различные европейские регионы, независимо от их позиционирования по отношению к ЕС (все страны входят в него или нет), представляют для Евросоюза жизненно важные интересы с точки зрения политики, экономики и безопасности. Естественным, что Брюссель реализует эти интересы посредством различных стратегических инициатив и программ. Такими были принятые в разное время «Новая средиземноморская политика», стратегия «Европейская политика соседства» и т. д.

В январе 2009 г. Комитет по вопросам промышленности, науки и энергетики Европейского парламента одобрил проект рекомендаций по дальнейшей энергополитике ЕС в свете последнего газового кризиса. Проект, как сообщил в своем докладе Анн Лаперуз, был подготовлен на базе Второго стратегического энергетического обзора Еврокомиссии. Наряду с концептуальными вопросами энергетического будущего Европы, европарламентарии особо отметили тогда важность дальнейшего развития ядерной энергетики, которая должна использоваться на самом

технологически высоком уровне безопасности; возможность пересмотра Евросоюзом Директивы о безопасности поставок газа от 2004 г. с целью проведения единой политики энергоснабжения и других вопросов. Особо выделялись Балтийский регион и район Каспия, которые европарламентарии определили как конкретные области, нуждающиеся в улучшении интеграции, и призвали к разработке поставок газа через Центральную и Юго-Восточную Европу по оси «Север — Юг». Включение Прибалтики в орбиту другой, отличной от российской, газовой сети базировалось преимущественно на развитии трубопровода «Набукко». Впрочем, часть евродепутатов с такой постановкой вопроса были не согласны и требовали активизировать переговоры о новом сотрудничестве и партнерстве с Россией [6].

Как показало дальнейшее развитие событий в Средней и Малой Азии и Закавказье, идея использования «Набукко» пока далека от реализации [7]. Газопровод, основная проблема которого заключается в его наполнении сырьем, предназначается всё же для поставок газа в страны Южной и Центральной Европы. Расчеты на поставки «южного» газа в Прибалтику носили скорее политический, чем экономический характер. Нельзя исключать того, что именно поэтому Европейская комиссия, в целом действуя в рамках инициатив, заявленных во Втором стратегическом энергетическом обзоре, 10 июня 2009 г. инициировала конкретную Стратегию развития Балтийского региона, отличающуюся от других регионов тем, что она предназначена исключительно для стран — членов ЕС. Разработчики Стратегии обращают внимание на то, что «многие проблемы в Балтийском регионе могут решаться только в условиях конструктивного сотрудничества с нашими внешними партнерами в регионе, в частности, с Россией» [8]. Однако тут же уточняют, что «эта Стратегия не может служить руководством для третьих стран: скорее, она указывает, в каких вопросах сотрудничество желательно и предлагает форумы, на которых будут проходить это обсуждение и сотрудничество» [8].

Самостоятельность действий ЕС на Балтике подчеркнула член Еврокомиссии Д. Хюбнер, представляя документ: «Стратегия ЕС для Балтийского региона является большим шагом вперед, так как она знаменует собой новый метод осуществления сотрудничества в Европейском союзе. Она не предполагает создания новых законов или учреждений, но скорее основана на желании правительств и граждан государств — членов ЕС и регионов решить неотложные общие задачи. Европейская комиссия предлагает комплексный план мероприятий, основанный на всесторонних консультациях с национальными и региональными правительствами, предпринимателями, общественными организациями и учеными. ЕС имеет все возможности координировать необходимую работу, чтобы направить имеющиеся ресурсы на спасение Балтийского моря, стимулирование торговли и повышение качества жизни каждого жителя этого региона» [8].

В рамках предлагаемой стратегии 7 июня 2009 г. девять стран (Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Литва, Латвия, Швеция, Польша и Норвегия) подписали Меморандум о взаимопонимании по плану создания объединенного энергетического рынка Балтийского региона. Единый энергорынок должен быть создан в 2009—2015 гг. [9].

Как отмечают эксперты, Стратегия развития Балтийского региона является действительно масштабным проектом, или, как его еще называют, Планом действий, охватывающим 15 приоритетных направлений, в которых будут реализованы 80 различных проектов. Декларирована и предполагаемая стоимость этих проектов — Балтийский регион должен был получить свыше 50 млрд евро инвестиций от различных фондов ЕС (в том числе 27 млрд евро — на улучшение доступа в регион, почти 10 млрд — на охрану окружающей среды, 6,7 млрд — на развитие конкурентоспособности и 697 млн евро — на обеспечение безопасности и предотвращения рисков). «Основной плюс Стратегии заключается в том, что восемь стран ЕС, входящих в регион Балтийского моря — Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Латвия, Литва, Польша и Швеция с населением почти 100 млн человек, — смогут планировать свою деятельность и расставлять приоритеты, зная, что их соседи вкладывают в развитие региона свои силы и средства» [10].

Обращает на себя внимание то, что Стратегия не учитывает интересы еще одного члена Балтийского региона — России, положение которой здесь весьма значимо, и реализовывать планируемые проекты без ее участия в ряде случаев невозможно. В частности, специалисты отмечают, что экологическое состояние Балтийского моря постоянно ухудшается из-за чрезмерных сбросов в него нитратов и фосфатов, а его биологическое разнообразие находится под угрозой. Снизить уровень подобных угроз можно только совместными усилиями. В свою очередь, Россия (в том числе и для того, чтобы избежать излишней танкерной нагрузки на маршрутах в Балтике) осуществила строительство первой очереди газопровода по дну моря. Однако это даст минимальный результат из-за стремления ряда балтийских государств построить у себя терминалы для сжиженного природного газа, что приведет к использованию дополнительного количества крупнотоннажных судов. Наконец, без учета интересов России значительные сложности возникнут в регионе в отношении выполнения программ его энергетического обеспечения.

Разработчики Стратегии действия в этом направлении обозначили как «улучшение доступа к рынкам энергоносителей, а также повышение их эффективности и безопасности» [11]. Оценка, которую они дают состоянию вопроса, особенно с точки зрения ЕС, далеко не положительная. По мнению европейских экспертов, рынкам энергоносителей (электричества, газа, нефти) в регионе Балтийского моря не хватает надлежащей инфраструктуры; кроме того, они излишне ориентированы на внутренние потребности стран, плохо связаны и скоординированы между собой. В некоторых государствах — членах Евросоюза открытость рынков и уровень конкуренции недостаточны для надлежащего стимулирования инвестиций. Результатом этого становится риск повышения цен и угроза энергетической безопасности. В частности, Эстония, Латвия и Литва недостаточно интегрированы в более широкие энергетические сети Европейского союза², а следовательно, эти страны практически изолированы в том, что касается энергетики.

² Единственным энергетическим связующим звеном пока остается кабельная линия «Эстлинг» между Эстонией и Финляндией, но она имеет малую мощность (см. [12]).

Реализация формируемой энергетической стратегии в Балтийском регионе, по мнению ее разработчиков, будет испытывать значительные сложности из-за фрагментации рынков электроэнергии, затруднения доступа к энергетическим мощностям в регионе, связанного с различиями в электроэнергетических стандартах. Отмечая продолжающуюся уже практически полтора десятка лет кампанию либерализации энергетического рынка и отсутствие в связи с этим конкуренции, они считают проблемными повышение цен на энергоносители, малое количество стимулов или возможностей для инвестиций в инфраструктуру, особенно в области возобновляемых источников энергии. Отсутствие взаимодействия трех прибалтийских республик особенно ощущается в газовой сфере. «Болевая точка» здесь — недостаточное количество соединительных газопроводов, идущих в остальные страны региона. Это, в свою очередь, ведет к недостаточным объемам трансграничной торговли, недостаточной рыночной ликвидности и росту цен при снижении уровня диверсификации источников энергии.

Формирование энергетической стратегии базируется на том, что все страны Балтийского региона, входящие в Европейский союз/Европейскую экономическую зону, являются частью внутреннего рынка электроэнергии и газа. В связи с тем, что в середине первого десятилетия нового века энергетические рынки находились на очень разных стадиях либерализации и в инфраструктуре были серьезные недостатки, физическая интеграция Литвы, Латвии и Эстонии не имела ближайшей перспективы, тем более что планировалось закрытие основного источника электроэнергии — Игналинской АЭС.

Специалисты отмечали, что большей диверсификации можно достичь, например, с помощью возобновляемых источников энергии, но этот путь весьма долг, затратен, поэтому без использования ископаемых источников все равно не обойтись. Таким образом, региональная интеграция энергетических систем — необходимость.

В конечном итоге основным выводом разрабатываемой стратегии стало предложение о создании целостного и хорошо функционирующего рынка энергоносителей. Для формирования единого энергетического рынка ЕС было принято решение осуществить так называемый План объединения балтийского энергетического рынка (Baltic Energy Market Interconnection Plan — BEMIP). Единый энергорынок должен быть создан в 2009—2015 гг. [9].

BEMIP будет естественным образом влиять на производство и потребление энергии государствами Балтийского региона, имеющими различные источники обеспечения энергоресурсами. Прежде всего, это страны восточного берега Балтийского моря (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), которые практически полностью зависят от импорта природного газа из России, хотя и обладают небольшим (для российских поставщиков) энергетическим рынком. Это страны южного берега Балтики (Германия, Польша), менее зависимые от российских поставок, хотя для производителей из РФ они привлекательны с точки зрения экспорта, а также государства западной части региона (Дания, Швеция и Норвегия), которые в энергообеспечении совсем не зависят от Российской Федерации.

В основу модели энергетического рынка прибалтийских государств была положена модель Северных стран — с целью обеспечения потока электроэнергии для торговли ею между этими двумя регионами, рыночного управления перегрузками, создания общих запасов и баланса энергетического рынка.

Кроме того, разработан ряд инфраструктурных проектов, важных с точки зрения интеграции рынков и выявления потенциально надежных компаний. Среди них «НордБалт», соединяющий Швецию и Литву, «Эстлинк 2» между Эстонией и Финляндией и «ЛитПол» между Польшей и Литвой. Вместе эти линии образуют так называемое «Балтийское энергетическое кольцо». Некоторые из предложенных инфраструктурных проектов ВЕМІР были выбраны для финансирования из «Европейской программы экономического восстановления».

План ВЕМІР не включает в себя Калининградскую область РФ, так как Россия не является членом ЕС или Европейской экономической зоны.

Многие положения плана за прошедшие два-три года претерпели существенные изменения, особенно по срокам реализации мероприятий. Здесь сказались мировой экономической кризис, отношения между государствами — членами Европейского союза, изменение общей конъюнктуры мировых энергетических рынков и т. д. В частности, весной 2011 г. литовские энергетики говорили о начале пуска Висагинской АЭС в 2020 г. вместо планировавшегося ранее 2018 г. (или еще более раннего — в 2016 г.).

Стоит отметить, что аналогичный пакет проектов («пожеланий») в ВЕМІР существует и для обеспечения Балтийского региона природным газом. Однако большинство газовых проектов связано с обеспечением их поставками российского сырья, но значительная часть проектных мероприятий с российскими газовиками не согласована, следовательно, они остаются «виртуальными». К тому же в 2011 г. вступил в силу Третий энергетический проект, из-за которого особенно осложнились отношения между российскими поставщиками и прибалтийскими потребителями природного газа.

С точки зрения существования системы газопроводов и энергосетей в наиболее благоприятной ситуации находятся страны южного и западного берегов Балтийского моря, и исследование их участия в едином европейском энергетическом рынке становится самостоятельной научной задачей.

Таким образом, проблема формирования единого балтийского энергетического рынка в восточном секторе региона остается открытой. Страны Балтии, поставив перед собой задачу стать энергонезависимыми государствами, пытаются решить ее по отдельности. О балтийском единстве, столь характерном для региона в 1980—1990-х гг., речь уже не идет. Однако собственные возможности этих стран весьма ограничены, а ЕС в силу объективных обстоятельств (последствия мирового кризиса, события в Северной Африке и т. д.) действенной помощи оказать не может. Объективной необходимостью становится обращение за помощью к России. Но это в обозримом будущем маловероятно.

Список литературы

1. *Россия отказалась от Энергетической хартии ЕС*. URL: http://sd.net.ua/2009/08/06/rossija_otkazalas_ot_jenergeticheskijj_khartii_es.html (дата обращения: 04.10.2011).
2. *Богучарский М. Е.* Энергетическая стратегия Европейского союза на современном этапе. URL: http://flm.su/?actions=main_content&id=828 (дата обращения: 14.10.2011).
3. *Зеленая книга ЕС по энергетике*. URL: http://www.energy.eu/directives/2006_03_08_gp_document_en.pdf (дата обращения: 17.10.2011).
4. *Митрова Т.* Анализ факторов риска российского экспорта природного газа. URL: <http://www.eriras.ru/papers/2005/risks.pdf> (дата обращения: 02.10.2011).
5. *Маттеотти С., Нартова О.* Новые требования к иностранным операторам на газовом рынке ЕС в свете правил ВТО. URL: <http://trade.ecoaccord.org/bridges/trade.htm> (дата обращения: 04.10.2011).
6. *Комитет Европарламента одобрил проект рекомендаций по дальнейшей энергополитике ЕС в свете газового кризиса*. URL: <http://www.ukroil.com.ua/news/print/20010.html> (дата обращения: 10.10.2011).
7. *Стэффорд Д.* Миф о «Набукко»: жадность, заблуждения и 11,4 миллиарда долларов. URL: http://www.inosmi.ru/middle_asia/20100117/157593398.html (дата обращения: 07.10.2011).
8. *Европейская комиссия представила стратегию развития Балтийского региона*. URL: <http://karelinform.ru/?id=14302#ixzz1LUZraQvN> (дата обращения: 14.10.2011).
9. *Baltic Energy Market Interconnection Plan. Final Report*. URL: http://ec.europa.eu/energy/infrastructure/events/doc/2009/2009_11_25_hlg_report_170609.pdf (дата обращения: 19.10.2011).
10. *Балтийская стратегия ЕС*. Справка // РИАНовости. Экология. URL: <http://eco.rian.ru/documents/20090917/185392718.html> (дата обращения: 04.10.2011).
11. *Рабочий документ персонала комиссии*. Приложение к сообщению Комиссии, адресованному Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов относительно Стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря. План действий. Брюссель, 10.06.2009 г. SEC(2009)712. URL: http://www.beac.mid.ru/doc/perev_1006.doc (дата обращения: 04.10.2011).
12. *Кабель Estlink передан заказчикам (Эстония)*. URL: <http://www.regnum.ru/news/763163.html> (дата обращения: 04.10.2011).

Об авторе

Кретинин Геннадий Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, руководитель Балтийского информационно-аналитического центра РИСИ.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

G. V. Kretinin

THE FEATURES OF EU ENERGY STRATEGY
IN THE BALTIC REGION

This article analyses the issues of EU energy policy in the 1990s-the beginning of the 2000s in order to identify the features of energy supply and energy safety of the Baltic region countries. The research and practical significance of the work consists in the stepwise description of actions taken by EU leaders and EU member states in order to formulate a common European energy policy. The 2004 EU enlargement posed the problem of taking into account the features of energy supply of Eastern European countries and, especially, the Baltic States. The energy industries of Lithuania, Latvia, and Estonia, as well as other Eastern European and CIS countries, are closely related to the energy industry of the Russian Federation. Trying to allow for this circumstance, EU leaders and energy structures took a number of organisational measures aimed, on the one hand, at an increase in energy independence of new members of the EU and, on the other hand, at taking in account the recent trends in the energy market development. The research shows that most of initiatives do not take into account the perspective and interests of Russia, which has a strong presence in energy market.

The analysis conducted will help the assessment of prospects of further development of the Baltic States' energy industry and its interaction with that of the Russian Federation.

Key words: energy, market, strategy, sources, European Union, Russia, Baltic region, guideline, safety, energy resources, diversification, integration.

References

1. Rossiya otkazalas' ot Jenergeticheskoy hartii ES. 2009. Available at: http://sd.net.ua/2009/08/06/rossiya_otkazalas_ot_jenergeticheskoy_khartii_es.html [Accessed 04 October 2011].
2. Bogucharskij, M. E., 2011. Jenergeticheskaja strategija Evropejskogo Sojuza na sovremennom jetape. Available at: http://flm.su/?actions=main_content&id=828 [Accessed 14 October 2011].
3. Zeljonaja kniga ES po jenergetike., 2006. Available at: http://www.energy.eu/directives/2006_03_08_gp_document_en.pdf [Accessed 17 October 2011].
4. Mitrova, T. Analiz faktorov riska rossijskogo jeksporta prirodnogo gaza., 2005. Available at: <http://www.eriras.ru/papers/2005/risks.pdf> [Accessed 2 October 2011].
5. Matteotti, S., Nartova O., 2011. Novye trebovanija k inostrannym operatoram na gazovom rynke ES v svete pravil VTO. Available at: <http://trade.ecoaccord.org/bridges/trade.htm> [Accessed 4 October 2011].
6. Komitet Evroparlamenta odobril proekt rekomendacij po dal'nejshej jenergo-politike ES v svete gazovogo krizisa., 2011. Available at: <http://www.ukroil.com.ua/news/print/2010.html> [Accessed 10 October 2011].
7. Stjefford, D. 2010. Mif o «Nabukko»: zhadnost', zabluzhdenija i 11,4 mil-liarda dollarov. Available at: http://www.inosmi.ru/middle_asia/20100117/157593398.html [Accessed 7 October 2011].
8. Evropejskaja Komissija predstavila strategiju razvitija Baltijskogo regiona., 2011. Available at: <http://karelinform.ru/?id=14302#ixzz1LUZraQvN> [Accessed 14 October 2011].

9. Baltic Energy Market Interconnection Plan. Final Report., 2009. Available at: http://ec.europa.eu/energy/infrastructure/events/doc/2009/2009_11_25_hlg_report_170609.pdf [Accessed 19 October 2011].

10. Baltijskaja strategija ES. Spravka. RIANovosti. Jekologija., 2009. Available at: <http://eco.rian.ru/documents/20090917/185392718.html> [Accessed 4 October 2011].

11. Rabochij dokument personala komissii. Prilozhenie k soobwenuju Komissii, adresovannomu Evropejskomu parlamentu, Sovetu, Evropejskomu jekonomicheskomu i social'nomu komitetu i komitetu regionov otnositel'no Strategii Evropejskogo sojuza dlja regiona Baltijskogo morja. Plan dejstvij., 2009. Brjussel'. SEC(2009)712. Available at: http://www.beac.mid.ru/doc/perev_1006.doc [Accessed 4 October 2011].

12. Kabel' Estlink peredan zakazchikam (Jestonija), 2011. Available at: <http://www.regnum.ru/news/763163.html> [Accessed 4 October 2011].

About author

Prof. Gennady V. Kretinin, Department of Special Historical Disciplines and Regional History, Immanuel Kant Baltic Federal University, head of the Baltic information and analysis centre of the Russian Institute for Strategic Studies.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

А. В. Рябиченко

**ОСВЕЩЕНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ ИННОВАЦИЙ
В СМИ ДАНИИ**

Цель исследования — определить общественное отношение, существующее в Дании к российским инновациям. Актуальность исследования обуславливается обращением России к опыту Дании — страны, входящей в число «инновационных лидеров» ЕС. Исследование представляет собой анализ опубликованных рядом датских СМИ материалов, посвященных России. Положительный образ российских инноваций на страницах датских газет автор оценивает на фоне исторически сложившихся этнических стереотипов. Также в статье описывается национальная инновационная система Дании. Образ российских инноваций в СМИ Дании положителен, но статьи, посвященные им, составляют малую часть всего объема материалов, в которых рассказывается о России. Статья дополняет исследования общественного мнения Дании, обогащает их новыми данными. Результаты исследования будут полезны при планировании отношений с Данией для политиков, представителей научного сообщества, общественных деятелей.

Ключевые слова: история Дании, общественное мнение, стереотипы, инновации.

Чтобы определиться с тем, каков образ современных российских инноваций, сформированный СМИ Дании, был проведен анализ публикаций в датских периодических изданиях.

Почему для России важно знать общественное мнение Дании по этому вопросу? Как Швеция, Финляндия и Германия, Дания находится в числе «инновационных лидеров» ЕС [17]. Датские инновации успешно воплощаются в таких сферах, как информационные технологии, биотехнологии, фармацевтика, ветроэнергетика. Государство прикладывает все усилия для того, чтобы попасть к 2020 г. в число стран, где большая часть компаний — инновационные [21]. Развитию инноваций помогают государственные органы, в том числе Министерство по экономике и предпринимательству, Министерство образования и Министерство по науке, технологиям и инновациям. Дания участвует в проектах ЕС в области космонавтики и молекулярной биологии, принимает участие в проектах «Евростарс» (Eurostars), EraSME и EUREKA. Дания участвует в 228 проектах Седьмой рамочной программы ЕС. Сотрудничество стран Северной Европы обуславливает участие Дании в деятельности Совета министров Северных стран в области образования

и науки («НортФорск») (NordForsk), Северные энергетические исследования, Северный инновационный центр и т. д.) [19].

Как и в соседней Швеции, в Дании действует Совет по глобализации, который серьезно занимается вопросами инноваций. Не случайно правительственная стратегия по глобализации называется «Прогресс, инновации и сплоченность». В соответствии с этим документом датские инновационные центры открыты в Кремниевой долине, Шанхае и Мюнхене; уделяется внимание сотрудничеству в области инноваций с Японией и США [20].

Сотрудничество России и Дании в инновационной сфере, напротив, только начинается. Во время визитов президента РФ Д. А. Медведева и премьер-министра В. В. Путина в Данию в 2010—2011 гг. были подписаны договоры о сотрудничестве, в том числе в области высоких технологий [8—10].

Прежде чем рассказать о результатах проведенного исследования, следует проанализировать отношение СМИ Королевства Дании к России в целом. Местные журналисты не отличаются особой благожелательностью к РФ. Стереотип «русские идут!» — прочно укоренился в сознании датчан. Еще одно устойчивое выражение — «By i Rusland!» («городок в России!»): так в Дании говорят о чем-то далеком, не имеющем никакого отношения к разговору [2; 11].

Один из наиболее популярных стереотипов о России, которым руководствуются датские СМИ, — так называемая «энергетическая власть». Под этим выражением подразумевается зависимость Европы от российских поставок энергии [18; 22]. Бывший посол Дании в России П. Карлссон называет и два других негативных этнических стереотипа: коррупция и мафия [3].

При всех негативных стереотипах, названных выше, в общественном мнении Дании сложилось двоякое впечатление о России: с одной стороны, по-прежнему жив страх перед «русским медведем», а с другой — отмечается, что контакты с РФ, в первую очередь в области экономики, крепнут, и наша страна — надежный и перспективный партнер.

Бывший министр иностранных Дании У. Элеман-Йессен пишет на страницах «Берлингске» о том, что несмотря на напряженность в отношениях с Россией, Дания скоро сможет «использовать российскую нефть и газ и имеет особенный интерес к сохранению тесного контакта в вопросе о будущем развитии Арктики» [4]. Автор "Business. Dk" У. Гардел замечает: «Россия — это буква "Р" в аббревиатуре БРИК, а также самая большая страна у границ ЕС, которая может стать как большим потребителем, так и мощным конкурентом» [6].

Каковы исторические предпосылки к созданию негативных этнических стереотипов о России и русских? Союзнические контакты между Россией и Данией восходят к 1493 г., когда две страны заключили союз против Швеции и Литвы. Но мирные отношения совсем не гарантировали хорошего отношения датчан к России. Датский журналист и исследователь С. К. Расмуссен отмечает, что Россия является «другим» для Европы уже много веков. Европа рассматривает Россию как «выбор между демократией и не-демократией, между Европой и Россией, между Европой и

Азией». Исторические контакты России и Дании зачастую способствовали закреплению общеевропейского образа «другого» в сознании датчан.

По мнению профессора Копенгагенского университета П. У. Мёллера, в глазах датчан русские всегда стояли «на пороге цивилизованной Европы», которой они, по-видимому, никогда не смогут достичь. Мёллер называет те характерные стереотипы о русских, которые датские путешественники щедро использовали в своих книгах в XVIII—XIX вв. Итак, русские сильные и жестокие, невежественные и отсталые, послушные и покорные, они также «деревенские». Русские «пьют, и от них пахнет»; они суеверны и коррумпированы [23, s. 11—16].

В XX в. — особое влияние оказала на это «холодная война» — образ «другого» сохраняется в датском общественном сознании. Представитель Академии обороны Дании Ф. Хансен замечает, что россияне не узнают себя в «российских репортажах» западных СМИ, поскольку исследователи неумышленно проецируют современную Россию на фон Советского Союза времен «холодной войны». Хансен отмечает, что в материалах обычно говорится об ущемлении прав и о войне в Чечне, а также о внешней политике (в том числе и об упоминавшейся выше «энергетической власти») [11].

Нужно отметить, что журналисты ведущих датских СМИ, специализирующиеся на России и Восточной Европе, становятся и авторами книг, посвященных Новейшей истории России. Тем самым их восприятие нашей страны закрепляется и в исследовательской литературе.

Для анализа нами были выбраны материалы четырех датских газет: вечерней «Экстра Бладет», деловой «Берсен», утренних «Юл-ландс-Постен» и «Берлингске»; журнала «Иншенер», новостных порталов «Newz.dk», «Business.dk», «Erhverv På Nettet» («Эрверв По Нет-тет»). Критериями для выбора газет стали их объем, тираж, политическая ориентация и распространение в определенных регионах страны.

После обращения к поисковой системе были взяты материалы сайта компании «Тието» и датского сайта компании «Электролюкс». На наличие статей о российских инновациях проанализированы также сайты «Эрвервс Бладет», «Boliga.dk», «Videnskab.dk», «CopenhagenPostOnline.dk», «Avisen.dk», «MetroXpressen.dk», «NPInvestor.dk», «Sn.dk», «Версион-2». За рассматриваемый период материалов, посвященных современным российским инновациям, здесь опубликовано не было.

Время, за которое рассматривались материалы датских СМИ, — с 1 сентября по 31 декабря 2010 г. Выбор периода не был связан с событиями, происходившими в это время в России и в мире. Для анализа было отобрано 20 публикаций.

Для поиска на сайтах СМИ использовались запросы (на датском языке) «Россия», «российский/российские», «инновации», «Сколково», «Медведев», «исследование», «исследователь». Основным критерием для отбора публикаций было упоминание российских технологий и изделий, характеризующихся как инновационные.

Число материалов в датской печати, в которых рассказывается о современных российских инновациях, крайне невелико; при этом на рас-

смаатриваемую тему предпочитают писать специализированные СМИ, преимущественно технического профиля.

В зависимости от содержания отобранные статьи были разделены на три категории: *позитивные, нейтральные и негативные*.

Между источниками 20 статей распределяются так: 7 — из «Инженер», 3 — из «Юлландс-Постен» (включая материал с портала «Fpn.dk»), 2 — из «Экстра Бладет»; 2 — с сайта «Business.dk». По одному материалу было взято с сайтов изданий «Берсен» и «Берлингске», с порталов «Newz.dk», «Эрверв По Неттет» и сайтов компаний «Тиетоо» и «Электролюкс». Пресс-релизы с сайтов компаний выделены в категорию «прочее». Материалы с сайтов «Business.dk» и «Эрверв По Неттет», а также раздела «Østbloggen» интернет-сайта журнала «Инженер», нельзя назвать газетными статьями, поскольку они опубликованы только в сети Интернет, но выделять их в отдельную группу, по нашему мнению, не нужно.

Среди всех отобранных статей 10 позитивных, 8 нейтральных и 2 негативные. Доминирование позитивных материалов очевидно.

Позитивные материалы посвящены развитию инфраструктуры (открытие высокоскоростной линии между Санкт-Петербургом и Хельсинки), созданию инновационных центров (поддержка научного центра «Сколково» компаниями «Майкрософт» и «Коско», встреча президента России Дмитрия Медведева с губернатором Калифорнии Арнольдом Шварценеггером). В позитивных материалах говорится также о создании инновационных транспортных средств («Сухой Суперджет-100», автомобили «Ё» и «Маруся»). Еще один материал из категории позитивных посвящен созданию российским ученым лекарственного средства, замедляющего процесс старения организма.

В статье, посвященной визиту Шварценеггера в Россию, приводятся его слова, положительно оценивающие инвестиционную привлекательность России: губернатор Калифорнии сравнивает страну с шахтой, полной драгоценностей [7].

Среди событий, которыми, как отмечает в блоге "Østbloggen" журнала «Инженер» А. С. Петерсон, «может побаловать нас Россия в 2011 г.», — начало коммерческой эксплуатации «Сухой Суперджет-100», запуск космического корабля «Союз-ТМ» с космодрома во Французской Гвиане, завершение строительства четвертого реактора на Калининской АЭС и запуск космического зонда на Фобос [15]. В материале, посвященном открытию высокоскоростной железнодорожной линии между Россией и Финляндией, этот же автор замечает, что «скоро можно будет проехать на скоростном поезде от Москвы до Марселя» [14].

Два из восьми нейтральных материалов — пресс-релизы (компаний «Тието» и «Электролюкс»), они скорее позитивные, чем нейтральные.

«Тието» сообщает об организации в России венчурного предприятия [24], а в пресс-релизе «Электролюкса» рассказывается о победе российского дизайнера Ю. Дмитриева на конкурсе, организованном компанией [12].

В материалах с нейтральной характеристикой описываемых событий также говорится о создании инновационных центров (участие «Но-

киа» в создании «Сколково»). Развитию инфраструктуры посвящен материал о восстановлении заброшенных аэродромов; три статьи рассказывают о неудачном запуске спутника системы ГЛОНАСС. Еще в одном материале говорится об оборудовании автомобиля «Лада калина» навигатором этой системы. Про космос рассказывается в статье, посвященной модернизации оборудования космического корабля «Союз».

Два материала, имеющие негативную окраску, — это статья в «Инженер», посвященная аварии ракеты-носителя «Протон» со спутником ГЛОНАСС на борту, и материал сайта «Эрверс По Неттет» «Россия — это шахта с золотом», описывающий визит губернатора Калифорнии Арнольда Шварценеггера в Россию.

«Обычный просчет, который лежал в основе дефекта, из-за которого ракета "Протон" упала в Тихий океан, стоил работы как российскому главному разработчику ракеты, так и вице-директору российской космической организации», — так начинается статья в журнале «Инженер» [16]. Ее автор Т. Андерсен подробно описывает последствия неудачного запуска ракеты-носителя.

Рассказывая о визите в Москву калифорнийского губернатора, Сара Котт замечает: «...критики... настроены скептически относительно "Сколково" и говорят... что будет трудно привлечь иностранных инвесторов, если ничего не сделать с коррупцией и не установить более прозрачных правил» [13].

Президент России Дмитрий Медведев упоминается в 3 материалах из 20. Образ Президента положителен; журналисты отмечают, в частности, что «Сколково» — это «часть плана Президента Дмитрия Медведева по модернизации зависящей от нефти и газа российской экономики» [5].

СМИ Дании сравнивают российские инновации с инновациями, применяемыми в других странах. Проект развития центра «Сколково» рассматривается журналистом "Buisness.dk" наравне с аналогичным проектом Великобритании «Ист Лондон Теч Сити». В другом материале этого интернет-портала «Сколково» называется «российским ответом Кремниевой долине». Журналисты «Юлландс Постен» сравнивают дизайн автомобиля «Маруся» с дизайном «Ламборгини Гаярдо». К. Рихтер («Экстра Бладет») замечает, что в отличие от автомобилей типа «Тойота Приус» российский гибридный автомобиль «Ё» использует не батареи, а генератор. Т. Андерсен («Инженер») напоминает о том, что конкурентами системы ГЛОНАСС являются GPS и "Galileo".

Анализ публикаций датских СМИ, посвященных современным российским инновациям, показал: негативные стереотипы практически никак не сказались на этих материалах. Исключение составили материалы сайта «Эрверс По Неттет» и журнала «Инженер», о которых рассказывалось выше.

Как и представители СМИ Швеции, датские журналисты четко определились со своей позицией относительно российских инноваций: благожелательность и нейтральность присущи большей части публикаций. К сожалению, статьи, посвященные российским инновациям, составляют малую часть материалов, в которых рассказывается о России.

Журналисты России и Дании должны научиться находить больше позитивных моментов в жизни той и другой страны. Необходимо преодолеть взаимные клише и стереотипы друг о друге, а для этого сотрудничество между Россией и Данией должно развиваться и укрепляться.

В настоящее время БФУ им. И. Канта интенсифицирует исследования инновационной сферы стран Балтийского региона, в том числе, относящихся к государствам Северной Европы — Швеции, Дании и Финляндии [1]. Как показали исследования, Россия — хороший партнер для Дании. Наша страна обладает значительным инновационным потенциалом, для реализации которого необходим обмен опытом с «инновационными лидерами» ЕС. Сотрудничество в инновационной сфере должно сократить нынешнее отставание России от Северных стран по эффективности использования инновационного потенциала и внедрению инноваций в экономику.

За период с 2001 по 2009 г. баланс прямых датских инвестиций в Россию возрос более чем в пять раз [9]; на этом фоне отношения между нашими странами просто обязаны выйти на новый уровень, подразумевающий (в числе прочего), активный обмен инновационным опытом.

Список литературы

1. Клемешев А.П. Сравнительная оценка инновационного потенциала стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2011. №2 (8). С. 48—54.
2. Портал о странах и народах мира. 24.06.2009. [Датское видение России]. URL: <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=61> (дата обращения: 01.02.2011).
3. Российская газета. 07.11.2008. [Юрьева Д. О любви и сотрудничестве]. URL: <http://www.rg.ru/2008/11/07/karslen.html> (дата обращения: 01.05.2011).
4. Berlingske. 26.04.2010. [Ellemann-Jensen U. Rusland-Danmark: 500 års fred]. URL: <http://www.b.dk/kronikker/rusland-danmark-500-aars-fred> (дата обращения: 01.02.2011).
5. Business. Dk. 05.11.2010. [Breinstrup T. Europa klar til kamp mod Silicon Valley]. URL: <http://www.business.dk/tech-mobil/europa-klar-til-kamp-mod-silicon-valley> (дата обращения: 01.02.2011).
6. Business. Dk. 02.07.2010. [Gardel U. Det moderne Rusland]. URL: <http://www.business.dk/bny/det-moderne-rusland-0>. (дата обращения: 01.02.2011).
7. Børsen. 11.10.2010. [Buchhave G. Schwarzenegger: Rusland er en guldmine]. URL: http://borsen.dk/nyheder/investor/artikel/1/193165/schwarzenegger_rusland_er_en_guldmine.html (дата обращения: 01.02.2011).
8. Dansk energieffektivitet er et "hot" emne i Rusland. URL: <http://www.ambmoskva.um.dk/NR/rdonlyres/53F1D9C3—0EDE-44F5-9104-0555A0813496/0/NYHEDHjemmesideenergieffektivitet2docrettet.pdf> (дата обращения: 01.05.2011).
9. DI — Organisation for erhvervslivet. [Dansk erhvervsliv fik et kram af den russiske bjørn]. URL: <http://di.dk/Opinion/International%20handel/Pages/Danskerhvervslivfiketkramafdenrussiskebjoern.aspx> (дата обращения: 01.02.2011).
10. DI — Organisation for erhvervslivet. [Russisk besøg styrker båndene til Danmark]. URL: <http://di.dk/Marked/Markeder/Rusland/Pages/Russiskbesog styrker-baandenetilDanmark.aspx> (дата обращения: 01.05.2011)

11. *diVERse*. Kalle Kniivilä. 26.10.2010. [Kniivilä K. Ryssland — ett perifert land?] URL: <http://www.kniivila.net/2010/ryssland-ett-perifert-land/> (дата обращения: 15.01.2011).
12. *Elektrolux* Newsroom Denmark. 24.09.2010. [Induktions-dingenoten The Snail vinder Design Lab 2010]. URL: <http://newsroom.electrolux.com/dk/2010/09/24/induktions-dingenoten-the-snail-vinder-design-lab-2010/> (дата обращения: 01.02.2011).
13. *Erhverv På Nettet*. 11.10.2010. [Kott. S. Schwarzenegger: Rusland er en guldmine]. URL: <http://epn.dk/international/article2210837.ece> (дата обращения: 01.02.2011).
14. *Ingeniøren*. Østbloggen. 15.11.2010. [Petersen A. Med 220 km/t til Sankt Petersborg] URL: <http://ing.dk/artikel/113982-med-220-kmt-til-sankt-petersborg> (дата обращения: 01.02.2011).
15. *Ingeniøren*. Østbloggen. 30.12.2010. [Petersen A. Rusland i 2011] URL: <http://ing.dk/artikel/115192-rusland-i-2011> (дата обращения: 01.02.2011).
16. *Ingeniøren*. 30.12.2010. [Andersen T. Sempel regnefejl bag raket-styrt koster topfolk jobbet]. URL: <http://ing.dk/artikel/115199-simpel-regnefejl-bag-raket-styrt-koster-topfolk-jobbet> (дата обращения: 01.02.2011).
17. *Innovation Union Scoreboard 2010*. The Innovation Union's performance scoreboard for Research and Innovation. 1 February 2011. [Электронный документ]. URL: http://www.proinno-europe.eu/sites/default/files/docs_EIS2010/IUS_2010_final.pdf (дата обращения: 01.05.2011).
18. *Jyllands-Posten*. 12.12.2010. [Munch S. Rusland rykker tættere på Europa]. URL: <http://jp.dk/udland/europa/article2275275.ece> (дата обращения: 01.02.2011).
19. *FUHU*. [Viden over grænser]. URL: <http://fuhu.dk/filer/DEA/Publikationer/2009/Viden%20over%20grænser.pdf> (дата обращения: 01.05.2011).
20. *Forskningsog Innovationsstyrelsen*. [Globalt samarbejde]. URL: <http://www.fi.dk/viden-og-politik/internationalt-samarbejde/globalt-samarbejde> (дата обращения: 01.05.2011).
21. *Forskningsog Innovationsstyrelsen*. [Handlingsplanen InnovationDanmark 2010—2013]. URL: <http://www.fi.dk/viden-og-politik/strategier-og-handlingsplaner/innovationdanmark/innovationdanmark-2010-2013> (дата обращения: 01.05.2011).
22. *Politik i markedsøkonom — En aktørbeskrivelse med fokus på Rusland og Eus gashandel* [Электронный документ]. URL: <http://rudar.ruc.dk/bitstream/1800/2571/1/Ruslandsrapport.pdf> (дата обращения: 01.05.2011).
23. *Rasmussen S.* Barbaren i spejlet — Rusland som Europas "anden" // *Kontur*. Tidsskrift for kulturstudier. 2005. № 11.
24. *Tieto. Dk*. 10.09.2010. [Tieto og I-Teco opretter et joint venture-datacenter i Rusland]. URL: <http://www.tieto.dk/archive/nyheder/2010/tieto-og-i-teco-opretter-et-joint-venture-datacenter-i-rusland> (дата обращения: 01.02.2011).

Об авторе

Рябиченко Аркадий Валерьевич, аспирант, начальник отдела исследований стран Северной Европы НОЦ «Институт Балтийского региона» Социально-гуманитарного парка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: aryabichenko@kantiana.ru

A. V. Ryabichenko

THE IMAGE OF MODERN RUSSIAN INNOVATIONS IN DANISH MASS MEDIA

This article sets out to identify the attitude of Danish mass media to modern Russian innovations. The research is timely because of Russian interest in the experience of Denmark — one of the "innovation leaders" of the EU. The author analyses a number of publications on Russia in Danish mass media. The positive image of Russian innovations in Danish periodicals is analysed against the background of historical stereotypes. The article also describes Danish national innovation system. The image of Russian innovations in Danish mass media is positive; however, the articles dedicated to Russian innovations constitute a small part of reports on developments in Russia. The article also contributes to social surveys carried out in Denmark through introducing new data. The research results can be used by politicians, scholars and social activists interested in the relations with Denmark.

Key words: history of Denmark, public opinion, stereotypes, innovations.

References

1. Dzhanjan S., 2009. Datskoe videnie Rossii, *Portal o stranah i narodah mira*, [online]. Available at: <<http://www.portalostranah.ru/view.php?id=61>> [Accessed 24 June 2011].
2. Jur'eva D., 2008. O ljubvi i sotrudnichestve, *Rossijskaja gazeta*, [online]. Available at: <<http://www.rg.ru/2008/11/07/karslen.html>> [Accessed 07 November 2008].
3. Klemeshev A.P., 2011. Sravnitel'naja ocenka innovacionnogo potenciala stran Baltijskogo regiona. *Baltiyskij region*, №2 (8).
4. Breinstrup T., 2010. Europa klar til kamp mod Silicon Valley, *Business. Dk*, [online]. Available at: <<http://www.business.dk/tech-mobil/europa-klar-til-kamp-mod-silicon-valley>> [Accessed 05 May 2011].
5. Buchhave G., 2010. Schwarzenegger: Rusland er en guldmine, *Børsen*, [online]. Available at: <<http://borsen.dk/nyheder/investor/artikel/1/193165/schwarzenegger-rusland-er-en-guldmine.html>> [Accessed 10 Mart 2011].
6. Danish Agency for Science, Technology and Innovation, 2011. *Globalt samarbejde* [online] (Updated 10 Oct 2011). Available at: <<http://www.fi.dk/viden-og-politik/internationalt-samarbejde/globalt-samarbejde>> [Accessed 01 May 2011].
7. Danish Agency for Science, Technology and Innovation, 2011. *Handlingsplanen InnovationDanmark 2010—2013* [online] (Updated 28 June 2011). Available at: <<http://www.fi.dk/viden-og-politik/strategier-og-handlingsplaner/innovationdanmark/innovationdanmark-2010—2013>> [Accessed 01 May 2011].
8. Danish Society for the Advancement of Business Education, 2009. *Viden over grænser* [pdf]. Available at: <<http://fuhu.dk/filer/DEA/Publikationer/2009/Viden%20over%20graenser.pdf>> [Accessed 01 May 2011].
9. Elektrolux, 2010. *Induktions-dingenoten The Snail vinder Design Lab 2010*. Available at: <<http://newsroom.electrolux.com/dk/2010/09/24/induktions-dingenoten-the-snail-vinder-design-lab-2010/>> [Accessed 24 Mart 2011].
10. Ellemann-Jensen U., 2010. Rusland-Danmark: 500 års fred, *Berlingske*, [online]. Available at: <<http://www.b.dk/kronikker/rusland-danmark-500-aars-fred>> [Accessed 04 April 2011].
11. Gardel U., 2010. Det moderne Rusland, *Business. Dk*, [online]. Available at: <<http://www.business.dk/bny/det-moderne-rusland-0>> [Accessed 02 July 2010].

12. Jullands-Posten, 2010a. Russisk luksusbil skal banke Ferrari, *Jullands-Posten* [online]. Available at: <http://jp.dk/jptv/nyheder_forbrug/biler/article2191250.ece> [Accessed 12 May 2011].
13. Kniivilä Kalle, 2010. Ryssland — ett perifert land? *DiVERse* [blog] 26 October, Available at: <http://www.kniivila.net/2010/ryssland-ett-perifert-land/> [Accessed 01 Mart 2011].
14. Kott, S., 2010. Schwarzenegger: Rusland er en guldmine, *Erhverv På Nettet*, [online]. Available at: <<http://epn.dk/international/article2210837.ece>> [Accessed 11 Mart 2011].
15. Petersen A., 2010 d. Lada med GLONASS, *Ingeniøren. Østbloggen*, [online]. Available at: <<http://ing.dk/artikel/113022-lada-med-glonass>> [Accessed 15 Mart 2011].
16. Petersen A., 2010b. Med 220 km/t til Sankt Petersborg, *Ingeniøren. Østbloggen*, [online]. Available at: <<http://ing.dk/artikel/113982-med-220-kmt-til-sankt-petersborg>> [Accessed 15 Mart 2011].
17. Petersen A., 2010a. Rusland i 2011, *Ingeniøren. Østbloggen*, [online]. Available at: <<http://ing.dk/artikel/115192-rusland-i-2011>> [Accessed 15 Mart 2011].
18. Petersen A., 2010c. Simpel regnefejl bag raket-styrt koster topfolk jobbet, *Ingeniøren. Østbloggen*, [online]. Available at: <<http://ing.dk/artikel/115199-simpel-regnefejl-bag-raket-styrt-koster-topfolk-jobbet>> [Accessed 15 Mart 2011].
19. Rasmussen S., 2005. Barbaren i spejlet — Rusland som Europas "anden". *Kontur*, №11.
20. Richter C., 2010. Ny hybridbil fra Rusland, *Ekstra Bladet* [online]. Available at: <http://ekstrabladet.dk/biler/bil_nyheder/article1478824.ece> [Accessed 15 Mart 2011].
21. Roskilde University Rapport of 2nd half-year 2007. *Politik i markedsøkonom — En aktørbeskrivelse med fokus på Rusland og Eus gashandel* [pdf]. Available at: <<http://rudar.ruc.dk/bitstream/1800/2571/1/Ruslandsrapport.pdf>> [Accessed 01 May 2011].
22. The Confederation of Danish Industry, 2010. *Dansk erhvervsliv fik et kram af den russiske bjørn*. Available at: <[http://di.dk/Opinion/International %20handel/Pages/Danskerhvervslivfiketkramafdenrussiskebjoern.aspx](http://di.dk/Opinion/International_%20handel/Pages/Danskerhvervslivfiketkramafdenrussiskebjoern.aspx)> [Accessed 12 May 2011].
23. The Confederation of Danish Industry, 2010. *Russisk besøg styrker båndene til Danmark*. Available at: <<http://di.dk/Marked/Markeder/Rusland/Pages/RussiskbesoegstyrkerbaandenetilDanmark.aspx>> [Accessed 25 May 2011].
24. The Danish Embassy in Moscow, 2010. *Dansk energieffektivitet er et "hot" emne i Rusland* [pdf]. Available at: <http://www.ambmoskva.um.dk/NR/rdon-lyres/53F1D9C3-0EDE-44F5-9104-0555A0813496/0/NYHED_hjemmesideen-ergieffektivitet2docrettet.pdf> [Accessed 10 Mart 2011].
25. The Maastricht Economic and social Research and training centre on Innovation and Technology (UNU-MERIT) Report of 1 February 2010. *The Innovation Union's performance scoreboard for Research and Innovation* [pdf]. Available at: <http://www.proinno-europe.eu/sites/default/files/docs_EIS2010/IUS_2010_final.pdf> [Accessed 01 May 2011].
26. Tieto, 2010. *Tieto og I-Teco opretter et joint venture-datacenter i Rusland*. Available at: <<http://www.tieto.dk/archive/nyheder/2010/tieto-og-i-teco-opretter-et-joint-venture-datacenter-i-rusland>> [Accessed 01 Mart 2011].

About author

Arkady V. Ryabichenko, PhD student, head of the North European studies unit, Baltic Region Institute, Social Sciences and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: aryabichenko@kantiana.ru

В. В. Пштыка

**ПРОТОКОЛ
КАК ИНСТРУМЕНТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Протокол — как официальный (государственный, дипломатический), так и деловой — достаточно активно используется в международных отношениях на разных уровнях. В России вопросы применения норм протокола в бизнесе становятся актуальными в последние годы, в связи с чем возникает проблема организации обучения протоколу, в университетах страны.

Цель данного научного сообщения — определение потребности профессионального изучения протокола в университетах России.

В данном научном сообщении проведен анализ уровня преподавания протокольных дисциплин в Европе и России, рассмотрены результаты первого международного форума «Служба протокола». Главный вывод исследования заключается в том, что существует необходимость профессиональной подготовки специалистов в сфере протокола, а следовательно, и организации соответствующей специализации. Исследование позволит российским университетам начать работу по созданию учебно-методических комплексов по протокольной тематике.

Ключевые слова: дипломатический протокол, государственный протокол, деловой протокол, международные экономические отношения.

Сегодня в международных отношениях участвуют компании более 200 стран мира. При этом в каждом государстве своя политическая обстановка, история, традиции и культура; в каждой компании, в свою очередь, существуют свой устав, свои требования к партнерам и сотрудникам. Всё это создавало серьезные сложности в развитии международных связей. Однако после выработки международных норм и правил поведения, регламентирующих различные отношения между государствами (от невмешательства во внутренние дела друг друга до оформления деловых писем), выстраивание взаимовыгодных и уважительных отношений на международной арене стало проще [1].

Инструмент реализации принципов международного общения — это дипломатический протокол, нормы которого закреплены в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.

Среди множества определений дипломатического протокола выделяют следующее: «Дипломатический протокол — совокупность общепринятых традиций и условностей, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел, дипломатическими представительствами

и официальными лицами в международном общении» [2, с. 108]. Данное определение — наиболее полное и отражает всю суть протокольной международной деятельности.

Слово «протокол» происходит от греческого «protokollon» (*protos* — *первый* и *kolla* — *клеить*) — так в Средние века обозначалось оформление документов и ведение архивов. В этом значении термин часто употребляют и сегодня, например «протокол собрания». Позже слово «протокол» стали употреблять в дипломатии: так, в Византии им называли первую часть составленного в торжественных выражениях документа с перечислением высоких лиц. Со временем слово «протокол» стало применяться к правилам ведения дипломатических дел [3].

Нормы дипломатического протокола не были «изобретены» или придуманы определенной страной или командой дипломатов — они стали итогом долговременных взаимоотношений государств. Поэтому протокол является историко-политической категорией [4].

Протокольная практика разделяется на официальную (государственную, дипломатическую) и деловую. Государственный протокол регулирует отношения, происходящие на национальном уровне, дипломатический протокол определяет международные нормы поведения. В последнее время актуальными стали вопросы применения делового протокола, который регулирует отношения в бизнес-среде, используя при этом правила и нормы, сложившиеся в международной и национальной протокольной практике [1].

В крупных компаниях все чаще появляются должности специалиста по протоколу, или протоколиста. Создаются протокольные структуры: отделы или целые управления — в зависимости от уровня компании, количества партнеров, особенно зарубежных.

Деловой протокол во многом близок к государственному и дипломатическому, так как опирается на те же основы. Однако правила делового протокола более гибкие и могут легче адаптироваться к определенным особенностям ситуации.

В западной практике партнерских отношений нормы протокола в деловой бизнес-среде уже давно сложились, а профессия протоколиста является востребованной как в государственных учреждениях, так и в сфере бизнеса. Например, в США протокольные отделы есть во всех государственных гражданских и военных структурах, начиная от Белого дома и заканчивая университетами [3]. В России же профессия специалиста по протоколу пока крайне редка, но в последнее время также становится все более востребованной.

Раньше основы протокольной практики изучали лишь представители дипломатических кругов, а сейчас и бизнес-сообщество нуждается в соответствующих знаниях. В современном мире, когда бизнес играет большую роль в экономическом развитии каждого государства, когда международные связи российских компаний расширяются, знания тонкостей межкультурного общения и нюансов протокола обретают большое значение, особенно для крупных компаний, работающих на международном уровне.

Деловой протокол выступает инструментом, который используют бизнесмены для выстраивания партнерских отношений при создании международных совместных предприятий, количество которых в последние годы значительно выросло. Успешное сотрудничество российских компаний с иностранными становится возможным во многом благодаря тому, что руководителями протокольных служб данных предприятий правильно организуются переговоры, грамотно выстраивается переписка, профессионально проводятся круглые столы — ведь все данные мероприятия регламентируются протокольной практикой. Внешнеэкономические связи субъектов РФ также тесно связаны и во многом зависят от протокольной практики.

Международные экономические отношения российских компаний сейчас достаточно активно развиваются. Фирмы, особенно расположенные в приграничных регионах страны, расширяют и укрепляют контакты с зарубежными партнерами. Поэтому для сотрудников компаний, имеющих цель выйти на международную бизнес-арену и закрепиться там, знание дипломатического и делового протокола становится необходимым для выстраивания отношений с партнерами — потенциальными инвесторами в российский бизнес.

Протокольные аспекты подписания партнерских соглашений имеют большое значение, порой неоцененное и незамеченное, несмотря на то, что протокольными правилами регулируются важные элементы успешного партнерского сотрудничества с иностранными коллегами. Деловая переписка, переговорный процесс, составление договоров и соглашений — все правила и нормы, принятые в государственном и дипломатическом протоколе, — успешно используются в протоколе деловом.

Нормы межкультурного общения и протокола важны при выстраивании долгосрочных партнерских экономических отношений именно на международной арене. При этом нужно отметить, что большинству российских бизнесменов протокольные правила знакомы в меньшей мере, чем их иностранным партнерам. А экономическое сотрудничество на международном уровне требует знания тонкостей и нюансов протокольной практики стран, с которыми выстраиваются партнерские отношения. В этой связи достаточно важно учитывать самые разные моменты: уровень встречи гостя, организация переговоров, проведение культурной программы и т. д. Все это становится факторами успешного ведения бизнеса, не менее важными, чем правильно составленный договор и рентабельность производства.

Дисциплины, изучающие правила протокольной деятельности, в образовательной среде России представлены лишь в нескольких университетах: МГИМО (У) МИД РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, где готовят специалистов в сфере протокола. Однако профильное образование по дипломатическому и государственному протоколу в Российской Федерации получить невозможно из-за того, что соответствующая специализация не представлена в российской образовательной среде.

В Европе же не только существует специальность протоколиста, но даже есть отдельные университеты, такие, как Международная школа протокола и дипломатии в Брюсселе, где готовят высококлассных специалистов по протоколу, востребованных во всем мире [5].

В начале июня 2011 г. в Москве прошел первый международный форум «Служба протокола» [6]. Главным модератором форума выступил В. Н. Шевченко — чрезвычайный и полномочный посол РФ, председатель Национальной протокольной ассоциации. Данное мероприятие собрало ведущих протоколистов России и зарубежья и стало шагом к консолидации профессионального протокольного сообщества. По итогам форума была сформирована Национальная ассоциация специалистов по протоколу. Форум станет ежегодным, а деятельность Национальной ассоциации специалистов по протоколу будет направлена на внедрение в практику российских государственных органов и предпринимательских кругов международно признанных стандартов деловых коммуникаций, а также на объединение и структурирование знаний в сфере дипломатического и государственного протокола.

В последнее время важность использования делового протокола в бизнесе ставится в один ряд с дипломатическим и государственным протоколом. Кроме того, знание тонкостей делового протокола способствует повышению профессиональной грамотности бизнесменов, которые заинтересованы в том, чтобы иметь в своем штате протоколиста. Данная профессия становится востребованной на рынке трудовых услуг России в различных сферах деятельности — от организационного комитета олимпиады до протокольных отделов региональных правительств.

Международный форум «Служба протокола» — подтверждение того, что использование протокольных мероприятий становится актуальным и популярным на территории нашего государства не только в дипломатической среде, но и в бизнес-сообществе и сфере образования. Разработка и введение в вузах специализации, а впоследствии и специальности по государственному, дипломатическому и бизнес-протоколу будут способствовать появлению квалифицированных специалистов в данной области.

В настоящее время только несколько вузов РФ имеют разработанные учебные курсы по протокольной тематике. На мой взгляд, многим университетам России стоит уже сейчас задуматься о создании учебных программ, учебно-методических комплексов и начинать готовить специалистов по протоколу.

Список литературы

1. *Борунков А. Ф.* Дипломатический протокол в России. Изд. 3-е, доп. М., 2007.
2. *Вуд Д., Серре Ж.* Дипломатический церемониал и протокол. М., 1974.
3. *Семилетников Н. А.* Дипломатический и деловой протокол: учеб.-метод. пособ. Минск, 2008.
4. *Лядов П. Ф.* История российского протокола. М., 2004.

5. *Международная школа дипломатии и протокола в Брюсселе*: [сайт]. URL: <http://ispdbrussels.org> (дата обращения: 07.06.2011 г.)

6. *Служба протокола*: [сайт]. URL: <http://protocol-service.ru> (дата обращения: 09.06.2011 г.)

Об авторе

Пштыка Вадим Вадимович, аспирант кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: pshtyka@mail.ru

V. V. Pshtyka

DIPLOMATIC PROTOCOL AS A FORM OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Both the official (state and diplomatic) and business protocol is frequently used in Europe; in Russia, it has become a focus of attention over the recent years. Thus, there arises a need for the teaching of protocol. However, this aspect has not been tackled effectively by Russian universities.

This report is aimed to identify the need for the professional study of protocol at Russian universities.

This paper analyses the level of teaching of protocol disciplines in Europe and Russia and considers the results of the first Russian forum on protocol. The main conclusion drawn is that there is a need for introducing a profession of an expert in protocol into Russian science. This research will help Russian universities create training plans for protocol disciplines.

Key words: diplomatic protocol, state protocol, business protocol, international economic relations.

References

1. Borunkov, A.F., 2007. *Diplomaticheskij protokol v Rossii*. M.: Mezhdunar. Otnoshenija.
2. Vud, D., Serre, Z., 1974. *Diplomaticheskij ceremonial i protokol*. M.: Progress.
3. Semiletnikov, N.A., 2008. *Diplomaticheskij i delovoj protokol: ucheb.-metodich. Posobie*. Mn.: Akad. Upr. Pri Prezidente Resp. Belarus'.
4. Ljadov, P.F. 2004. *Istorija rossijskogo protokola*. M.: Mezhdunar. Otnoshenija.
5. *Mezhdunarodnaja shkola diplomatii i protokola v Brjussele*. Available at: <http://ispdbrussels.org> [Accessed 7 June 2011].
6. *Sluzhba protokola*. Available at: <http://protocol-service.ru> [Accessed 9 June 2011].

About author

Vadim V. Pshtyka, PhD student, Department of Sociocultural Services and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: pshtyka@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

УДК 338 (091)

М. В. Вдовин

ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ XVI—XVII ВЕКОВ: МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

Обзор публикаций по проблемам новой институциональной экономической истории показывает, что число работ, посвященных анализу влияния исторических событий на особенности выбора институтов и последующее экономическое и социальное развитие регионов, в последние десятилетия увеличилось. В настоящей работе при помощи подхода «новой институциональной экономической истории» рассматриваются особенности выбора режима прав собственности на землю и крепостного права в Московском государстве и Речи Посполитой (ранее — Великом княжестве Литовском) в XVI—XVII вв. Автор выделяет факторы, определявшие особенности выбора институционального пути развития, а также рассматривает, какое влияние институты оказали на военно-политическое развитие данных государств. В работе показано, как условные права собственности в Московском государстве оказываются конкурентоспособными в условиях значительного вклада децентрализованных факторов в обороноспособность и, в отличие от Речи Посполитой, обеспечивают формирование крупного и эффективного войска. Работа вносит вклад в исследование институтов прав собственности и в изучение экономической истории России.

Ключевые слова: институциональная экономика, исторический анализ, крепостное право, права собственности, Московское царство, Речь Посполитая.

Последние десятилетия отмечены увеличением количества работ, посвященных анализу влияния исторических событий на особенности выбора институтов и последующее экономическое и социальное развитие регионов. Данное направление носит название *новой институциональной экономической истории* (New Institutional Economic History, NIEH)¹. Главный вывод, который делают исследователи в рамках

¹ Подробный обзор работ и подхода NIEH приведен в [1; 2].

НИЕН, заключается в том, история «имеет значение». Различные экзогенные факторы (природные ресурсы, климат, правовые институты, установленные в процессе колонизации, политическое неравенство) связаны с особенностями выбора институтов (прежде всего, института прав собственности), которые, в свою очередь, оказывают влияние на экономическое развитие.

С позиции подхода НИЕН в настоящей работе рассматриваются особенности выбора основополагающих институтов в Московском государстве и Речи Посполитой (ранее — Великом княжестве Литовском) в XVI—XVII вв., а именно режима прав собственности на землю и крепостного права, и выделяются факторы, обусловившие данный выбор. На протяжении взятого к рассмотрению исторического отрезка Московия и Речь Посполитая были ключевыми игроками на военной и политической карте Восточной Европы и при этом непримиримыми религиозными соперниками. Но помимо политических, военных и религиозных аспектов конкуренции возможно говорить и о конкуренции на институциональном уровне. В данном случае под конкуренцией подразумевается не прямое столкновение институтов друг с другом, а их разнонаправленное влияние на социально-политическую и военную сферы, приводящее к различным экономическим и военным результатам, а как следствие — к более широкому распространению или, наоборот, отказу от выбранных институтов.

В течение XVI—XVII в. институциональный выбор в указанных государствах осуществляется для двух ключевых рынков — земли и труда. Институциональным решением становится выбор одной из двух альтернатив для каждого из рынков: свободный труд — несвободный труд (крепостничество) и безусловная собственность (вотчинное землевладение) — условная собственность (поместное землевладение). История свидетельствует о том, что данный выбор был различен для Московии и Речи Посполитой. Если в обоих государствах был осуществлен выбор в пользу несвободного труда (как будет показано выше, данный выбор обуславливался различными причинами), то в отношении режимов прав собственности выбор оказался противоположным: в Московском государстве условные права собственности получили широкое распространение, тогда как в Речи Посполитой они были вытеснены безусловными. Эти особенности институционального развития требуют отдельного объяснения, которое может дать анализ альтернатив исторического развития.

Крепостное право и поместная собственность как социальный контракт

С позиции институционального анализа установление крепостного права и распространение поместной собственности, которое наблюдалось, к примеру, в Московском государстве, может быть рассмотрено как заключение негласного социального контракта между верховным

правителем и дворянами. Для этого верховный правитель ограничивает права частной собственности на землю, подрывает силу крупных землевладельцев-вотчинников (монастырей, земельной аристократии) и, опираясь на интересы другой группировки — поместных землевладельцев, обязанных служить взамен получения права распоряжения государственной землей, — становится главным земельным собственником. Введение крепостного права, выразившееся в ограничении мобильности крестьян и создании монополии на рынке труда, — это необходимый шаг для поддержания помещиков как лояльной власти группы интересов, которой в условиях крепостного права достается избыточный продукт крестьян. Взамен помещики соглашаются ослабить права собственности на землю и отказываются от реализации политических функций, ограничиваясь лишь военной и административной службой.

Социальный контракт будет поддерживаться (т. е. в государстве будет доминировать условная собственность и установлено крепостное право), если его поддержание окажется выгодным указанным группам интересов — верховному правителю и дворянам. В противном случае социальный контракт будет расторгнут, и условная собственность на землю и крепостное право перестанут выступать равновесными институтами.

Определим, какие факторы оказывают влияние на поддержание негласного договора. Помещики будут более заинтересованы в поддержании контракта при увеличении площади пашенной земли и роста цен на продукт труда — зерно. При данном условии они получают возможность увеличить свою прибыль, а следовательно, стимулы для поддержания договора с их стороны возрастают. Высокие издержки несения военной службы (необходимость выступить в поход, экипировав себя и слуг), наоборот, уменьшают стимулы помещиков к поддержанию договора: если издержки слишком велики, они могут превысить монополистическую прибыль помещика, извлекаемую с выделенной ему земли. Наконец, существование системы репрессивных мер, внеэкономических издержек для уклонистов и изменников (репутационных, морально-религиозных): если наказание за отступничество существенно и очень вероятно, стимулы поддержания для договора оказываются выше и могут существовать даже когда монополистический доход помещика от крепостных крестьян не очень велик².

Интересам верховного правителя соответствует формирование крупной и боеспособной армии. Именно поэтому он заинтересован в поместной собственности: в данном случае правитель получает возможность быстро сформировать крупную армию, не затратив на это личных и государственных средств, так как помещики обязаны нести

² Более подробный анализ стимулов помещиков и верховного правителя для поддержания социального контракта в Московском царстве приведен в [3].

службу с выделенной им земли. Стимулы для поддержания поместной собственности оказываются выше, когда вклад децентрализованных факторов (поместного ополчения, конницы) в обороноспособность высок. И наоборот: по мере развития военного дела и увеличения значимости централизованных факторов (таких, как артиллерия, полки «нового строя»), когда численность армии становится не столь существенной, а большую роль начинает играть ее инфраструктура, военная выучка и дисциплина, стимулы верховного правителя к поддержанию социального контракта падают.

Покажем теперь, как с позиции представленного подхода могут быть интерпретированы особенности выбора институционального развития в Московии и Речи Посполитой.

Права собственности на землю и возникновение крепостного права в Московском государстве

Историю России XVI в. делит на две совершенно разные эпохи — удельную и московскую, для которых, помимо прочего, были свойственны и конкурирующие типы земельных отношений — вотчинное и поместное землевладение. Именно к XVI в. распространение получает институт условного поместного землевладения, выбор которого закладывает основу военно-служилой организации Московского государства. Данную развилку истории можно проследить на примере завещаний московских князей. Перед смертью Дмитрий Донской гарантирует своим боярам права собственности на их землю и признает их полноправными собственниками (XIV в.):

...с вами великое княжество велми укрепих, и мир и тишину княжению своему сотворих, и державу отчины своя соблюдох... и кикому же вас зла сотворих, ни силою отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбив, ни обезествив... вы же не нарекоtesя у меня бояре, но князи земли моей [4, с. 398].

Но уже менее чем через два столетия Иван Грозный в письме польскому королю Сигизмунду Августу четко (и в свойственной лишь ему манере) обозначает те перемены, которые произошли в Московском государстве:

...наших великих государей вольное царское самодержство не как ваше убогое королевство; а нашим великим государем не указывает никто, а тебе твои панове как хотят, так укажут... а наши все государи самодержцы, и никто же им не может указа чинити, и вольны добрых жаловати, а лихих казнити [4, с. 408].

Поместная система внезапно появилась в Московском государстве при Иване III в конце XV в. и быстро получила распространение [5]. Создание поместной системы связывается современниками и историками с копированием Османской системы [6; 7], а эпоха становления Московского государства в конце XV в. была временем переименования турецких порядков и преобразования России по османскому образцу [8].

Окончательное оформление поместной системы при Иване Грозном, когда был зафиксирован порядок и принцип службы с земли «конно, людно и оружно», позволило обеспечить формирование одной из крупнейших армий того времени, которая могла сравниться лишь с армией султана. По отзывам современников, если раньше войско московского царя было невелико, то при Иване Грозном, когда каждый дворянин мог привести с собой одного или двух «боевых холопов», оно достигало 80 тыс. человек, а по некоторым (возможно, преувеличенным) отзывам двух армий по 100 тыс. человек каждая [9; 10]. Тем самым была достигнута задача повышения уровня обороноспособности, а Московия подтвердила свое право на суверенитет и получила возможности для дальнейшего расширения территорий. В условиях значительного влияния децентрализованных факторов на обороноспособность верховный правитель как никто другой был заинтересован в формировании крупной поместной армии и, как следствие, имел существенные стимулы для поддержания социального контракта «земля в обмен на службу».

Не меньшими стимулами для поддержания негласного договора обладали и помещики. Во-первых, именно им в результате ведения военных действий и присоединения земель в XVI в. доставались новые поместья. Внедрение крепостного права было необходимо, чтобы искоренить конкуренцию за крестьян между помещиками в условиях роста площади земель и предотвратить крестьянские побегі. Данный вывод соответствует гипотезе Е. Домара о влиянии избытка земель на стимулы к установлению крепостного права в России [11].

Во-вторых, начиная с «Уложения о службе» Ивана Грозного четко устанавливается принцип формирования войска: помещик обязан выставить одного воина со 150 десятин земли и являться на смотры «конно, людно и оружно». Специально обратим внимание, что обязанности помещика соотнесены с площадью земли, находящейся в его распоряжении, для того, чтобы закрепить издержки помещика на несение военной службы и гарантировать поддержание социального контракта.

Наконец, отказ от службы московскому царю в XVI в. начинает расцениваться не просто как отказ от заключения контракта между свободным и независимым землевладельцем и верховным правителем, как это было раньше, а как государственная измена. Наличие наказания за отступничество (отъем собственности, разорение поместья) могло выступать весомым стимулом для поддержания социального контракта, который дополнялся различными вариантами внеэкономического принуждения. У помещика существовали значимые репутационные издержки, препятствующие нарушению договора «земля в обмен на службу». Так, при переходе на службу к московскому царю дворянин должен было подтвердить контракт личным крестоцелованием, поручительством митрополита и служилых людей. Для ослушника выход из этого «картеля» теперь мог грозить и религиозной карой, и разрывом взаимоотношений с «коллегами».

Установление подобной системы в Московии, вероятно, воспринималось (и фактически являлось) как оптимальное решение в борьбе за суверенитет и обеспечение безопасности жителей. Тем не менее нельзя расценивать османскую альтернативу как единственно доступную для того времени. Московия взаимодействовала также с другими государствами и могла рассматривать в качестве альтернативы институту «власти-собственности» институт частной собственности, получивший распространение в Ливонии и Речи Посполитой. Причиной отказа от данного варианта развития, возможно, послужили конфессиональные противоречия, так как Великое княжество Литовское оставалось католическим государством и с точки зрения московских князей выступало как противник православия [12]. В то же время военные преимущества турецкой модели были столь очевидны, что позволяли закрыть глаза на то, что она копировалась у «поганных».

«Второе издание крепостничества» в Речи Посполитой (ранее — Великое княжество Литовское)

Пример Речи Посполитой свидетельствует о том, что существовали и альтернативные пути институционального развития. В отличие от Московии, рост феодальной земельной собственности в этом регионе был связан с упрочением владельческих прав и развитием безусловных прав собственности. Отсутствие крепкой центральной власти способствовало усилению позиций рыцарства. Вследствие ослабленной централизованной власти социальный контракт не мог поддерживаться действенным инфорсментом со стороны государства. Условная собственность не получает в Речи Посполитой такого широкого распространения, как в Османской империи или Московии. Крупные вассалы смогли добиться привилегированного ленного права, которое обеспечивало им вечна наследственное владение ленным имением.

Параллельно с развитием режима безусловной собственности на землю происходит закрепощение крестьян, скопированное с римской системы рабовладения, а экономика приобретает рыночный и экспортный характер, во многом напоминая экономику рабовладельческого Юга в США. Уже в 30—40-х гг. XVI в. на фоне «революции цен», произошедшей в Западной Европе (и ознаменованной ростом цены на хлеб, лен, пеньку, скот), распространение получает фольварочно-барщинная (мызная) система ведения феодального хозяйства. Феодалы используют внешний фактор, добавляя к своим доходам, которые традиционно составляют натурально-денежные поступления от крестьян, доходы от мызных хозяйств, продавая зерно для экспорта в Англию и Голландию. В структуре доходов мызного хозяйства начинают преобладать доходы не от крепостных крестьян (продуктами и деньгами), а именно от мызы. При этом 70—90 % стоимости всех мызных доходов составляла зерновая продукция, а 40—50 % собранного урожая в крупных хозяйствах шло на экспорт. Тенденция к усилению барщинного хозяйства и закрепощению крестьян особенно за-

метна в районах, расположенных недалеко от сплавных рек: близость к большим экспортным гаваням (Нарва, Таллин, Пярну, Рига) и удобство подвоза грузов по водным и сухопутным трактам служили дополнительными стимулами для помещиков [13].

Сценарий высоких цен на хлеб и закрепощения крестьян был характерен для многих стран Восточной Европы (Речи Посполитой, Чехии, Пруссии, Померании). В отличие от «московитского» крепостного права, здесь уже получили широкое распространение институты рынка и частной собственности, поэтому «второе издание» крепостничества в названных странах традиционно объясняется ростом спроса на хлеб [14]. Усиление крепостничества выражалось в стремлении феодалов ликвидировать право крестьянского выхода из имений и найти способы борьбы с их бегством. Однако, в отличие от других стран (например, Московского государства), где обеспечение интересов дворян взяла на себя сильная центральная власть, законодательство о беглых крестьянах приняло форму территориально-сословных договоров (например, "einigungen" в Ливонии). Борьба за рабочие руки между помещиками обострялась в момент опустошений, например в период Ливонской войны. Поэтому феодалы заключали частные договоры, обязуясь не сманивать чужих крепостных, а в случае появления таковых выдавать их чужой стороне. Для принудительного возвращения беглецов создавался специальный полицейско-судебный аппарат «гакенгерихтов», которые тем не менее имели локальный, а не общегосударственный характер [15].

Таким образом, в Речи Посполитой в силу влияния внешних факторов (высокой стоимости экспортного зерна) помещики на частном уровне, без вмешательства государства и заключения социального контракта, смогли установить монополию на рынке труда, что привело к появлению «второго крепостного права». Это подтверждает ранее высказанную идею о том, что при росте цены на продукт труда увеличивается прибыль монополиста и растут стимулы помещиков для установления крепостного права. В то же время отсутствие сильной государственной власти не позволило осуществить смену режима прав собственности на землю в пользу условной собственности. Шляхта как доминирующая политическая сила была заинтересована в сохранении своих земель и могла извлекать монополистическую прибыль, осуществив «второе издание крепостничества» без привлечения государства.

Конкуренция институтов и последствия институционального выбора

Проведенный сравнительный анализ развития прав собственности на землю и причин возникновения крепостного права позволяет выделить ключевые факторы для поддержания социального контракта «земля в обмен на службу» и объяснить особенности институционального развития в Московии и Речи Посполитой (табл.).

**Значимость факторов, влияющих на поддержание
социального контракта «земля в обмен на службу»**

Фактор	Социальный контракт «земля в обмен на службу» поддерживается (условные права собственности + крепо- стное право)	Социальный кон- тракт не поддержи- вается (распростра- нено только крепо- стное право)
	Московия	Речь Посполитая
Ресурсное наделение (наличие свободных земель для раздачи в обмен на службу)	+	—
Наличие сильной централизованной власти	+	—
Укрепление слоя, заинтересованного в безусловных правах собственности	—	+
Производство продукции, ориентированной на экспорт (зерно)	—	+
Высокий вклад децентрализованных факторов в обороноспособность	+	—

Исторические последствия институционального выбора в рассматриваемых государствах оказываются не столь предсказуемыми и логичными. Пример Речи Посполитой свидетельствует о том, что распространение «хороших» институтов безусловных прав собственности на землю, обеспечивающих защиту прав собственности и наличие стимулов к инвестициям, не является единственным и достаточным фактором экономического развития в долгосрочной перспективе.

Слабость государственной власти приводит к тому, что история Речи Посполитой делится на два этапа: «золотой век» польской шляхты, последовавший после подписания Люблинской унии в 1569 г. (возникновения Речи Посполитой) и череда военных поражений в XVII в. (от казаков Богдана Хмельницкого, Шведский потоп), закончившихся тремя разделами Польши в конце XVIII в. и исчезновением империи. Преобладание экспортно-ориентированного сельского хозяйства и становление крепостного права позволяли шляхте извлекать монополистический доход, который направлялся на внутреннее потребление (например, товары роскоши). В отличие от Московии, в Речи Посполитой нельзя говорить о поддержании социального контракта между верховным правителем и помещиками. В политической сфере шляхта преследовала узкокорпоративные интересы, была заинтересована в решениях местечковых проблем, позволявших увеличить личный доход, и в гораздо меньшей степени — в решении общегосударственных вопросов, прежде всего обороноспособности.

К середине XVII в., после ряда болезненных поражений, становится явной несостоятельность шляхетского ополчения. Польская кавалерия

и знаменитые польские «крылатые» гусары плохо подходили для ведения войны в новых условиях — осады крепостей и столкновениях с пехотой, вооруженной мушкетами. Отсутствие сильной централизованной власти, когда король «правил, но не управлял», а шляхта была уверена в незыблемости своих финансовых и политических свобод, приводило к тому, что у короны не было достаточных доходов для реформирования армии [16]. В условиях, когда соседние абсолютные монархии активно модернизировали армию (например, шведский король Карл Густав, поняв невозможность победить польскую конницу численно превосходящим войском, сделал упор на укрепление дисциплины и развитие артиллерии), Польша не располагала ни финансовыми, ни политическими ресурсами для перестройки своей поместной армии. В результате к концу XVIII в. Речь Посполитая перестала быть независимым государством и из одного из крупнейших государств Европы превратилась в объект раздела территорий для более сильных соседей.

В похожую «ловушку» попадает и Московское царство начиная с XVII в. Реформирование (отказ от поддержания социального контракта) означало бы резкое падение уровня обороноспособности, поэтому не могло быть осуществлено одномоментно и в короткие сроки. С другой стороны, по мере роста вклада централизованных факторов в обороноспособность становятся очевидными недостатки поместного войска. В 1610 г. в битве при Клушино польские «крылатые» гусары наголову разбили поместное войско Дмитрия Шуйского, в четыре раза превосходящее их по численности, что стало первым знаком неэффективности поместной системы и сформированного при его помощи войска. В разгроме при Конотопе в 1659 г. поместное войско понесло настолько существенные потери, что фактически навсегда утратило свое прежнее значение.

Однако Московия (и позднее Российская империя) смогла осуществить военную модернизацию, обладая сильной государственной властью. Тем не менее отказ от модели «военная служба за землю» носил постепенный характер и занял более двух столетий. Во-первых, в 1630—1670-х гг. создаются «полки нового строя», формируемые из безземельных дворян и «детей дворянских», которые служат за хлебное и денежное жалование [16]. Во-вторых, после указа 1762 г. дворяне освобождаются от обязательной военной службы, однако сохраняют за собой право на владение крепостными. Хотя военная служба носит добровольный характер, она по-прежнему затрагивает большинство дворян, так как наряду с доходами от крепостных крестьян является источником средств к существованию для дворянства. Наконец, финальная реформа предпринимается лишь после окончательного кризиса системы — поражения в Крымской войне XIX в., вызванного техническим отставанием русской армии. По мере уменьшения вклада децентрализованных факторов в обороноспособность вероятность поддержания социального контракта со стороны царя становилась меньше, но только проигрыш в Крымской войне послужил решающим стимулом для окончательного разрыва социального контракта и отмены крепостного права.

Заключение

История Московии и Речи Посполитой — государств с различными путями институционального развития — свидетельствует о том, что согласно подходу NIEH экономические институты формируются под воздействием различных внешних факторов и оказывают влияние на последующее их экономическое и политическое развитие.

При этом исторический анализ показывает, что институты, рассматриваемые с позиции экономической теории как «плохие» и неэффективные, могут оказаться конкурентоспособными в определенных исторических реалиях. Например, условные права собственности в Московии, несмотря на очевидное негативное влияние на экономическую сферу, становятся конкурентоспособными в условиях высокого вклада децентрализованных факторов в обороноспособность и обеспечивают формирование крупного и эффективного войска. Наоборот, режим безусловных прав собственности в Речи Посполитой при слабости государственной власти позволяет максимизировать прибыль отдельных групп интересов — шляхты, но не способен обеспечить реализацию важных государственных задач, таких, как модернизация армии.

Список литературы

1. Nunn N. The Importance of History for Economic Development // *Annual Review of Economics*. 2009. № 1. P. 65—92.
2. Greif A. Micro Theory and Recent Developments in the Study of Economic Institutions Through Economic History. URL: <http://www.econ.man.ac.uk/data/070/766/1216/9611132.pdf> (дата обращения: 20.12.2010).
3. Вдовин М. С. Моделирование закрепощения крестьян в Московском царстве. URL: <http://issuu.com/mikevdovin/docs/> (дата обращения: 20.12.2010).
4. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.
5. Vernadsky G. On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History // *Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences*. 1945. Vol. 36. P. 24—36.
6. Виппер Р. Г. Иван Грозный. М., 1944.
7. Крижанич Ю. Политика. М., 1997.
8. Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // *Вопросы истории*. 2002. № 11. С. 30—53.
9. Фоскарини М. Рассуждения о Московии // *Иностранцы о древней Москве*. М., 1991.
10. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.
11. Domar E. The causes of slavery or serfdom: a hypothesis // *J. of Economic History*. 1970. P. 18—32.
12. Латов Ю. В. Власть-собственность в средневековой России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2004. Т. 2, № 4. С. 111—133.
13. Doroshenko V. Trade and agrarian development in the Baltic provinvs 15th-19th centuries. Tallin, 1974.
14. Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // *Вопросы истории*. 1958. № 2. С. 96—119.

15. Дорошенко В. В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960.

16. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М., 2010.

Об авторе

Вдовин Михаил Сергеевич, аспирант, факультет экономики, Национальный исследовательский университет — высшая школа экономики.

E-mail: m_vdovin@mail.ru

M. S. Vdovin

THE FEATURES OF CHOOSING AN INSTITUTIONAL DEVELOPMENT TRAJECTORY IN EASTERN EUROPE IN THE 16th-17th CENTURIES: MOSCOWY AND RZECZPOSPOLITA

Recent decades have witnessed an increase in the number of works dedicated to the analysis of effects of historical events on the choice of institutions and further economical and social development of regions. This article employs the new institutional economics theory approach to consider the choices regarding title to land and serfdom in Moscow and Rzeczpospolita (earlier the Grand Duchy of Lithuania) in the 16th-17th centuries. The author emphasises the factors, which have affected the choice of institutional development trajectory, and considers the influence exerted by these institutes on the political and military development of these states. This article shows how the contingent property rights in Moscow turned out to be competitive in the conditions of a considerable contribution of decentralisation factors to defence capacity and, opposite to the situation in Rzeczpospolita, ensured the formation of large and efficient troops. This work contributes to research on property rights and Russian economic history.

Key words: institutional economy, historical analysis, serfdom, property rights, Moscow, Rzeczpospolita.

References

1. Nunn, N., 2009. The Importance of History for Economic Development. Annual Review of Economics. № 1, pp. 65—92
2. Greif, A., 1996. Micro Theory and Recent Developments in the Study of Economic Institutions Through Economic History. Available at: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/070/766/1216/9611132.pdf> [Accessed 20 December 2010].
3. Vdovin M. S., Modelirovanie zakrepowenija krest'jan v Moskovskom carstve». Available at: <http://issuu.com/mikevdovin/docs/> [Accessed 20 December 2010].
4. D'jakonov, M. A., 1908. Ocherki obwestvennogo i gosudarstvennogo stroja Drevnej Rusi. SPb.: Izdanie Juridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo».
5. Vernadsky, G., 1945. Transactions of Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol. XXXVI. P. 24—36
6. Vipper, R. G., 1944. Ivan Groznyj. M.
7. Krizhanich Ju., 1997. Politika. M.

8. Nefedov, S. A., 2002. Voprosy istorii. № 11.
9. Foskarini, M., 1994. Rassuzhdenija o Moskovii. In: Inostrancy o drevnej Moskve. M.
10. Fletcher, D., 1906. O gosudarstve Russkom. SPb.
11. Domar, E. 1970. J. of Economic History. 18—32.
12. Latov, Ju. V., 2004. Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. T. 2. № 4, pp. 111—133.
13. Doroshenko, V., 1974. Trade and agrarian development in the Baltic provinces 15th-19th centuries. Tallin.
14. Skazkin, S. D., 1958. Voprosy istorii. № 2, pp. 96—119.
15. Doroshenko, V. V., 1960. Ocherki agrarnoj istorii Latvii v XVI veke. Izdatel'stvo Akademii nauk Latvijskoj SSSR. Riga.
16. Penskoj, V. V., 2010. Velikaja ognestrel'naja revoljucija. M.: Jeksmo.

About author

Mikhail S. Vdovin, PhD student, Faculty of Economics, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: m_vdovin@mail.ru

Е. Ю. Чернышев

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ
И СКАНДИНАВИИ
КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ
БЕЗОПАСНОСТИ
И МИРНОГО
СОСУЩЕСТВОВАНИЯ
В РАМКАХ
ПОСЛЕВОЕННОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ¹**

Рассмотрено развитие идеи европейского единства в Центральной Европе и Скандинавии как инструмент формирования коллективной безопасности и межгосударственного сотрудничества. Культурно-исторические особенности Центральной Европы и Скандинавии предопределили актуальность сравнительного изучения их подхода к европейской идее. Представлены тенденции и факторы, оказавшие влияние на становление европейской идеи в рамках послевоенного планирования.

Цель исследования — сравнение и выявление схожих или аналогичных признаков и элементов теоретической базы движения за европейское единство в Центральной и Северной Европе.

Сделаны выводы по поводу соотношения модели «Европы регионов» и концепции общеевропейского единства. Идеи скандинавской и центральноевропейской интеграции зиждились на национальной и культурно-исторической близости соседних государств, которые предполагали войти в состав этих образований, что частично принципиально противоречило и противопоставлялось теоретической базе западноевропейской интеграции. С другой стороны, в рамках региональной интеграции считалось, что федерация (или союз соседних государств может) должна расцениваться как шаг на пути к более универсальной организации, что не будет означать изоляции Скандинавии и Центральной Европы от остального мира.

Ценность и практическое значение исследования — сравнительный подход к анализу явлений, которые ранее рассматривались в историографии отдельно. В этом заключается основной вклад в исследование истории идей и европейской дипломатии. Кроме того, тема работы непосредственно касается проблемы безопасности в регионе Балтийского моря, а также политических стереотипов в рамках этой проблематики.

В рамках исследования использовался историко-сравнительный и индуктивный тип историко-типологический метода.

Ключевые слова: интеграция, федерация, нейтралитет, Центральная Европа, Скандинавия.

¹ Статья подготовлена благодаря поддержке Программы Висби Шведского института (The Visby program of Swedish Institute)

Рассматривая вопрос о роли и месте европейской идеи в Центральной Европе и Скандинавии в указанный период в сравнительном плане, очевидно приходится учитывать принципиальные отличия этих географических регионов с точки зрения политической и культурно-исторической однородности. Центральная Европа, которая в данном случае является таковой в рамках проектов центральноевропейской интеграции, а значит, включает в себя такие восточноевропейские страны, как Польша, Чехословакия и Венгрия, имеет значительно меньший уровень политической однородности, который подразумевает стабильные межправительственные связи, близкие степень развития и качество институтов гражданского общества, а также форму устройства политической системы и традиции, чем страны Скандинавии. С другой стороны, даже если абстрагироваться от того огромного влияния, которое оказывало на развитие европейской идеи место этих стран в системе взаимоотношений между СССР и западными союзниками, то можно выделить ряд общих моментов, которые объединяют их и отличают от стран Западной Европы одновременно. Эта качественная тенденция ярко проявляется в дискуссиях и проектах, посвященных послевоенному единству Европы.

В течение межвоенного периода (1918—1939 гг.) Центральная Европа занимала важное место во французской внешней политике, но в 1939 г. по очевидным причинам роль «ментора» перешла к Великобритании. В связи с этим необходимо выделить две основные области противоречий, которые давали почву для активной общественно-политической дискуссии: между США и Великобританией (если не брать в расчет очевидные расхождения в вопросе послевоенного устройства Европы с советским руководством) и среди европейских государств, а точнее, в кругах эмигрантских правительств и движения Сопротивления, выступавших за идею европейского единства в той или иной его форме. Немало подходов и идей, появившихся в это время, позднее легло в основу Европейского союза и европейской интеграции в целом.

Премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне Владислав Сикорский был, пожалуй, наиболее последовательным сторонником концепции федерации. Принципиально его идея в идеале предполагала достаточную степень доминирования Польши в центральноевропейской федерации, что позволило бы Варшаве стать равноправным партнером в отношениях с Лондоном и Парижем, поэтому немецкая агрессия против СССР воспринималась им как фактор, способствующий этим планам.

В действительности позиция В. Сикорского укладывалась в рамки концепции «Новой Европы», которую озвучил британский премьер-министр У. Черчилль советскому послу в Лондоне И. Майскому в разговоре 5 декабря 1941 г. Тогда У. Черчилль предположил, что в состав новой конфедерации могли бы войти Польша, Чехословакия, Югославия и Греция. При этом этим кругом участников можно было бы не ограничиваться и впоследствии расширить ее, создав таким образом пояс государств с общей оборонной, внешней и экономической политикой.

В результате федерация могла бы объединить около 130 млн человек и привела бы к интеграции всей Европы [19].

Сикорский предпринимал немало усилий по созданию — помимо польско-чехословацкой конфедерации, идея которой занимала огромное место в его внешнеполитической деятельности — блока из восьми европейских государств, чьи правительства в эмиграции базировались в Лондоне, а именно Польши, Франции, Чехословакии, Нидерландов, Норвегии, Дании, Бельгии и Югославии. Почти одновременно в июне 1942 г. бельгийское, норвежское и датское правительства в Лондоне представили совместный проект международной системы безопасности, базирующейся на региональных пактах в Северной Атлантике, Южной Атлантике и регионе Тихого океана, которые впоследствии могли бы стать основой всемирной организации. Стороны, которые подписали бы пакт, могли гарантировать себе коллективные меры безопасности против агрессии в указанных регионах.

Польское правительство имело надежды на заокеанского союзника — США. Но там, как и в Великобритании, росло беспокойство по поводу «советского» фактора. В сообщениях 20 февраля 1942 г. в адрес госсекретаря США К. Хэлла и его заместителя С. Уэллса американский посол в Великобритании Д. Биддл обращал внимание на необходимость пристально следить за шагами польского правительства, которое «в глазах американского общественного мнения наносит ущерб России» [17, с. 58]. В результате 6 марта Белый дом уполномочил Д. Биддла проинформировать В. Сикорского, что оно «не заинтересовано в дальнейших дискуссиях по поводу его предложения о послевоенном содружестве и концепции объединения центрально- и восточноевропейских государств» [17, s. 59].

Президент Ф. Рузвельт на следующий день подтвердил свое несогласие с декларацией В. Сикорского по поводу послевоенного сотрудничества малых государств. «Я думаю, — писал он в своей инструкции государственному департаменту, — определенно необходимо вмешаться в планы Сикорского. Сейчас не время говорить о послевоенном положении малых государств, так как это означало бы серьезные проблемы с Россией» [9, p. 113].

Шестнадцатого марта 1943 г. глава министерства иностранных дел Великобритании Э. Иден и английский посол в США лорд Э. Галифакс встретились с заместителем госсекретаря С. Уэллсом. Английское правительство было склонно поддержать идею двух федераций в Европе: Балканской и Центрально-Европейской. С. Уэллс разделял британскую точку зрения, предвидя возможность помимо Балканской федерации создать федерацию, включающую Австрию, Чехословакию и Польшу [17]. При этом было ясно, что У. Черчилль все больше и больше изменяет свое мнение по поводу федеративной системы послевоенной Европы, стараясь дистанцироваться от мысли о Центрально-Европейской федерации как таковой.

Возможно, данное обстоятельство объясняет то, почему 21 марта 1943 г. У. Черчилль вернулся к идее Европейского совета. Здесь стоит

отметить (немного забегаая вперед), что история создания Европейского совета, который появился в 1949 г., очевидно, связана с идеей британского премьер-министра. В рамках Совета должен был бы функционировать Верховный трибунал для разрешения споров между членами европейского объединения. По его мнению, малые государства, включенные в конфедерацию, стали бы равноправными партнерами Великих держав. Черчилль предполагал создание трех объединений: Скандинавского, Дунайского и Балканского [15]. Очевидно, что он намеренно избегал упоминания дефиниции «центральноевропейского» объединения с участием Польши, чтобы не раздражать советское правительство.

С началом 1943 г. стало очевидно, что любые дискуссии, касающиеся изменений в послевоенной европейской организации, невозможны без участия великих держав и что в любом случае вопрос поддержания мира не может быть решен исключительно на европейском уровне.

В мае 1943 г. У. Черчилль во время переговоров с Ф. Рузвельтом заявил, что после войны Европа будет состоять из двенадцати государств или конфедераций, которые сформируют европейские региональные советы, где участие США было бы крайне востребованным. Кроме того, он выразил надежду, что в Юго-Восточной Европе будут созданы несколько объединений — Дунайская федерация с центром в Вене, которая заполнит вакуум, образовавшийся в результате исчезновения Австро-Венгрии, и Балканская федерация. Что касается Польши и Чехословакии, то им стоит поддерживать дружеские отношения с СССР [2].

В чем-то бельгийский министр иностранных дел Поль Анри Спаак был прав, когда говорил, что Сталин заслужил право называться отцом европейского единства [10]. Его непримиримая позиция в отношении европейской интеграции во всех ее возможных формах заставили европейские страны быть ближе друг к другу.

Последние иллюзии по поводу позиции СССР в вопросе федерации исчезли на конференции министров иностранных в Москве 19—30 октября 1943 г., когда министр иностранных дел Великобритании Э. Иден — в соответствии с инструкциями — пытался включить вопрос о Центрально-Европейской федерации в повестку встречи. Он выдвинул предложение принять представителями трех держав декларацию о совместной ответственности за послевоенную Европу, основанную на четырех принципах: свобода выбора правительства для всех, право государств присоединяться к международным ассоциациям или конфедерациям, помощь великих держав государствам, заинтересованным в присоединении к таким конфедерациям, неприятие создания «сфер влияния» [1, р. 161—162]. В. Молотов обвинил его в попытке возобновления политики «санитарного кордона» между СССР и остальной Европой [1, с. 180]. Так как К. Хэлл не поддержал Э. Идена, то он оказался изолированным и не имел другого выхода, кроме как снять вопрос с повестки дня.

В результате советская делегация передала своим американским и английским коллегам заявление «Будущее Польши, Дунайских и Балканских стран, включая вопрос о федерации». В нем она постаралась предельно ясно резюмировать свою позицию: «Образование федерации решениями эмигрантских правительств, которые в силу своего особого положения не могут быть достаточно крепко связаны со своими народами, может быть воспринято как навязывание народам решений, не соответствующих их желаниям. Кроме того, некоторые проекты федераций напоминают советскому народу политику санитарного кордона, направленную, как известно, против Советского Союза и воспринимаемую поэтому советским народом отрицательно» [1, р. 329].

Одними из немногих, кто придерживался более сдержанной позиции в этом вопросе, были советский посол в Великобритании И. Майский и заместитель наркома иностранных дел М. Литвинов; в январе 1944 г. они подчеркивали, что «не в интересах СССР, по меньшей мере в первое время после войны, способствовать созданию различного рода федераций — Балканской, Дунайской, Центрально-Европейской или Скандинавской». Консенсус заключался в том, что СССР должен остаться предельно неуязвимой державой в Европе» [20, р. 85].

Обращаясь к Скандинавии, стоит сразу заметить, что вопрос создания системы коллективной безопасности, советский фактор и опасения малых государств, что по отдельности они не смогут противостоять угрозам, исходящим от крупных агрессоров, играли такую же важную роль, как и в рамках концепции Центрально-Европейской федерации.

Целесообразно остановиться на шведском подходе, так как именно политические и общественные круги Швеции взяли на себя в межвоенный период лидирующую роль среди Скандинавских стран в деятельности по сближению сотрудничества на межправительственном уровне. В дополнение к этому история шведской идеи создания межгосударственных объединений европейского и даже мирового уровня берет свое начало еще в середине XIX в., хотя такие предложения по формированию международных федераций были почти всегда географически ограничены исключительно Скандинавскими странами и на них влияли идеи из континентальной Европы, прежде всего из Франции. Шведский подход можно характеризовать повышенным интересом к вопросам нейтралитета Скандинавских стран и международного или межправительственного арбитража.

Политика скандинавского нейтралитета была относительно успешной в годы как Первой, так и Второй мировой войны, и это становилось серьезным аргументом для выступавших за то, чтобы Швеция и впредь оставалась нейтральным государством и избегала ограничений и обязательств, свойственных международным альянсам и объединениям. С другой стороны, нельзя было не обращать внимания на тот факт, что соседи, которые также придерживались политики нейтралитета, — Норвегия и Дания — тем или иным путем, в той или иной степени были вовлечены в войну. Становилось очевидным: страны мира до такой

степени взаимосвязаны, а значит взаимозависимы, что нейтралитет не мог быть более единственно допустимой моделью для Швеции.

Стоит отметить, что идея Европейской федерации обсуждалась в общественных кругах Швеции в межвоенный период. В связи с этим необходимо вспомнить «Пан-Европу» Р. Куденхове-Каллерги, изданную в Швеции в 1930 г. через несколько месяцев после знаменитой инициативы французского министра иностранных дел Аристиды Бриана по созданию Европейской федерации в рамках Лиги Наций [6]. Уже после начала войны на шведском языке вышла книга бывшего чехословацкого президента Э. Бенеша «Демократия сегодня и завтра», в которой он выражал надежды на то, что европейский кризис приведет к созданию более демократических структур в рамках европейских государств и более совершенной внутриевропейской организации. И такая реорганизация должна была бы начаться с создания региональных федераций, включая и скандинавскую [5].

Швеция присоединилась к Лиге Наций после Первой мировой войны и начала проводить политику качественного повышения сотрудничества между Северными странами. События Второй мировой войны заставили ее внешнюю политику стать более гибкой, приспосабливаться к динамично изменявшейся расстановке сил, а не быть политической устоявшихся принципов. В то время как польские и чешские коллеги активно эксплуатировали тему послевоенной интеграции, в Швеции только к концу войны, когда расклад противоборствующих сил стал более очевидным, в правительственных кругах появились первые серьезные соображения по поводу послевоенной политики.

Но повышенная осмотрительность и прагматизм официальных кругов не помешали общественным дебатам о послевоенной международной организации, которые шли в русле федералистской модели. Тем не менее встретить свидетельства прямой поддержки Европейской федерации можно довольно редко. Идея активно обсуждалась среди шведских авторов, но она была не единственной и тем более не рассматривалась как предпочтительный вариант решения проблемы послевоенной безопасности. Федерация Северных стран или, как это ни странно, федерация всемирного характера, представлялась более реальным сценарием. «Пан-Европа» Р. Куденхове-Каллерги активно обсуждалась [6]. Но, кроме Германа Столпе, не было других авторов, чьи работы посвящались непосредственно и исключительно этой проблеме [18]. Последовательная сдержанность по отношению к «европейской идее» характерна для Скандинавии в целом, но в Швеции (в дополнение к прочему) можно обратить внимание на географическую специфику «среднего» государства, что нашло свое отражение и в культурно-исторических особенностях. В случае необходимости защиты своих общественно-политических традиций Швеция, безусловно, предпочла бы союз исключительно со своими скандинавскими соседями, которые, в отличие от нее, все-таки были более ориентированными на континентальную Европу (как Дания) или на трансатлантические отношения (как Норвегия). В любом случае Панъевропейское движение представ-

ляло собой «общественное поле, в рамках которого обсуждались понятие Европы и видение объединенной Европы. Это общественное поле не являлось однородным, а скорее наоборот, многослойным и противоречивым» [3, р. 25].

Карл Экблом, один из лидеров Шведской ассоциации за мир и арбитраж, был одним из первых в Швеции, кто начал активно обсуждать возможность международной федерации после окончания войны. Но он предостерегал о том, что «если мы предлагаем новые идеи для всемирной или европейской организации, то мы должны иметь в виду, что старые еще не разрушены окончательно и не потеряли своей актуальности полностью» [8, р. 4].

Другой активный сторонник международной федерации, Хальвор Кеннет, выступал за северную федерацию как часть всемирной: «Желательно, чтобы государства-члены федерации не слишком отличались друг от друга по размеру, экономическим или культурным показателям... Таким образом, представляется желательным, чтобы малые государства объединялись между собой в субфедерации, которые сформируют объединения в рамках более крупных образований» [12, с. 43—44]. Не стоит сомневаться, что Скандинавия очень подходит на роль такой субфедерации. По этому поводу Кеннет пишет: «Объединенные штаты Севера — "Норден" — стали бы членом будущей всемирной организации и органичным элементом в широком контексте поддержания мира... Из этого следует, что только по-настоящему наднациональный союз может дать группе малых государств такую степень безопасности, которую они не смогли бы обеспечить себе по отдельности» [12, р. 45].

Среди наиболее известных сторонников международной федерации в Швеции можно вспомнить философа и просветителя Альфа Альберга. В своих работах он упоминает Европейскую федерацию конкретно как часть нового миропорядка [4].

Широко известная шведская писательница Альва Мирдаль активно писала о проблемах послевоенного планирования. Значительная часть ее работ посвящена восстановлению экономики и социальным преобразованиям после войны: «Баланс сил между малыми и крупными государствами — это вопрос, который недостаточно ясно обозначен в любом официальном проекте. Наиболее показательное в этом плане, без сомнения, сообщение У. Черчилля, сделанное в апреле 1943 года, в котором он высказался о создании "Совета Европы", членами которого могут быть федерации малых государств. Мы в Швеции должны присмотреться к тому, не слишком ли это стеснительные для нас рамки. Скандинавия, так же как и Великобритания, не привыкла рассматривать себя просто как часть Европы. Наше самое тесное сотрудничество должно происходить в первую очередь с нашими северными соседями... Сомнительно считать, что было бы в интересах Швеции или Скандинавии в целом присоединяться к чисто европейской организации. Возможно, Северный союз — лучшая альтернатива» [14, р. 137—138].

Подполковник Торстен Хольм активно писал на темы международной безопасности и военной истории: «Это очевидно, что политика изоляционизма Северных стран несовместима с идеей международной мирной организации» [11, р. 76]. Следует напомнить, что идея оборонительного альянса между Финляндией, Норвегией и Швецией высказывалась в марте 1942 г. После оккупации Дании и Норвегии дебаты о будущем Северном оборонительном союзе были возобновлены. Помимо этого, речь шла и о совместной внешней политике. Примером такого подхода может служить памфлет "Nordens forenta stater", опубликованный весной 1942 г. Идеи, изложенные в нем, предусматривали, кроме прочего, полную координацию механизмов безопасности в Северной Европе. Авторы оптимистично считали, что такие меры, как объединение военно-воздушных сил, сделает возможным отражение нападения с любой стороны. Они также высказывали мысль о том, что Северные страны смогут сохранить их традиции права и справедливости, если будут сотрудничать и в политической сфере. А для этого требовался Северный союз с единым правительством, внешней политикой, оборонительной системой, верховным судом и парламентом [16].

В шведских общественных кругах ведущей тенденцией, которая находила наибольшее понимание, можно считать обеспечение будущей послевоенной безопасности в рамках Северного измерения или исключительно шведского. Существовал стойкий скептицизм в отношении возможности создания всемирной организации, поэтому высказывались мысли о том, что Северная Европа должна создать сильную систему безопасности. С другой стороны, в рамках шведского движения за мир считалось, что Северная ассоциация должна расцениваться как шаг на пути к более универсальной организации, что не будет означать изоляции Скандинавии от остального мира.

Из уст чехословацких и польских политиков не раз звучали мысли о целесообразности создания северного альянса. Э. Бенеш, выступая в Чикаго 22 мая 1943 г., прогнозировал, что многие малые народы создадут крупные объединения в будущей Европе [7]. А польский премьер-министр В. Сикорский в интервью в Каире 2 июля 1943 г. настаивал на том, что мир лучше всего защищать федерацией всей Европы, с Польшей и Чехословакией в качестве центрального блока, а также при участии Северного союза.

Становится очевидным, что дипломатическое противостояние между западными союзниками и СССР по проблеме послевоенного планирования Европы и последующую «холодную войну» можно назвать «повивальным бабками» рождения современного Европейского сообщества. Проекты центральноевропейской и скандинавской интеграции как варианты, не вполне укладывающиеся в модель «общей Европы» в ее классической западноевропейской форме, не стали исключением в этом смысле, а для стран «восточного блока» стремление в европейское сообщество оставалось вожаделенной целью на протяжении всей второй половины XX в.

Советское руководство сталинской эпохи рассматривало европейскую интеграцию прежде всего как потенциальную угрозу интересам безопасности СССР, и тому было немало реальных примеров и в XIX, и в XX в. Однако в Москве не уделяли должного внимания экономическому аспекту и потому представляли этот процесс в Европе как стратегический этап на пути к последующему противостоянию с Советским Союзом.

Обращаясь к другому ключевому моменту, стоит отметить, что склонность сторонников интеграции в Центральной Европе и Скандинавии к модели «Европы регионов» не вполне однозначно. Европейское сообщество невозможно построить на базе абстрактной схематичной федерализации искусственных регионов или за счет демонтажа структур национального уровня [13]. А именно это обстоятельство сторонники интеграции в Восточной и Северной Европе часто игнорировали.

Остановившись на Скандинавии, можно заметить, что в послевоенное время отношения Северных стран между собой еще более, чем ранее, стали вопросом политического престижа, а не только необходимой безопасности. В первые послевоенные годы Скандинавские страны питали надежду на постепенное преодоление разрыва между Западом и Востоком. Экономическим выражением этих настроений было, в частности, шведское кредитное соглашение с СССР 1945—1946 гг. Предоставление кредита имело экономические и политические мотивы, а важность поддержания хороших отношений с Советским Союзом недвусмысленно подчеркивалась.

Шведское стремление к северному сотрудничеству в послевоенное время было частично продиктовано необходимостью использовать его для обеспечения коллективной безопасности и создания для политики нейтралитета более широкой базы, чем та, которую давали исключительно национальные рамки. Именно поэтому, а также по причине неучастия в войне и стабильного экономического положения на начальном этапе «холодной войны» Швеция взяла на себя инициативу по организации сотрудничества в сфере безопасности между Скандинавскими странами, которое способствовало бы разрядке отношений с СССР. Биполярная структура послевоенного мира поставила проекты с участием Северных стран на важное место в политической повестке дня.

Список источников и литературы

1. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* Т. 1.
2. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 3—4.
3. *A last stronghold against fascism and national socialism? The Pan-European debate over the creation of a European party in 1932* // *Journal of European integration history*. 2002. Vol. 8, №2. P. 25.

4. *Ahlberg A.* Uppfostran i efterkrigstidens värld // Riktlinjer för en världsfederation. Stockholm, 1945.
5. *Beneš E.* Demokration: Dess nutid och framtid. Stockholm, 1940.
6. *Coudenhove-Kalergi R. N.* Pan-Europa. Stockholm, 1930.
7. *Edvard Beneš* in his own words. N.Y., 1944.
8. *Eklblom K.* Våra studier: Union nu // Freden. 1939. Vol. 12, №22. P. 4.
9. *Foreign relations of the United States* 1942. Washington, 1958. Vol. 3.
10. *Heather D.* The idea of European Union. L., 1992.
11. *Holm T.* Från krig till fred. Uppsala, 1943.
12. *Khennet H.* Nordens framtid// Mellanfolkligt Samarbete. 1941. Vol. 11, №2. P. 43—44.
13. *Lot V.* Identity and statehood in the process of European integration// Journal of European integration history. 2000. Vol. 6, №1. P. 25.
14. *Myrdal A.* Efterkrigsplanering // Mellanfolkligt samarbete. Stockholm. 1943. Vol. 13, №7. P. 137—138.
15. *New York Times.* 1943. 22 March. P. 4.
16. *Nordens förenta stater.* Stockholm, 1942.
17. *Pastusiak L.* Roosevelt a sprawa polska. Warszawa, 1980.
18. *Stolpe H.* Debatten om en världsfederation // Mellanfolkligt Samarbete. 1943. Vol. 15.
19. *Sadowski J.* Polscy federalisci I konfederalisci, czyli o zapomnianym rozdziale ze wspólnej europejskiej historii // ResPublica Nowa. 2003. №5 (176).
20. *Zubok V.* The Soviet Union and European integration from Stalin to Gorbachev // Journal of European integration history. 1996. Vol. 2, №1. P. 85.

Об авторе

Чернышев Евгений Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры политологии и социологии, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: historic@mail.ru

E. Yu. Chernyshev

THE EUROPEAN IDEA IN CENTRAL EUROPE AND SCANDINAVIA AS A PART OF THE SECURITY AND PEACEFUL CO-EXISTENCE POLICY IN THE FRAMEWORK OF POSTWAR PLANNING

This article is dedicated to the development of European unity in Central Europe and Scandinavia as a mechanism of collective security and intergovernmental cooperation development. The cultural and historical features of Central Europe and Scandinavia emphasise the need for a comparative study into the European idea. This article considers the tendencies and factors, which affected the development of European idea in the framework of post-war planning.

This research sets out to compare and identify similar or analogous features and elements of the theoretical bases of movements for European unity in Central and Northern Europe.

The author comes to conclusions about the correlation between the «Europe of regions» model and the European unity concept. The ideas of Scandinavian and Central European integration rested on national and cultural and historical connections of the neighbouring countries expected to constitute such formations, which contradicted and was opposed to the theoretical framework of Western European integration. On the other hand, regional integration implied that a federation or union of neighbouring states could be considered a step towards a more universal organisation, which would not mean the isolation of Scandinavia and Central Europe from the rest of the world.

The theoretical and practical significance of this work consists in the comparative approach to the analysis of phenomena, which have been considered individually in the framework of historiography. It is the major contribution of the article to research on history of ideas and European diplomacy. Moreover, the subject of research is immediately connected to the problem of security in the Baltic region and the Soviet factor, as well as political stereotypes produced in this field.

The author employed the historical comparative and inductive types of the historical typological method.

Key words: integration, federation, neutrality, Central Europe, Scandinavia.

References

1. Sovetskij Sojuz na mezhdunarodnyh konferencijah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945, 1972. Vol. 1, pp. 161—162.
2. Churchill, W., 1991. Vtoraja mirovaja vojna. Vol. 3—4, pp. 648—649.
3. A last stronghold against fascism and national socialism? The Pan-European debate over the creation of a European party in 1932, 2002. *Journal of European integration history*, Vol. 8, № 2, p. 25.
4. Ahlbergm, A., 1945. Uppfostran i efterkrigstidens värld. Riktlinjer för en världsfederation. Stockholm.
5. Beneš, E., 1940. *Demokratien: Dess nutid och framtid*. Stockholm, p. 207.
6. Coudenhove-Kalergi, R. N., 1930, 1932. *PanEuropa*. A. B. C. Stockholm.
7. Edvard Beneš in his own words, 1944. New York.
8. Ekblom, K., 1939. *Freden*. Vol. 12. № 22, p. 4.
9. Foreign relations of the United States 1942, 1958. Vol. 3. Washington, p. 113.
10. Heather, D., 1992. *The idea of European Union*. L., p. 150.
11. Holm, T., 1943. *Från krig till fred*. Uppsala, p. 76.
12. Khennet, H., 1941. *Mellanfolkligt Samarbete*. Vol. 11, № 2, p. 43—44.
13. Lot, V., 2000. *Journal of European integration history*. Vol. 6, № 1, p. 25.
14. Myrdal, A., 1943. *Mellanfolkligt samarbete*. Vol. 13, № 7, p. 137—138.
15. New York Times, 1943. 22 March, p. 4.
16. Nordens förenta stater, 1942. Stockholm.
17. Pastusiak, L., 1980. *Roosevelt a sprawa polska*. Warszawa, p. 58.
18. Stolpe, H., 1943. *Mellenfolkligt Samarbete*. Vol. 15.
19. Sadowski, J., 2003. *ResPublica Nowa*. № 5 (176).
20. Zubok, V., 1996. *Journal of European integration history*. Vol. 2, № 1, p. 85.

About author

Dr Yevgeny Yu. Chernyshev, Lecturer, Department of Political Science and Sociology, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: historic@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 911.53 (470.2)

А. Г. Манаков
А. А. Андреев

КУЛЬТУРНО- ЛАНДШАФТНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Исследование проведено в рамках культурной географии — относительно молодого направления географической науки. В статье рассматриваются вопросы географического изучения культурных ландшафтов Северо-Запада России, территориально охватывающего Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую и Калининградскую области.

Цель исследования — разработка и апробация методики культурно-ландшафтного районирования на мезогеографическом уровне.

Научная и практическая значимость работы связана с выявлением специфики формирования культурных ландшафтов Северо-Запада страны, что может быть применено при разработке схем сохранения и рационального использования культурного и исторического наследия территорий.

Авторы опираются на культурно-ландшафтное районирование как на ключевой географический метод изучения культурных ландшафтов. Для этого предложена иерархия культурно-ландшафтных районов, сопоставимая с системами районирования, применяемыми в физической, исторической и культурной географии.

В качестве основных результатов исследования выступает разработанная авторами таксономия культурно-ландшафтных комплексов и созданная на ее основе система культурно-ландшафтного районирования Северо-Запада России, отображенная на картосхеме. В качестве примера дается описание выделенных культурно-ландшафтных провинций региона.

Вкладом проведенного исследования в отечественную географию культуры является разработка авторского варианта таксономии культурно-ландшафтных комплексов и основных принципов культурно-ландшафтного районирования на разных иерархических уровнях.

Итоги исследования применимы в первую очередь при разработке проектов сохранения и использования культурного наследия территорий в рамках комплексных схем территориального планирования регионов страны.

Ключевые слова: культурный ландшафт, культурно-ландшафтные системы, культурно-ландшафтное районирование, историко-культурное районирование, Северо-Запад России.

Северо-Запад России — один из наиболее давно заселенных и освоенных регионов страны. Длительная история освоения территории Северо-Запада отразилась в облике его культурных ландшафтов, фор-

мирование которых происходило под влиянием множества разнообразных факторов (историко-культурных, этнических, природных и др.). Это привело к большому разнообразию культурно-ландшафтных систем [9; 13].

Систематизация культурных ландшафтов позволяет применить для их изучения метод районирования как наиболее эффективный и информативный. Культурно-ландшафтное районирование является комплексным, при его разработке в каждом конкретном случае приходится взвешивать, какой из факторов (или какое сочетание факторов) играет ведущую роль при выделении границ того или иного района [14].

Для культурных ландшафтов Северо-Запада России целесообразно использовать иерархическую систему деления на комплексы различного размера. Подобные системы широко применяются при культурно-ландшафтном районировании [4; 6; 13]. Пример такой системы представлен в таблице, где для сравнения показаны система таксонов, применяемая в физико-географическом районировании, а также система районов, предложенная Р. Ф. Туровским [2; 13]. Иерархическая система таксонов включает в себя уровни организации ландшафтных комплексов от максимальных по размеру (культурно-ландшафтный мир) до минимальных, в качестве которых выступают культурно-ландшафтные единицы (КЛЕ). Как ключевой методический прием при выделении границ таксонов наиболее эффективен метод плавающих признаков районирования, предложенный Л. В. Смирнягиным [11]. Данный метод позволяет выявить максимальное число взаимосвязей и закономерностей сложных территориальных объектов, каковыми и выступают культурно-ландшафтные комплексы.

Северо-Запад России можно рассматривать как большую культурно-ландшафтную систему, соответствующую культурно-ландшафтному микрорегиону (табл. 1) — крупной территориальной структуре, на уровне которой проявляются общие закономерности дифференциации культурно-ландшафтного пространства. На более низких уровнях культурно-ландшафтных районов мы предлагаем выделять культурно-ландшафтные провинции и округа.

На уровне культурно-ландшафтных провинций и более низких ступенях районирования происходит разграничение пространства по более сложной совокупности признаков, чем при обозначении высших единиц районирования.

Границы культурно-ландшафтных провинций проводятся по совокупности совпадающих признаков и опираются на барьеры и рубежи разного происхождения. Культурно-ландшафтные провинции представляют собой относительно однородные районы. Их однородность обуславливается меньшей по сравнению с таксонами более высокого ранга площадью. Однако следует иметь в виду, что культурно-ландшафтные районы любого ранга можно считать однородными только условно, так как культурно-ландшафтные системы внутри районов чаще всего носят узловой характер.

Иерархия культурно-ландшафтных систем

Таксономическая единица	Описание	Физико-географический аналог	Аналог по Р. Ф. Туровскому [13]
Культурно-ландшафтный мир	Наиболее крупная культурно-ландшафтная система. Объединяющие факторы — общие традиции населения, история, национальное самосознание. Как правило, культурно-ландшафтные миры сопоставимы с цивилизациями (Российский, Западно-Европейский культурно-ландшафтный мир и т. д.)	Природная зона	Культурный мир
Культурно-ландшафтный макрорегион	Устойчивая система, обладающая культурно-исторической общностью, этническим разнообразием и имеющая в своей основе четко выраженные природные границы (например, Европейская часть России)	—	—
Культурно-ландшафтный мезорегион	Промежуточная таксономическая единица	Ландшафтная страна	Область. Группа этносов
Культурно-ландшафтный микрорегион	Культурно-ландшафтная система, имеющая в своей основе историческую и социокультурную общность. Микрорегионы сопоставимы по размерам с экономическими районами России	—	—
Культурно-ландшафтный макрорайон, или культурно-ландшафтная провинция (КЛП)	Таксономическая единица, границы которой во многом связаны с устойчивыми историческими, политическими, административными барьерами (например, Псковская земля, Новгородская земля)	—	—

Культурно-ландшафтный мезорайон, или культурно-ландшафтный округ (КЛО)	Таксономическая единица, объединяющая в своем составе несколько культурно-ландшафтных районов (КЛР). Границы проводятся на основе сочетания четко выраженных культурно-исторических различий и природных признаков	Провинция	Край. Субэтническая группа сложно устроенного этноса
Культурно-ландшафтный район (КЛР)	Объединение сходных по типу культурных ландшафтов, связанных основными факторами. На данном уровне начинают работать «плавающие признаки» районирования (природные барьеры, этнолингвистические, политико-административные и другие границы)	Природный ландшафт	Земля. Крупный город
Культурный ландшафт (КЛ)	Представляет собой систему культурно-ландшафтных единиц (КЛЕ), объединенных общими культурными связями. КЛЕ в составе КЛ играют роль узловых образований, но в пределах ландшафта сохраняется общность культурных, исторических, социальных, этнических и других признаков	Природный ландшафт, местность	Местность. Крупный комплекс культурных объектов. Город, группа сел
Культурно-ландшафтная единица (КЛЕ)	Наименьшая культурно-ландшафтная система, состоящая из совокупности сельских населенных пунктов с прилегающими территориями в пределах радиуса повседневной доступности	Урочище	Община. Село, городской квартал

Рассмотрим выделение культурно-ландшафтных провинций на примере Северо-Западного культурно-ландшафтного микрорегиона. В пределах Северо-Западного микрорегиона можно обозначить пять культурно-ландшафтных провинций (рис. 1). Территория Калининградской области рассмотрена нами ниже на уровне отдельного культурно-ландшафтного округа.

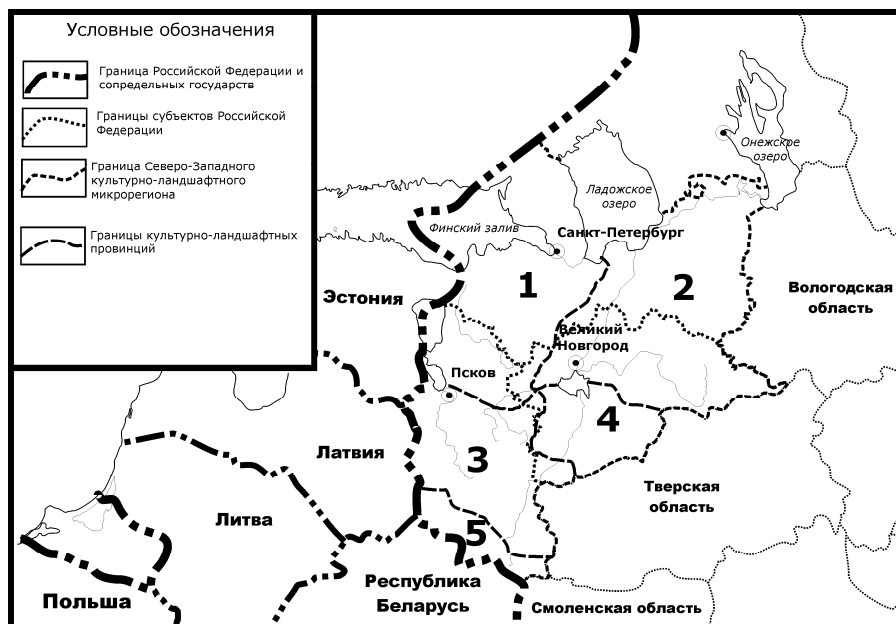

Рис. 1. Культурно-ландшафтные провинции Северо-Западного культурно-ландшафтного микрорегиона:
1 — Петербургская (Северо-Западная); 2 — Новгородско-Волховская; 3 — Псковская;
4 — Ильменско-Ловатская; 5 — Южнопсковская

1. Петербургская (Северо-Западная) культурно-ландшафтная провинция объединяет территории, обладающие различной культурно-ландшафтной историей. Связующая культурно-ландшафтная структура — Санкт-Петербург. Характерная особенность культурно-ландшафтного облика Петербургской провинции — это контрастность ландшафтных систем: здесь наряду с крупными ландшафтными комплексами дворянских усадеб и имений присутствуют и слабо освоенные территории.

2. Новгородско-Волховская культурно-ландшафтная провинция охватывает территорию бассейнов рек Волхов, Свирь, северо-западные склоны Тихвинской гряды и Вепсовской возвышенности. В культурно-историческом плане данная территория находилась под влиянием Великого Новгорода, что сказалось на формировании культурно-ландшафтных особенностей. Однако по сравнению с более южными территориями (к югу от Великого Новгорода) здесь хорошо прослеживается влияние северорусских культурно-ландшафтных традиций. Например,

практически полностью с выделяемой провинцией совпадают границы распространения групп говоров северного наречия русского языка (ладого-тихвинская, онежская группы) [1]. В основе выделения границ Новгородско-Волховской провинции лежит принцип сопоставления границ различного происхождения — административных, этнолингвистических, природно-ландшафтных. Так, южная граница провинции проведена по сочетанию природной границы подзоны южной тайги и совпадающей с ней границей распространения северорусских говоров. Западная граница провинции совпадает с существовавшей длительное время административной границей Новгородских земель (возраст границы — более 100 лет [8]) и проходящей здесь границей северорусских говоров.

3. Псковская культурно-ландшафтная провинция занимает территорию, в историческом и культурном плане длительное время существовавшую в составе Псковской губернии, а еще ранее — Псковской вечевой республики. Особенности исторического развития сформировали черты специфичного псковского культурного ландшафта, отличающегося особым обликом, традициями и самосознанием населения [3]. Данная территория находится в пределах распространения псковской группы среднерусских говоров. Северные границы провинции совпадают с природно-ландшафтной границей подзоны южной тайги и смешанных лесов, которая очень хорошо прослеживается в изменении структуры расселения и особенностях формируемых культурных ландшафтов. Южная и восточная границы провинции — исторически устойчивые административные границы Псковского региона (губернии, области) [8]. Помимо этого южная граница Псковской культурно-ландшафтной провинции является северной границей распространения говоров южного наречия русского языка.

4. Ильменско-Ловатская культурно-ландшафтная провинция, с одной стороны, — это район, исключаяющий территории соседних провинций. С другой стороны, культурные ландшафты Ильменско-Ловатской провинции имеют общую природную основу — наиболее освоенные территории тянутся в меридиональном направлении вдоль долин рек Ловати, Полисти, Рдеи, Полю и отделены от соседних провинций природно-ландшафтными барьерами (на западе — Полистовский болотный массив, на севере — граница подзоны южной тайги, на юге — северные склоны Валдайской возвышенности). В лингвистическом плане западная и южная границы провинции совпадают с границами распространения новгородских говоров.

5. Южнопсковская культурно-ландшафтная провинция выступает северной границей распространения южнорусских говоров, в которых здесь заметно белорусское влияние. Это своеобразная переходная зона, сформировавшаяся в результате тесного взаимодействия псковских и северобелорусских культурно-ландшафтных традиций. В административно-территориальном плане данная территория длительное время (вплоть до второй четверти XX в.) входила в состав Витеб-

ской губернии. Здесь сформировались культурные ландшафты, обладающие специфическими чертами, позволяющими отделить их от соседних псковских культурных ландшафтов.

Более низкой ступенью культурно-ландшафтного районирования являются культурно-ландшафтные округа. Культурно-ландшафтный округ (КЛО) представляет собой систему культурных ландшафтов, объединенных в первую очередь историческими особенностями развития и сходной природной основой. Структурные изменения, происходящие в культурно-ландшафтных системах на топонимическом уровне при взаимодействии природной основы и деятельности человека, аккумулируются и в совокупности образуют структурные изменения более высокого ранга, которые проявляются на уровне культурно-ландшафтных округов.

В пределах четырех культурно-ландшафтных провинций Северо-Западного микрорегиона нами было выделено 13 культурно-ландшафтных округов, в качестве 14-го КЛО обозначена территория Калининградской области (рис. 2). Обобщим основные группы признаков и факторов, учитывавшихся при районировании Северо-Запада России на уровне культурно-ландшафтных округов.

Рис. 2. Культурно-ландшафтные округа

Северо-Западного культурно-ландшафтного микрорегиона:

- 1 — Гдовско-Плюсский; 2 — Псковско-Великорецкий; 3 — Южный (Невельско-Себежский);
 4 — Восточно-Псковский (Шелонско-Ловатский); 5 — Ильменский;
 6 — Валдайский; 7 — Новгородский; 8 — Тихвинский; 9 — Ижорско-Ладожский;
 10 — Волховско-Свирьский; 11 — Вепсовский; 12 — Выборгский;
 13 — Санкт-Петербургский; 14 — Калининградский

Первую группу факторов составляют особенности природной основы исследуемой местности. Территории Северо-Запада России обладают набором природных ландшафтов, создающих контрастные переходы и барьерные границы. В первую очередь это чередование равнинных территорий с развитой речной сетью и возвышенностей (Лужской, Судомской, Бежаницкой, Валдайской и др.) [1]. Как правило, возвышенности играют роль своеобразных барьерных границ для ряда признаков различного характера. К подобным признакам следует отнести исторически сложившиеся административные границы, лингвистические границы, исторические ареалы проживания небольших этнических групп (вепсы, ижора, сету), этнографические различия населения отдельных территорий и т. д. В роли природных барьеров, помимо возвышенностей, также выступают болотные массивы и слабо освоенные природные территории (Полистовский болотный массив, участки Приильменья и т. п.) [2].

Особо следует отметить границы смены крупных природных сообществ. Это граница подзоны южной тайги и смешанных лесов, которая хорошо сопоставляется с переходной зоной распространения северорусских и среднерусских культурных и лингвистических традиций [1; 3]. Помимо этого, на севере Ленинградской области проходит южная граница Балтийского щита, и природные ландшафты, находящиеся севернее этой границы, заметно отличаются от ландшафтов остальной территории.

Вторую группу факторов составляют культурно-исторические особенности развития территории. Исторический анализ территории связан прежде всего с рассмотрением особенностей развития псковских, новгородских земель, чуть позже — Санкт-Петербургской губернии. Отдельно, в силу исторических причин, рассматривается территория современной Калининградской области. Для районирования культурно-ландшафтных комплексов наибольший интерес представляют административные и государственные границы, существующие длительное время [8], так как они отличаются устойчивостью и отражают различия в культурных особенностях. Например, это граница между новгородскими и псковскими землями; бывшая северная граница Витебской губернии и др.

В третью группу факторов входят этнографические и лингвистические особенности населения. Сюда относится ведение традиционного хозяйства в сельской местности, планировка и строительство помещений, фольклор, бытовые традиции и т. д. В качестве примера можно привести различия в традициях строительства сельского жилья в западной, восточной и южной частях Псковской области: дома отличаются типами дворов (открытые и закрытые), строительным материалом, декоративными элементами и т. д. [3; 10]. Другой пример — наличие сразу нескольких групп говоров русского языка на территории Северо-Запада России [1].

В четвертую группу факторов районирования следует объединить все остальные признаки, которые не вошли в состав первых трех групп.

Согласно принципу плавающих признаков районирования подобных особенностей может быть достаточно много — в зависимости от совокупности особенностей конкретной территории. Примером одного из подобных признаков может служить ассоциативное самоопределение населения тех или иных территорий и противопоставление себя своим соседям (псковичи, новгородцы и т. д.).

Особо следует сказать о Калининградском культурно-ландшафтном округе как о структуре, развитие которой происходило отдельно от других культурных ландшафтов Северо-Запада России. Культурные ландшафты округа стали результатом длительного развития и смешения культурного наследия балтов (пруссов), немцев и позже переселенцев из СССР — в основном русских. Особенностью округа можно назвать то, что в настоящий момент богатый историко-культурный потенциал территории практически не выражен или находится в виде руин, отдельных строений и прочих реликтов. В ходе Второй мировой войны большинство культурно-исторических объектов, формирующих облик культурных ландшафтов, было уничтожено, а после войны почти все коренное население депортировано. Поэтому точкой отсчета формирования современных культурных ландшафтов Калининградского округа можно считать вторую половину XX в. — после вхождения данной территории в 1945 г. в состав СССР.

Рассмотренные культурно-ландшафтные системы требуют более подробного изучения и уточнения границ. Детальное исследование может быть осуществлено при районировании описываемой территории на уровне культурно-ландшафтных районов, культурных ландшафтов и культурно-ландшафтных единиц (см. табл., с. 136—137). Для выполнения подобной задачи требуется изучение ландшафтных взаимосвязей на микроуровне.

Структура культурно-ландшафтных комплексов Северо-Запада России неоднородна и относительно слабо изучена, поэтому создание схемы районирования служит выявлению принципов формирования и развития культурных ландшафтов региона. Понимание подобных принципов — важное условие сохранения и рационального использования культурно-ландшафтного наследия территории.

Список литературы

1. Захарова К. Ф. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
2. Исаченко А. Г. и др. Физико-географическое районирование Северо-Запада СССР. Л., 1965.
3. Кадастр (свод памятников) «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области». Псков, 1997.
4. Калуцков В. Н. Культурно-ландшафтное районирование Русского Севера: постановка проблемы // Рябининские чтения. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007. С. 54—56.
5. Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000.
6. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.

7. *Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования: Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт»* / под ред. В. Н. Калущкова, Т. М. Красовской. М., 2003.
8. Манаков А. Г., Евдокимов С. И., Григорьева Н. В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. Псков, 2010.
9. Манаков А. Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002.
10. *Русские: историко-этнографические атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда.* М., 1967.
11. Смирнягин Л. В. Районы США: портрет современной Америки. М., 1989.
12. Соколова Е. Н. Ландшафтный анализ геокультурного пространства Вологодской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 1997.
13. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М., 1998.
14. Чалая И. П., Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М., 1997.

Об авторах

Манаков Андрей Геннадьевич, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет.
E-mail: region-psk@yandex.ru

Андреев Александр Анатольевич, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет.
E-mail: a3pochta@mail.ru

G. A. Manakov, A. A. Andreev

HISTORICAL AND CULTURAL ZONING IN NORTH-WESTERN RUSSIA

This research was conducted in the framework of cultural geography — a relatively young field of geographical science. This article considers the problems of geographical study of cultural landscapes of north-western Russia, which includes Saint Petersburg, the Leningrad, Novgorod, Pskov, and Kaliningrad regions.

This article sets out to develop and test the methodology of historical and cultural zoning at the mesogeographical level.

The research and practical significance of the work consists in the identification of the features of formation of cultural landscapes of north-western Russia, which can be used for the development of schemes of protection and rational management of territorial cultural and historical heritage.

The authors rely on historical and cultural zoning as the basic geographical method of research on cultural landscapes. To this effect, the article offers a hierarchy of historical and cultural zones comparable to the zoning systems applied in physical, historical, and cultural geography.

The major results of research are the authors' taxonomy of historical and cultural complexes and the corresponding system of historical and cultural zoning of North-Western Rus-

sia presented on a sketch map. The article offers an exemplary description of historical and cultural provinces of the region.

The contribution of research to Russian geography of culture is the authors' variant of taxonomy of historical and cultural complexes and the formulation of basic principles of historical and cultural zoning at different hierarchical levels.

The research results can be applied, first of all, in the development of projects aimed at the protection and use of territorial cultural heritage in the framework of comprehensive schemes of territorial planning of the country's regions.

Key words: cultural landscape, cultural landscape systems, cultural landscape zoning, historical and cultural zoning, North-West Russia.

References

1. Zaharova, K. F., 1970. *Dialektnoe chlenenie russkogo jazyka*. Moscow: Prosveshchenie.
2. Kadastr (svod pamjatnikov) «Dostoprimechatel'nye prirodnye i istoriko-kul'turnye obekty Pskovskoj oblasti», 1997. Pskov.
3. Kaluckov, V. N. 2007. *Rjabininskie chtenija. Muzej-zapovednik «Kizhi»*, pp. 54—56.
4. Kaluckov, V. N. 2000. *Osnovy jetnokul'turnogo landshaftovedenija*. Moscow: Moscow state university press.
5. Vedenin, Ju. A., Kuleshov M. E., 2004. *Kul'turnyj landshaft kak obekt nasledija*. Moscow: Institut Nasledija, Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin.
6. Kaluckov, V. N., Krasovskaja, T. M., 2003. *Kul'turnyj landshaft: Teoreticheskie i regional'nye issledovanija. Tretij jubilejnyj vypusk trudov seminara «Kul'turnyj landshaft»*. Moscow: Moscow state university press.
7. Manakov, A. G., Evdokimov, S. I., Grigor'eva, N. V., 2010. *Zapadnoe porubezh'e Rossii: geograficheskie aspekty stanovlenija i razvitija Pskovskogo regiona*. Pskov: "Logos" Publishing.
8. Manakov, A. G., 2002. *Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarhija*. Pskov: Centr «Vozrozhdenie» pri sodejstvii OCNT.
9. Russkie: istoriko-jetnograficheskie atlas: Zemledelie. Krest'janskoe zhiliwe. Krest'janskoe zhiliwe. Krest'janskaja odezhda, 1967. Moscow: Nauka.
10. Smirnjagin, L. V., 1989. *Rajony SShA: portret sovremennoj Ameriki*. Moscow: Mysl'.
11. Sokolova, E. N., 1997. *Landshaftnyj analiz geokul'turnogo prostranstva Vologodskoj oblasti*. Saint Petersburg.
12. Turovskij, R. F., 1998. *Kul'turnye landshafty Rossii*. Moscow: Institut Nasledija.
13. Chalaja, I. P., Vedenin, Ju. A., 1997. *Kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie Tverskoj oblasti*. Moscow: Rossijskij nauchno-issledovatel'skij institut kul'turnogo i prirodnogo nasledija.

About authors

Prof. Andrey G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University.
E-mail: region-psk@yandex.ru

Alexander A. Andreev, PhD Student, Department of Geography, Pskov State University.
E-mail: a3pochta@mail.ru

Научное издание

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2011
4 (10)**

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *Е. В. Владимирова*
Оригинал-макет подготовлен *О. М. Хрустальной*

Подписано в печать 24.11.2011 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$
Гарнитура «Times». Ризограф. Усл. печ. л. 12,7. Уч.-изд. л 10,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 297.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14